

Философия П права

№ 2 (81)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2017

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 30 сентября 1999 г.
Регистрационный номер ПИ 019290

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кожевников В. В., Шипилов И. А.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РЕАЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ В ПРАВЕ:
ПРОБЛЕМЫ ИХ СООТНОШЕНИЯ 7

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

Игонина Н. А.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЗАКОННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (ЧАСТЬ 1) 13

Казарян К. В., Литвинова Ю. И.

МИГРАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 20

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Ханахмедова Л. В., Стругова Е. В.

ПОСТРОЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:
ОТ ВОЗМОЖНОСТИ К НЕОБХОДИМОСТИ 25

Плясунов В. В.

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ СВОБОДЫ СЛОВА В РОССИИ 30

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Рыжов Д. В.

СУДЕБНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1725–1762) 35

Алимамедов Э. Н.

ГЕНЕЗИС ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 41

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Бурлуцкий А. Н., Келеберда Н. Г., Левин В. М.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СУЩНОСТЬ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
М. ШЕЛЕРА 47

Поликарпов Д. И.

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНОСФЕРЕ:
ОПЫТ «ПРИРАЩЕНИЯ» ИЛИ «ОПУСТОШЕНИЯ»? 52

Нарыков Н. В., Анистратенко Т. Г.

ИНТРОВЕРТИВНЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ РЕФЛЕКСИИ 56

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Клочков В. В.

АКТ О ВЛАДЕНИЯХ И ДОХОДАХ ИРЛАНДСКОЙ ЦЕРКВИ 1833 ГОДА
И ЕГО РОЛЬ В ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ 61

Лагунова И. С.

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВЕТСКОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ 65

Матяш Т. П., Матяш Д. В. ТИПЫ ХРИСТИАНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ:

РОССИЯ И ЕВРОПА 69

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Власова В. Н.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ 77

ДУХОВНЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА

Гаврилова Ю. А., Гаврилов Д. А.

КОНЦЕПТЫ «ЖИЗНЬ» И «ЗДОРОВЬЕ» И ИХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ
ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 82

Гулевский А. Н., Гулевская Н. А.

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА 87

Карнаушенко Л. В.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОМ
«ТЕХНОЛОГИЗИРОВАННОМ» ГОСУДАРСТВЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ 95

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Тишкин Д. Н., Самыгин П. С.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 100**

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ**

Скороходова В. П.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ
2016 ГОДА В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 107**

Вакула И. М., Борисова Е. С.

**СПОНТАННЫЙ АСПЕКТ ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ИРРЕГУЛЯРНОМ
ЭТАПЕ ГЕНЕЗИСА ГОСУДАРСТВА 116**

Соколов В. А., Цыганаш В. Н.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 122

Главный редактор: **К. А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

А. Ю. Терехов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
А. С. Ханахмедов, канд. юрид. наук
(заместитель главного редактора);
П. П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
И. М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А. А. Конгарев, д-р филос. наук, проф.;
Е. Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Рожковский, д-р филос. наук, проф.;
Е. А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А. В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
А. И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т. С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В. Б. Устьянцев, д-р филос. наук, проф.;
Г. Ч. Синченко, д-р филос. наук, проф.;
А. В. Лубский, д-р филос. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Адрес издателя: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Адрес редакции: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта: ruiperiodika@mail.ru

Официальный сайт журнала: periodika.ruimvd.ru

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Цена по подписке по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 1164 рубля (2 номера).

Выпускающий редактор: И. А. Мосенцева
Компьютерный набор и верстка: Е. Е. Пелехатая

Сдано в набор 05.06.2017. Подписано к печати 27.06.2017. Выход в свет 29.06.2017.
Формат 60x84 1/8. Объем 15,8 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 14,88. Тираж 300 экз. Заказ № .

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

EPISTEMOLOGY AND METHODOLOGY OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL RESEARCH

Kozhevnikov V. V., Shipilov I. A. THE REALITY, THE REAL LIFE AND THE OPPORTUNITY IN LAW: PROBLEMS OF THEIR CORRELATION	7
---	---

THE UNDERSTANDING OF LAW AND LEGAL DOCTRINE

Igonina N. A. TO THE QUESTION ABOUT THE SITUATION OF LEGALITY IN THE SOCIAL SPHERE (PART 1)	13
Kazaryan K. V., Litvinova Yu. I. MIGRATION ACTIVITY AS A TYPE OF LEGAL ACTIVITY	20

PROBLEMS OF THE LEGAL AXIOLOGY

Khanakhmedova L. V., Strugova E. V. CONSTRUCTION OF THE UNIVERSAL CONCEPT OF HUMAN RIGHTS: FROM POSSIBILITY TO NECESSITY	25
Plyasunov V. V. FEATURES OF THE EVOLUTION OF FREEDOM OF SPEECH IN RUSSIA	30

HISTORY OF PHILOSOPHY OF LAW

Ryzhov D. V. THE JUDICIAL LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE (1725–1762)	35
Alimamedov E. N. THE GENESIS OF THE HISTORY OF THE INSTITUTION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE RUSSIAN LEGISLATION	41

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANTHROPOLOGY

Burlutsky A. N., Keleberda N. G., Levin V. M. MAN AND HIS ESSENCE IN M. SCHELER'S PHENOMENOLOGICAL CONCEPTION	47
Polikarpov D. I. PERSONAL IDENTITY OF MAN IN THE TECHNOSPHERE: THE EXPERIENCE OF THE «INCREASE» OR «DEVASTATION»?	52
Narykov N. V., Anistratenko T. G. INTROVERTIVE FORMS OF SOCIAL AND PERSONAL REFLECTION	56

RELIGIOUS AND LEGAL STUDIES

Klochkov V. V. AN ACT CONCERNING THE PROPERTY AND REVENUES OF THE IRISH CHURCH OF 1833 AND ITS ROLE IN THE CHURCH POLICY OF THE BRITISH CONSERVATIVES	61
Lagunova I. S. THE IMPORTANCE OF THE PRINCIPLE OF SECULARISM IN THE MODERN STATE: POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS	65
Matyash T. P., Matyash D. V. TYPES OF CHRISTIAN MENTALITY: RUSSIA AND EUROPE	69

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL
AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF EDUCATION**

Vlasova V. N.
PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS IN THE MODERN SYSTEM
OF LEGAL EDUCATION 77

SPIRITUAL AND SOCIAL AND CULTURAL BASIS OF LAW

Gavrillova Yu. A., Gavrillov D. A.
THE CONCEPTS OF «LIFE» AND «HEALTH» AND ITS REGULATORY CONSOLIDATION
IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION 82

Gulevsky A. N., Gulevskaya N. A.
ALIENATION AS A SOCIAL-PHILOSOPHICAL PROBLEM 87

Karnaushenko L. V.
THE IMMUNITY OF CITIZENS' PRIVATE LIFE IN THE MODERN «TECHNOLOGICAL» STATE:
THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS 95

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS
OF STRUGGLE AGAINST CRIME**

Tishkin D. N., Samygin P. S.
INTERNATIONAL ORGANIZED CRIME AS A THREAT TO NATIONAL SECURITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION 100

**PHILOSOPHICAL AND LEGAL MEASUREMENT
OF THE GOVERNMENT**

Skorokhodova V. P.
SOME PECULIARITIES OF THE PARLIAMENTARY ELECTIONS – 2016
IN THE NORTH CAUCASUS REPUBLICS 107

Vakula I. M., Borisova E. S.
SPONTANEOUS ASPECT OF THE MANAGEMENT PARADIGM
FOR THE IRREGULAR STAGE OF THE GENESIS OF THE STATE 116

Sokolov V. A., Tsyganash V. N.
JUDICIAL POWER IN POLITICAL DISCOURSE 122

Кожевников Владимир Валентинович
Kozhevnikov Vladimir Valentinovich

профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского доктор юридических наук, профессор.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law faculty of the Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Doctor of Law, Professor.

Тел.: 8 (913) 626-50-84.

Шипилов Иван Андреевич
Shipilov Ivan Andreevich

студент юридического факультета Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Student of Law Faculty of the Omsk State University named after F. M. Dostoevsky.

Тел.: 8 (950) 337-08-21.

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ, РЕАЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ В ПРАВЕ:
ПРОБЛЕМЫ ИХ СООТНОШЕНИЯ**

The reality, the real life and the opportunity in law: problems of their correlation

В статье рассматривается процесс зарождения правовой возможности в сфере действительности и ее дальнейшие пути развития. Обосновывается разграничение понятий действительности и реальности. Авторы приходят к выводу о том, что генезис правовой возможности имеет не столько правовой, сколько в целом социальный характер.

Ключевые слова: действительность, правовая реальность, правовая возможность, причинно-следственная линия, философия права.

The article deals with the process of the origin of legal opportunities in the field of reality and its further development. Is the distinction between fact and reality. The authors come to the conclusion that the Genesis of legal options has not only legal, but in the General social nature.

Keywords: reality, legal reality, legal ability, causal and investigative line, legal philosophy of law.

В окружающем нас мире происходит постоянное взаимодействие, переплетение разнообразных, в том и числе правовых, возможностей, которые существуют в органичном единстве с той средой, которая их породила и в которой они в дальнейшем растворяются. Выделение в философии права таких категорий, как «правовая действительность» и «правовая возможность», носит абстрактный характер, что позволяет изучить их различные аспекты, сущностную природу, рассмотреть их не только отдельно, но и во взаимодействии друг с другом.

Д. А. Керимов, например, подходил к данной проблематике с позиции цикличности. Согласно его воззрениям, взаимодействие правовой действительности и правовой возможности носит характер цикла, складывающегося из трех последовательных этапов: «действительность – возможность – действительность», что

можно сравнить с моделью «сущее – должное – сущее» [4, с. 277–283]. Логика здесь заключается в том, что всякая правовая возможность порождена объективной действительностью и в процессе своего созревания и последующей реализации, уже находясь на качественно более высоком уровне, возвращается в ту самую действительность, которая явилась истоком и причиной ее рождения. Несмотря на стройность данной концепции, в ней есть спорные положения, которые требуют ответа на следующие вопросы: что следует понимать под правовой действительностью и каковы сущностные особенности правовых возможностей, позволяющих им возвращаться в действительность?

Рассматривая понятие «действительность» и его характерные признаки, приходится констатировать тот факт, что единый общенаучный подход к его определению отсутствует: как правило, данный термин трактуют исходя

из конкретной области знаний и личных пристрастий отдельно взятых ученых.

Полагаем, что в дискурсах о действительности необходимо упоминать и такую категорию, как «реальность». Факт того, что в Толковом словаре русского языка В. И. Даля отсутствуют понятия «действительность» и «реальность» (имеется лишь слово «реальный» – с лат. «дельный, прикладной, деловой, опытный, насущный, житейский») [2, с. 86], говорит о том, что ранее в отечественных научных трудах подобные категории не рассматривались под тем углом зрения, который присутствует в современной науке, и не имеют опыта длительного развития как в теоретической традиции, так и в повседневной практике. Вместе с тем следует иметь в виду, что общее начало всякого философствования базируется на вопросе о действительности: что есть мир, сознание, собственное Я [3, с. 3]?

В юридических науках, в том числе в философии права, зачастую происходит подмена действительности в ее исконно-философском понимании – она обычно трактуется исключительно как правовая действительность, которая на самом деле является частью окружающего мира, включающего в себя не только объективные закономерности, но и человеческое мышление в общем и целом. Данный подход следует считать неверным, поскольку право как явление (и, соответственно, особенности так называемой правовой действительности) порождено совокупностью бесчисленных факторов как объективного (черты конкретной исторической эпохи, географическое положение государства и другие), так и чисто субъективного плана (в частности, мировоззренческие устои общества, политическая конъюнктура). Помимо этого, необходимо учитывать высокое значение мышления, поскольку человеческий разум несет в себе потенциал для преобразования действительности. Основываясь на данных размышлениях, представляется необходимым отметить, что правовые возможности порождаются не сугубо правовой действительностью, а действительностью во всем ее разнообразии, каковой ее рассматривает общая философия в виде объективных законов бытия.

Вместе с тем реальность определить гораздо сложнее, поскольку по данному вопросу имеется еще больший плюрализм мнений, которые можно подразделить на несколько групп: 1) реальность и действительность тож-

дественны; 2) реальность и действительность частично пересекаются; 3) действительность является одной из частей реальности; 4) реальность есть лишь слепок истинной подлинной действительности [7, с. 102]. Понятия действительности и реальности нельзя отождествлять по причине различия их сущностных основ, однако следует согласиться с тем, что они находятся в постоянном взаимодействии. Если действительность есть понятие объективное, отражающее истинное устройство бытия, то реальность представляется не чем иным, как одним из продуктов человеческой деятельности. Причем реальность может быть как действительной, то есть соответствующей законам бытия, так и ошибочной, входящей с ними в полное или частичное противоречие. Действительность и реальность соотносятся друг с другом не как целое и часть, а как объективное и субъективное. Однако нужно признать тот факт, что даже самые субъективные мировоззренческие концепции вовсе не обязательно должны вступать в противоречие с действительностью. Это означает, что сущность реальности заключается не в противопоставлении ее с действительностью. Нам видится реальность как попытка создания человеком частной копии действительности, адаптированной под конкретные цели и потребности.

Что же касается видов реальности, то их может быть великое множество: правовая, естественно-научная, виртуальная и другие. Каждая реальность имеет своих создателей и последователей. К примеру, основоположники теории космической реальности, понимая под ней новый тип мироощущения, размышляют об эволюции человека и качественных уровнях его развития [12, с. 192].

Так, И. В. Черникова полагает, что реальность означает объективное существование, но дана она в чувственном восприятии или мышлении [11, с. 80]. Если со второй частью утверждения можно согласиться, поскольку реальность охватывается именно чувственным восприятием, то суждение о том, что она объективно существует, вызывает определенные сомнения, так как объективно может существовать лишь то, что соотносится с действительностью, тогда как создание ошибочных реальностей не несет в себе ничего, кроме субъективизма.

Итогом данных размышлений можно считать то, что под правовой действительностью

обычно понимается правовая реальность, не отражающая в полной мере объективных законов мира и необходимая для организации нормальной, относительно безопасной жизнедеятельности людей как в отдельно взятом государстве, так и в человеческом обществе в целом. Подтверждением данной мысли является тот факт, что в разные исторические эпохи и в различных государствах правовая реальность может существенно отличаться, тогда как действительность предполагает одну истину и единую сущность. Несмотря на это, правовые возможности проистекают не из правовой реальности, а из объективной действительности, что явнее всего демонстрирует процесс их зарождения и реализации, о чем будет сказано далее.

Упомянув об объективных законах мира, необходимо дать определенные пояснения. Все мироустройство построено на причинно-следственных связях, которые, однако же, могут быть нарушены посредством целенаправленных волевых действий. Поскольку «в основе каждого явления лежит известное предшествующее ему явление, без которого не наступило бы первое и которое соединено со своим результатом неизменной связью» [6, с. 102], то вторжение в причинно-следственную линию порождает разрушение цепочки причинности, что является противным всему мирозданию. С этих позиций представляется вполне понятным отсечение руки за воровство, практикуемое в некоторых государствах, в которых религия как социальный регулятор преобладает над правом, поскольку именно руки позволяют преобразовывать действительность, а так как эта возможность была использована во вред, то рука как средство разрушения причинности отсекается. Помимо этого, можно сделать еще одно наблюдение: месть является способом восстановления причинно-следственной связи. Данный факт необходимо учитывать правотворцам и правоприменителям, поскольку феномен так называемого суда Линча актуален и в современном обществе. К тому же нарушенный закон требует справедливой компенсации, и если вопрос ее «уплатить» не будет урегулирован в правовом поле, то свое разрешение он найдет за его рамками. Данное положение служит явным примером воздействия действительности на правовую реальность.

Право, как известно, имеет социальную обусловленность, является продуктом общества. Правовые возможности есть возможности

социальные, существующие в правовой системе общества, включающей в себе такие компоненты, как система права, система законодательства, правосознание, правоприменительная практика и другие. Правовые возможности возникают не одномоментно, и каждая из них имеет собственную временную плоскость. Порождены они могут быть самыми разными обстоятельствами. При этом следует разделять формальное зарождение правовой возможности, когда она устанавливается каким-либо источником права, и общий процесс зарождения, который начинается глубоко в недрах общества и не обязательно включает в себя формальное ее. Несмотря на это, многие правовые возможности имеют формальный источник зарождения. Например, правовая возможность возникает из содержания конкретного нормативного акта, однако таковой является лишь одним из вероятных источников права наряду с признаваемыми в российской правовой системе нормативными договорами и санкционированными обычаями. К тому же недостаточно лишь иметь признанный источник права, необходимо еще и истолковать его содержание, которое, причем даже легальное, может не быть общепризнанным. Так, в ходе практической деятельности опытные правоприменители всегда обращают внимание на сложившуюся судебную практику в своем регионе. Помимо этого, следует иметь в виду, что правовые возможности могут миновать этап формального закрепления и проистекать, к примеру, из пробелов в правовом регулировании, особенностей правосознания и т. п.

Правовую возможность следует считать зародившейся, если ее можно выделить и обособить на уровне профессионального или доктринального правосознания. Возникшие возможности не являются качественно равными друг другу. Так, в литературе они подразделяются на возможности абстрактные, формальные и конкретные, а также реальные и нереальные. Последние свидетельствуют о том, что далеко не каждая из них в силу тех или иных обстоятельств может быть реализована. Недостаточно лишь закрепить возможность в нормативном акте, необходимо, чтобы в обществе имелась совокупность социальных, в том числе правовых, механизмов, способствующих ее использованию. Таким образом, реализация правовой возможности только частично находится в плоскости права и детерминирована различными социальными факторами.

Например, для того чтобы заключенный смог реализовать правовую возможность досрочного освобождения из мест лишения свободы, он должен, помимо выполнения необходимых нормативных предписаний, выражаясь блатным жаргоном, перейти в разряд «активистов», в противном случае администрация не подготовит положительную характеристику для суда, представление которой является обязательным процессуальным моментом (ч. 2 ст. 175 УИК РФ [8]). Можно привести еще один убедительный пример: в целях облегчения доступа населения к государственным услугам в рамках возрастающего электронного документооборота сегодня можно подавать различные заявления правового характера посредством сети Интернет, однако для придания многим из них юридической силы необходимо использовать электронную цифровую подпись, которая изготавливается на платной основе. Использование электронной цифровой подписи обязательно, к примеру, при подаче заявления о заключении брака в электронном виде [10]. Здесь играет немаловажную роль сама покупка электронной подписи, которая ввиду ее высокой цены доступна далеко не каждому. Обстоятельства, препятствующие реализации правовых возможностей, могут лежать непосредственно в правовом поле, когда имеется необходимая норма материального права, но отсутствует порядок ее осуществления.

Говоря о различиях между абстрактными, формальными и конкретными правовыми возможностями, следует отметить, что абстрактные возможности существуют в форме наиболее общих тенденций, формальные – в юридической плоскости, но по объективным причинам не могут быть исполнены, а конкретные возможности подлежат непосредственной реализации. Можно заключить, что правовые возможности вовсе не обязательно должны быть реализованы в том смысле, что невоплощенные возможности не являются браком, системной ошибкой, их существование есть социальная закономерность. Причем наличие огромного спектра возможностей не приводит к состоянию хаоса. Обусловлено это тем, что неисчислимая совокупность социальных факторов, приводящая к зарождению правовых возможностей, не подчиняется чьей-либо единой воле и содержит в себе как закономерности, так и случайности, что в итоге выливается в палитру разнообразных, порой весьма причудливых явлений.

Интересен вопрос о соотношении правовой возможности и противоправной деятельности. Так, Н. В. Ушакова пишет, что субъект права относительно конкретной правовой нормы имеет возможность выполнить ее в полном объеме либо частично, не выполнить или нарушить. То, какая из этих возможностей станет действительностью, зависит от каждой отдельной ситуации [9, с. 144]. Отсюда можно сделать вывод о том, что правовые возможности (как, в общем-то, и иные социальные возможности) могут носить позитивный либо негативный характер. На наш взгляд, это не совсем верно и расходится с целями правового регулирования. Несмотря на то, что социальная возможность может быть реализована как со знаком «плюс», так и со знаком «минус», правовая возможность должна являться исключением, и в этом состоит ее специфика, поскольку в рамках правового поля ни у кого нет исконно правовой возможности совершить противоправное деяние, потому как это бы противоречило самой сущности права. В праве есть разные пограничные конструкции (к примеру, необходимая оборона), которые, однако, не предоставляют возможности противоправного поведения, а легитимизируют причинение вреда в определенных ситуациях. К тому же совершение правонарушения является не способом негативной реализации нормы права, а обстоятельством окружающей действительности, порождающим правовую возможность привлечения лица к юридической ответственности.

В конечном счете реализация правовой возможности влечет ее переход на качественно новый уровень, на котором она вновь вливается в действительность. Следует подчеркнуть, что этот процесс не приводит к уничтожению правовой возможности, поскольку, во-первых, она, как правило, рассчитана на многократное использование разными субъектами, а во-вторых реализованная возможность вносит определенные изменения в действительность. Итак, в качестве цели правовой возможности следует рассматривать преобразование отдельных проявлений действительности, что, в свою очередь, тесно связано с категорией «ценность права». Таким образом, право позволяет вносить определенные коррективы в действительность легальным, общепризнанным путем. Конечно, для этого можно прибегнуть к системе социальных регуляторов, однако право, призванное регламентировать наиболее важные общественные отношения, должно исходить из позиции фор-

мального равенства, что позволяет большому числу субъектов пользоваться правовыми возможностями.

Процесс реализации правовой возможности носит, как мы убедились, не столько правовой, сколько в целом социальный характер. В связи с этим его можно рассматривать с позиций социологической школы права, последователи которой различают право и закон, понимая под правом то, что претворено в жизнь. Актуальность данного подхода объясняется следующими причинами: противоречиями в юридическом праве как подсистеме общества; несогласованностью в иных подсистемах общества (экономической, культурной и других), обуславливающих наличие различных социальных групп; противоречиями между юридическим правом и подсистемами общества [1, с. 18]. Действительно, переход правовой возможности в действительность сопровождается совокупностью разных социальных факторов, однако с точки зрения социологии права следует признавать лишь конкретные правовые возможности, которые уже были реализованы. Таким образом, правовая возможность должна полагаться таковой в момент ее перехода в действительность. Данный подход нам кажется несколько ограниченным, поскольку объективно существуют также абстрактные и формальные возможности, которые можно подвергнуть осмыслению, найти или выработать механизмы их реализации, причем не обязательно они будут прямо вытекать из законодательства. Поэтому при использовании социологического подхода объективно классифицировать и изучать правовые возможности нельзя, поскольку при опоре на позиции социологии права речь можно вести только о реализованных конкретных возможностях.

Подходя к вопросу о том, как и каким образом правовая возможность «перетекает» в действительность, что является окончательным, итоговым этапом ее развития, необходимо определиться с тем, с точки зрения какой науки мы будем рассматривать данный этап. Если же текущие процессы зарождения и развития правовой возможности можно изучать (с оговорками) с позиций теории права, социологии права, философии права и общей социологии, то, формируя итоговые выводы, нужно понимать, что качество таковых зависит не только от объективности темы, но и от четкости взятого научного аспекта. Процесс генезиса правовой возможности свидетельствует о том, что только

лишь с позиции теории права или социологии объяснить его в полной мере не представляется возможным. Необходимо обратиться к философской методологии. В связи с этим в данном вопросе нужно отдавать предпочтение философии права, которая, с одной стороны, опирается на основы общей философии, а с другой – обогащает ее правовыми знаниями. Философия права имеет свой собственный предмет, представляет собой учение о сущности права, законах его бытия [5, с. 113], что позволяет ей наиболее широко рассматривать право, не сводя его к отдельным аспектам.

Правовая возможность при переходе в действительность выполняет следующие функции:

- преобразующую (реализация правовой возможности приводит к изменениям в действительности);

- регулируемую (правовая возможность есть важная составляющая механизма правового регулирования);

- охранительную (реализуя правовую возможность, субъект права выбирает тот тип поведения, который является формально одобренным всем обществом; тем самым отсекаются противоправные варианты);

- обеспечительную (несмотря на то, что разные правовые возможности развиваются в разных временных плоскостях, все они существуют в совокупности друг с другом, и зачастую реализация одной возможности требует того, чтобы и другие, связанные с ней возможности могли подлежать воплощению);

- компенсаторную (реализация правовой возможности отчасти перекрывает негативные эффекты от прерывания развития других возможностей).

Важно заметить, что абстрактные и формальные возможности тоже важны, поскольку их изучение помогает вскрыть общие закономерности, тенденции развития права, а также пробелы и недостатки в правовом регулировании.

В качестве итогов приведем ряд основных выводов, которые были выработаны в результате данного исследования:

- понятия действительности (в том числе правовой) и реальности не являются тождественными, а также не соотносятся друг с другом как целое и часть целого, что необходимо учитывать при развитии понятийного аппарата юридических наук;

- основным законом действительности является закон причины и ее следствия, о чем

необходимо помнить при построении правовой реальности;

– нарушение причинно-следственной линии пагубно сказывается на генезисе общества.

Вместе с тем процесс перехода действительности в правовые возможности, которые затем, в свою очередь, возвращаются в действительность, обогащая ее собранным опы-

том, является обязательным для любой правовой системы. Осознание данного процесса, его сущности и проблематики имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, понимание которого может происходить, соответственно, как на доктринальном, так и на профессиональном уровнях правосознания.

Литература

1. Бирюков С. В. Применимость социологического подхода к юридическому праву // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 1.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. Т. 1.
3. Иванов С. Г. О предметности и путях развития философии // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 6.
4. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2001.
5. Кожевников В. В. К проблеме соотношения философии права и общей теории права // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». 2015. № 2.
6. Немирова Н. В. Телеологизм и причинность как основа качественной методологии социологического знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 169.
7. Оводова С. Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах // Омский научный вестник. 2013. № 4.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 года № 1-ФЗ (ред. от 28.10.2015) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
9. Ушакова Н. В. Взаимосвязь возможности и действительности в нормах права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 2.
10. Федеральный закон от 1 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 30.03.2016) // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.
11. Черникова И. В. Трансформация представлений о реальности в науке и философии // Гуманитарный вектор. Серия «Философия, культурология». 2014. № 2.
12. Шапошникова Л. В. Философия космической реальности // Философия космической реальности. 2008. № 1.

Bibliography

1. Biryukov S. V. The applicability of the sociological approach to legal law // Bulletin of Omsk university. Series «Right». 2015. № 1.
2. Dal V. I. Explanatory dictionary of living great Russian language. Moscow, 2006. Vol. 1.
3. Ivanov S. G. On objectivity and ways of development of philosophy // Bulletin of the Buryat state university. 2011. № 6.
4. Kerimov D. A. Methodology of law. The object, functions, problems of the philosophy of law. Moscow, 2001.
5. Kozhevnikov V. V. The problem of the relation of philosophy of law and General theory of law // Bulletin of Omsk state university. Series «Right». 2015. № 2.
6. Nemirova N. V. Teleologism and causation as the basis for a qualitative methodology of sociological knowledge // Proceedings of Russian state pedagogical university after A. I. Herzen. 2014. № 169.
7. Ovodova S. N. The idea of reality in philosophical concepts and metaphors // Omsk scientific bulletin. 2013. № 4.
8. Criminal Executive code of the Russian Federation of 8 January 1997 № 1 (amended on 28.10.2015) // Collection of the legislation the Russian Federation. 1997. № 2. Art. 198.
9. Ushakova N. The interaction of possibility and reality in law // Vector science of Togliatti state university. 2009. № 2.
10. The Federal law of 15 November 1997 № 143 «About acts of civil status» (as amended on 30.03.2016) // Collection of the legislation the Russian Federation. 1997. № 47. Art. 5340.
11. Chernikova I. V. transformation of the concept of reality in science and philosophy // Humanitarian vector. Series «Philosophy, cultural studies». 2014. № 2.
12. Shaposhnikova L. V. Philosophy of cosmic reality // Philosophy of cosmic reality. 2008. № 1.

Игонина Надежда Александровна
Igonina Nadezhda Aleksandrovna

заведующая отделом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
кандидат юридических наук.

Head of the Department of the Scientific Research Institute at the Academy of the Prosecutor General's Office
of the Russian Federation, PhD in Law.

E-mail: igonadezhda@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ЗАКОННОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ (ЧАСТЬ 1)

To the question about the situation of legality in the social sphere (part 1)

В статье раскрываются понятия социального порядка, социальной сферы и социальных прав человека, приводится их ретроспективный анализ. Характеризуется состояние и механизм обеспечения законности (как меры действия закона), обозначается юридический инструментарий (гlossарий) и индикаторы для определения ее уровня в социальной сфере.

Ключевые слова: социальное государство, объекты государственной правозащиты, социально уязвимые категории граждан, качество жизни.

The article reveals the concept of social order, the social sphere and social human rights, given its retrospective analysis. The condition and the mechanism of legality is characterised categories of legal consciousness, the rule of law (as the law), indicated by the juridical tools (Glossary) and indicators to determination of her level the state in the social sphere.

Keywords: social state, subjects to the state advocacy, socially vulnerable categories of citizens, quality of life.

Существование множества теорий происхождения государства и права, зачастую прямо противоположных друг другу, каждая из которых предъявляла свои доказательства и первостепенные причины возникновения указанных явлений, включая завоевания, насилие, порабощение одних племен другими, господство «высших» рас над «низшими», объединение людей на добровольной основе, естественное развитие и разрастание семьи* и другие, прошло проверку временем, что лишь подчеркивает сложность и неоднозначность процессов зарождения, становления и развития государства и права в разных государствах и в различные исторические периоды.

По мнению современных теоретиков российской юридической науки, главные причины возникновения и развития государства и права лежат в области экономики и в социальной жизни людей, с чем нельзя не согласиться [2]. Право пришло на смену обычаям в силу коренных трансформаций в экономической сфере и первобытном обществе в целом, при этом способы установления правопорядка были различными.

Право, правопорядок, государство (формы государственного правления и устройства, границы) не статичны и с течением времени изменялись. Истории известны множественные факты рождения новых государств, а также установления нового правопорядка из насилия. Наглядным примером служат следующие события: государственный переворот, произошедший в феврале 2014 года в Киеве, в результате которого власть перешла в руки прозападных националистических и олигархических сил; конфликт 2011 года в Ливии между армейскими подразделениями, подконтрольными лидеру страны М. Каддафи, и вооруженными отрядами Национального переходного совета Ливии. Указанные события привели к резкому падению уровня жизни населения, общественным волнениям и столкновениям, увеличению миграционных потоков беженцев из названных государств и другим негативным социальным последствиям, дестабилизирующим социальный порядок и подрывающим зыбкие основы нового государственного правопорядка.

* Теория насилия – Дюринг, Гумшлович, Каутский; теория расизма – Ж. Гобино, Ф. Ницше; естественно-правовая теория – Ж.-Ж. Руссо, патриархальная теория – Аристотель.

Между тем социальный порядок, как показывает практика, невозможно упрочить силовыми методами.

Политика, нарушающая права человека, политика вопреки праву – это просто насилие, которое в конечном счете оборачивается трагедией. Освобождая своих непосредственных носителей и все общество от связанности правом, она пробуждает самые темные инстинкты, открывает путь в произвол и анархию, безнормие и социальный хаос [3].

Социальный порядок, являющийся одной из базовых основ государственности, – в первую очередь результат действия права через его применение, соблюдение и использование. Деструкция социального порядка создает почву для государственных переворотов. Именно поэтому к приоритетным задачам любого цивилизованного государства, базирующегося на истинно демократических ценностях, относятся установление и поддержание социального порядка (социальной стабильности).

Рассмотрим историю и проблемы, связанные с формированием социального порядка в России.

Результатом важнейшего события в российской истории – Октябрьской социалистической революции стало обогащение социальных

во на отдых, образование, материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности [5]. И действительно забота о человеке и в России, и в последующем в СССР не была «пустым звуком». Достижением того времени можно по праву считать социальную стабильность, уверенность граждан в завтрашнем дне, одну из лучших в мире систему образования, бесплатную медицинскую помощь. Отсутствие трудовой занятости во времена СССР было исключением из общего правила и считалось уголовно наказуемым деянием.

Сформированная законодательная база, регламентирующая социальные отношения в СССР, уже к середине 80-х годов XX века позволила сформулировать идею объединения нормативных правовых актов, регулирующих социальные отношения, в систему «социального законодательства» [6].

Важное значение при анализе социальной сферы в советское время играют и демографические показатели. Так, численность населения страны с 1917 по 1991 год поступательно увеличивалась с 91 млн человек в 1917 году до 148,3 млн в 1991 году (рис. 1).

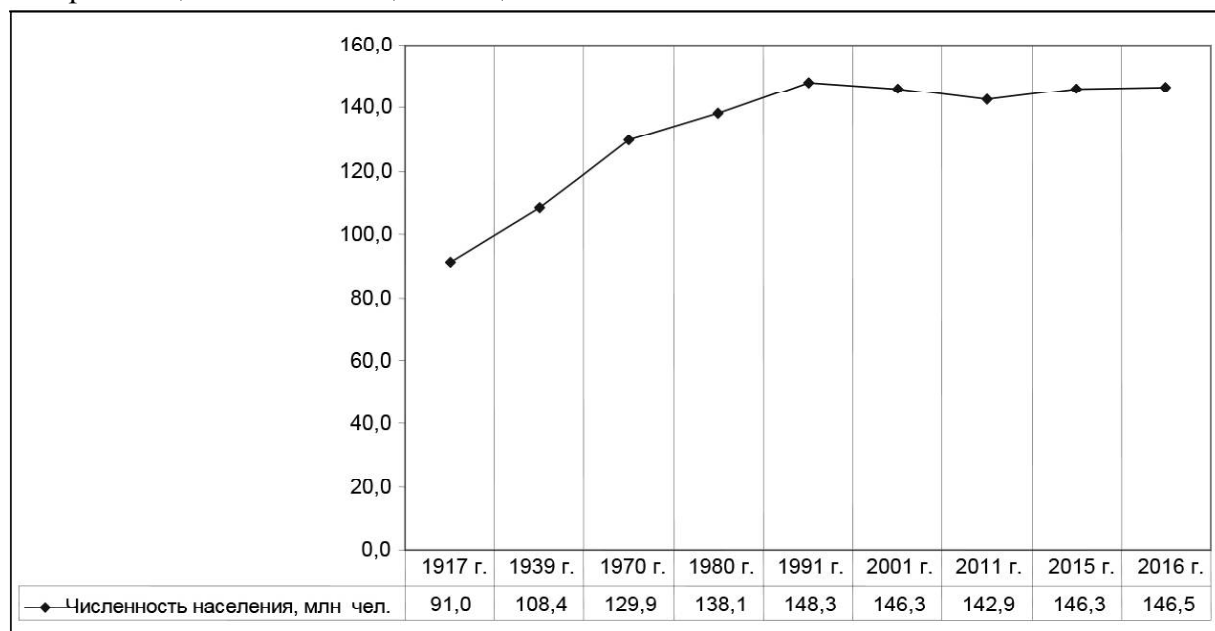

Рис. 1. Численность населения

прав и свобод граждан* [4]. В этот период законодательно закрепляется право на труд, пра-

Однако не стоит забывать об обратной стороне «удержания правопорядка» в СССР –

* Резолюция XV съезда ВКП(б) от 19.12.1927 предусматривала меры по законодательному обеспечению страхования от старости малоимущих крестьян, укреплению общества крестьянской взаимопомощи, поддержки бедноты.

массовые репрессии, носящие сугубо политический характер, которые не могли не отражаться на обществе, где десятилетиями культивировался страх наказания «за украденные с поля колоски» и свежа память о сталинских и бериевских расправах. Целый ряд накопившихся проблем, вызванных издержками тоталитаризма, требовал кардинальных изменений в государственной системе. Именно на решение данных проблем была направлена перестройка, завершившаяся в начале 90-х годов развалом СССР и созданием суверенного государства – Российской Федерации.

На начальном этапе его становления большая часть населения – трудящиеся, социально уязвимые категории граждан, такие как инвалиды, пенсионеры, студенты, многодетные семьи и другие, оказалась не готова к шоковым реформам, навязанным внешними силами (имеются в виду требования и рекомендации «Большой семерки» и международного финансового капитала) [7]. В результате население России не могло воспользоваться правами и свободами, появившимися благодаря ликвидации тоталитарного режима и провозглашенными в Конституции Российской Федерации 1993 года, по сути, носившими декларативный характер.

В этот период (1992–1998) государство решало и решило одну единственную историческую задачу – создание частной собственности как господствующей формы капиталистического хозяйственного уклада, при этом выступив защитником интересов только одной социальной группы – претендентов на роль крупных частных собственников. Процесс форсированного первоначального накопления капитала придал повышению экономической и социальной активности криминальный уклон [8].

Показательно названные события иллюстрирует и демографическая ситуация. Так, с 1992 года рост численности населения сменился снижением, продолжавшимся до 2011 года, когда число граждан достигло 142,9 млн человек: экономический кризис 90-х годов послужил толчком к началу процесса депопуляции, достигшей максимума в 1998–2000 годы. В этот период население страны ежегодно сокращалось на 900–950 тыс. человек. В 1991–1994 годы в России зафиксирован минимальный показатель про-

должительности жизни с 1950-х годов – 63,85 года. С 1998 года данный показатель хотя и неравномерно, но начал повышаться и достиг 67,07 лет [9]. В 2016 году численность населения страны достигла (примерно) уровня 2001 года и составила 146,5 млн человек.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что после распада СССР Российская Федерация впервые в конституционной плоскости провозгласила себя социальным государством (ст. 7 Конституции России), основными принципами которого являются социальная справедливость, социальное равенство, обеспечение социальных гарантий, а человека – высшей ценностью (ст. 2 Конституции).

Однако новый для России юридический термин «социальное государство», введенный в научный оборот во второй половине XIX века немецким ученым Лоренцом фон Штайном и впервые использованный в Веймарской конституции 1919 года, получил широкое распространение в конституциях европейских государств после Второй мировой войны [10].

При этом в России социальные права в качестве неотъемлемых конституционных прав человека и гражданина были закреплены впервые в Конституции 1993 года.

Несмотря на широкий интерес представителей ученого мира к правовой категории социальных прав [11], наиболее точная ее формулировка, на наш взгляд, предложена Н. В. Путило, которая кратко определила социальные права как права в области *социальной защиты, использование которых делает доступной для личности систему общественных благ (минимально необходимых ценностей цивилизации)*, и систематизировала их на три группы: *права в области трудовых отношений, связанные с удовлетворением потребности человека в средствах существования и охране труда; права, гарантирующие доступность основных общественных благ; права в области социального обеспечения, связанные с особыми мерами социальной защиты отдельных групп населения* [12].

Мерилом уровня состояния законности в социальной сфере будут являться такие критерии, как реализация социальных прав граждан в России, равно как и в любом другом социальном государстве, полнота выполнения государством социальных обязательств перед на-

родом, а также достижение (недостижение) социальной стабильности в стране.

Для установления границ исследования состояния законности в социальной сфере изначально необходимо четко определиться с двумя базовыми понятиями – «социальная сфера» и «законность», каждое из которых являлось и в настоящее время является предметом анализа современной юридической науки.

Под социальной сферой, исходя из указанного выше определения социальных прав и их классификации, следует понимать не отдельно взятые социальные права и не человека, наделенного ими в социальном государстве, а *область отношений, возникающих по поводу и в связи с реализацией социальных прав граждан.*

Что касается категории законности, то она всегда представляла собой особый правовой интерес. Среди ученых-юристов, внесших весомый вклад в развитие данного понятия, следует назвать С. С. Алексеева, В. В. Ключкова, В. Н. Кудрявцева, А. Х. Казарину, Н. С. Малеева, Б. И. Пугинского, Д. Н. Сафиуллина, Ю. А. Тихомирова и других.

Так, социалистическая законность, с точки зрения Б. И. Пугинского и Д. Н. Сафиуллина, представляла собой *«единообразное понимание и точное соблюдение установлений закона всеми органами государства, хозяйственными и иными организациями, должностными лицами и гражданами»* [13].

Подход к законности как к точному соблюдению нормативных правовых актов длительное время считался традиционным, однако в конце 90-х возник новый вектор развития этого понятия. В 1998 году академик В. Н. Кудрявцев предложил рассматривать данную категорию в трех различных плоскостях: как определенный *режим общественной жизни; метод государственного руководства, состоящий в организации общественных отношений посредством издания и исполнения адекватных их состоянию законов и соответствующих им иных нормативных правовых актов; центральный принцип права.*

В широком смысле законность была им определена как общий принцип организации современного демократического государства, основа обеспечения и защиты прав личности и поддержания правопорядка в стране [14].

Однако эволюция социальных и правовых

отношений требует дополнительного изучения понятия законности в его динамике, поиска новых путей ее осмысления. Профессором Ю. А. Тихомировым был обозначен новый подход к праву как развивающемуся явлению, способу опережающего отражения социальной действительности, который коренным образом меняет устоявшийся взгляд на законность. Так, в контексте развивающегося права законность представлена *мерой действия закона*, средством анализа и оценки фактической реализации правовых норм, «обратной связью» от правоприменения к правотворчеству. Обозначены составные части механизма ее обеспечения: комплексная реализация законов и иных актов, высокое правосознание и правомерное поведение; качество правового регулирования; институты обеспечения законности (в том числе эффективное правосудие); контрольно-надзорные действия и правовой мониторинг; установление и выполнение показателей эффективности законодательства [15].

Далее, проанализировав отдельные составные части предложенного Ю. А. Тихомировым механизма обеспечения законности, а также специфические индикаторы, характеризующие состояние социума в государстве, попытаемся оценить уровень законности в социальной сфере, в первую очередь определив ключевой глоссарий.

Важнейшим юридическим инструментарием, используемым для определения состояния законности в социальной сфере, будут являться следующие понятия: *социальная сфера; социальные права человека и гражданина; социально уязвимые категории граждан; индикаторы, отражающие степень реализации социальных прав; качество жизни, объекты государственной правозащиты.* Каждое из указанных понятий нуждается в самостоятельном исследовании сквозь призму степени их влияния как на отдельного индивида, так и на состояние законности в социальной сфере в целом. Кратко рассмотрим каждое из них:

1) объект правозащиты. В нашем понимании это человек и гражданин с его правами, свободами, законными интересами, реализация и соблюдение которых обеспечиваются и гарантируются государством через уполномоченные органы;

2) социально уязвимые категории граждан.

Определяющим признаком социальной уязвимости человека, на наш взгляд, является низкий уровень дохода, объективно обусловленный следующими причинами: возрастными особенностями (несовершеннолетие, пожилое); ненадлежащим состоянием здоровья (инвалидность, ограниченные возможности, маломобильность); особым семейным статусом (неполные семьи, многодетность, одиночество, имеющее определяющее значение для пожилых граждан); особым социальным статусом (дети-сироты, школьники, студенты, молодые специалисты, ветераны труда, ветераны боевых действий, пенсионеры); отношением к занятости (безработный, работающий); низкооплачиваемым трудом; удаленностью места проживания от центра и невозможностью реализации конституционных прав в полной мере; изменением, резким ухудшением условий жизни ввиду форс-мажорных обстоятельств;

3) качество жизни. С позиций государственной политики качество жизни (от англ. quality of life, QOL) – категория, с помощью которой характеризуют существенные обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека [16]. При этом в правовом отношении качество жизни является реализацией права на достойную жизнь и свободное развитие человека [17]. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (далее – Концепция) обозначила в качестве приоритетных задач решение социально-экономических проблем, удовлетворение потребностей настоящего и будущих поколений, выделила обеспечение прав и свобод граждан как одно из основных условий данного процесса. Несомненным ее достоинством явились целевые ориентиры, выраженные в показателях, характеризующих качество жизни: продолжительность жизни человека; состояние его здоровья, ухудшение состояния окружающей среды; уровень знаний или навыков; доход (измеряемый валовым внутренним продуктом на душу населения); уровень занятости; степень реализации прав человека.

Полагаем, что показатели качества жизни в единстве и взаимосвязи с социальными правами могут отражать состояние законности в государстве, а *индикаторами* степени реализации названных прав могут являться:

альные статданные в сфере социальной защиты, здравоохранения, образовании, занятости, в жилищной сфере и т. п.; мнение граждан о соблюдении и гарантированности их прав, полученное с помощью социологических исследований; сведения органов контроля, надзора, правоохраны о выявленных нарушениях и мерах по их устранению; данные об итогах работы судов по заявлениям о нарушении прав граждан; результаты независимых исследований и другое.

Правосознание и правомерное (неправомерное) поведение в социальной сфере, являясь составной частью механизма обеспечения законности, нуждаются в детальном осмыслении.

Правосознание – это одна из форм общественного сознания, субъективное восприятие правовых явлений людьми. Право и правосознание являются понятиями, обуславливающими друг друга. Практическое значение права состоит в его способности «проникновения в будущее», формирования поведения людей [12]. Именно правосознание, выраженное впоследствии в поведении субъектов права, может выступать индикатором реализации прав человека, мерилем действия закона в социальной сфере, показателем уровня правовой культуры и развития общества, степени удовлетворенности (неудовлетворенности) населения страны предоставленными ему конституционными правами. Указанные критерии крайне условны, измерить их в абсолютных величинах практически невозможно, но есть факторы, совокупность которых нам позволяет судить об уровне правосознания людей, сравнивать его в различные периоды исторического развития.

Причем каждый судьбоносный виток в историческом развитии России можно в правовом отношении отнести к «новым ситуациям», особо опасными рисками которых в сфере социальных отношений, оказывающими, как правило, на момент их совершения негативное влияние на социум, являются революции, восстания, государственные перевороты, войны.

Итогом Октябрьской революции 1917 года стала реализация социальных принципов в стране. Правосознание формировалось на основе социальной стабильности, защищенности, уверенности в будущем, возможности получения бесплатного качественного образова-

ния, медицинской помощи, социальных услуг и пособий, жилья практически каждым гражданином СССР. Характерными чертами правосознания советского времени были массовый настрой на правомерное поведение. Правонарушаемость, аморальность вызывали общественное порицание в трудовых коллективах, воспитательная работа и правовое просвещение в которых проводились на постоянной основе, хотя и зачастую чрезмерно вторгаясь в личную жизнь работников.

Практически полностью были побеждены такие социальные болезни, как неграмотность, детская беспризорность, туберкулез.

Последствиями изменения формации начала 1990 годов стали: резкое социальное расслоение, увеличение числа людей, находящихся за чертой бедности, алкоголизация населения, нравственно-правовая и ценностная дезориентация [18], социальная деградация, даже необратимое социальное отчуждение (образование «социального дна»), которые приобрели характер массовых явлений к началу 2000 годов. Эйфория большей части молодежи 1990-х от открывшихся возможностей стать богатыми сменилась неуверенностью в собственных силах и безысходностью. В стране росло недовольство властью и присутствовала ностальгия по «советской стабильности». Так, по данным ВЦИОМ (январь 1995 года), положительно оценивали деятельность президента лишь 9 % респондентов, а уровень доверия к правительству и другим политическим институтам был еще ниже [19]. Характерной чертой правосознания значительной части молодежи стал правовой нигилизм, оправды-

вающий жизнь не по закону, а по «понятиям», потерю ориентиров у старшего поколения и людей среднего возраста.

Такой негативизм в правосознании сыграл немаловажную роль в ходе событий октября 1993 года, когда в борьбе между законодательной и исполнительной властью была разрушена конституционная законность [20].

Российское общество впервые столкнулось с такими серьезными социальными болезнями, как СПИД, наркомания, токсикомания, проституция, бродяжничество, в стране появился новый социальный класс – лица без определенного места жительства («бомжи»).

В современной России, несмотря на ухудшение экономической ситуации вследствие санкций и других внешних и внутренних факторов, большинство жителей имеют вполне адекватное представление о понятии «права человека» и его составляющих [21; 22]. Для общественного правосознания характерно ожидание от государственной власти следования нормам права и выполнения социальных обязательств. На основе анализа данных фонда «Общественное мнение» установлено, что уверенность в соблюдении прав граждан в России 2015 году снизилась на 8 %. Если в 2014 году об этом положительно отзывалась почти половина респондентов (44 %), то в 2015 году – 36 %. По мнению 42 % опрошенных в 2015 году, права человека в России не соблюдаются; по сравнению с аналогичными данными 2014 года этот показатель снизился на 4 % [24].

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. М., 1996.
2. Зорькин В. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4.
3. История отечества в романах, повестях, документах. Век XX. М., 1984.
4. Березовская С. Г. Охрана прав граждан советской прокуратурой. М., 1963.
5. Путило Н. В. Социальные права граждан: история и современность. М., 2007.
6. Социальная политика: учебник. М., 2004.
7. Аганбегян А. Достижение высшего уров-

Bibliography

1. Marchenko M. N. Theory of the state and right: textbook. Moscow, 1996.
2. Zorkin V. Axiological aspects of the Constitution of Russia // Comparative constitutional review. 2008. № 4.
3. Fatherland history in novels, stories, documents. A century of XX. Moscow, 1984.
4. Berezovskaya S. G. Protection of the rights of citizens by the Soviet prosecutor's office. Moscow, 1963.
5. Putilo N. V. Social rights of citizens: history and present. Moscow, 2007.
6. Social policy: textbook. Moscow, 2004.

ня продолжительности жизни в России // Экономическая политика. 2012. № 2.

8. Хабриева Т. Я. Российская конституционная модель социального государства // Конституция, закон и социальная сфера общества: материалы научно-практической конференции (Москва, 1 декабря 2008 года). М., 2009.

9. Бондарь Н. С. Конституционная природа социально-экономических прав, свобод и обязанностей советских граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов, 1979.

10. Иваненко В. А., Иваненко В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты. СПб., 2003.

11. Пугинский Б. И., Сафиуллин Д. Н. Правовая экономика: проблемы становления. М., 1991.

12. Законность в Российской Федерации. М., 1998.

13. Тихомиров Ю. А. Как обеспечить законность? Новый подход // Российское правосудие. 2016. № 8.

14. Крупнов Ю. Качество жизни. URL: <http://kroupnov.ru/pubs//3.html>.

15. Рыбкина И. Д. Концепция качества жизни в геоэкологическом пространстве Сибири. М.; Барнаул, 2013.

16. Проблемы теории государства и права. 2-е изд. / под ред. М. Н. Марченко. М., 2008.

17. Состояние законности в Российской Федерации (1993–1995 годы): аналитический доклад. М., 1995.

18. Права человека, резонансные проблемы общества и гражданское участие. М., 2014.

19. Общественное мнение – 2014. М., 2015.

20. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год // Российская газета. 2015. 7 мая.

21. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год // Российская газета. 2016. 24 марта.

7. Aganbegyan A. Achievement of the highest level of life expectancy in Russia // Economic policy. 2012. № 2.

8. Habriyeva T. Ya. Russian constitutional model of the social state // Constitution, law and social sphere of society: materials of a scientific and practical conference (Moscow, on December 1, 2008). Moscow, 2009.

9. Cooper N. S. Constitutional nature of the social and economic rights, freedoms and duties of the Soviet citizens: abstract dis. ... PhD in law. Rostov, 1979.

10. Ivanenko V. A., Ivanenko V. S. Social human rights and social obligations of the state: international and constitutional legal aspects. St. Petersburg, 2003.

11. Puginsky B. I., Safiullin D. N. Legal economy: formation problems. Moscow, 1991.

12. Legality in the Russian Federation. Moscow, 1998.

13. Tikhomirov Yu. A. How to provide legality? New approach // Russian justice. 2016. № 8.

14. Krupnov Yu. Quality of life. URL: <http://kroupnov.ru/pubs//3.html>.

15. Rybkina I. D. The concept of quality of life in geoeological space of Siberia. Moscow; Barnaul, 2013.

16. Problems of the theory of the state and right. the 2nd izd./under the editorship of M. N. Marchenko. Moscow, 2008.

17. Condition of legality in the Russian Federation (1993–1995): analytical report. Moscow, 1995.

18. Human rights, resonant problems of society and civil participation. Moscow, 2014.

19. Public opinion – 2014. Moscow, 2015.

20. The report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2014 // Russian newspaper. 2015. May 7.

21. The report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2014 // Russian newspaper. 2016. March 24.

Казарян Кристина Васаковна
Kazaryan Christine Vasakovna

доцент кафедры гражданского права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Civil Law, Rostov branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law.
Тел.: 8 (903) 403-91-80.

Литвинова Юлия Игоревна
Litvinova Yuliya Igorevna

преподаватель кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Law.
Тел.: 8 (988) 533-49-55.

МИГРАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Migration activity as a type of legal activity

Статья посвящена теоретико-правовому анализу категории «миграционная деятельность» как виду юридической деятельности. Авторы рассматривают правовую природу миграционной деятельности, ее содержание и структурные элементы, формулируют определение.

Ключевые слова: правовая деятельность, юридическая деятельность, миграционная деятельность, структура миграционной деятельности, миграционные отношения, миграционные процессы, мигрант.

Article is devoted the teoretiko-legal analysis of a category «migratory activity» as kind legal activity. Authors considered legal nature of migratory activity, the maintenance and structural elements, formulitut definition.

Keywords: legal activity, legal activity, migratory activity, structure of migratory activity, migratory relations, migratory processes, migrant.

В условиях глобализационных процессов несомненный практический и теоретический интерес представляет исследование миграционной деятельности Российского государства как одного из видов юридической деятельности.

Исследование вопросов сущности миграционной деятельности необходимо проводить с помощью системного анализа, позволяющего обнаружить ее тесную связь с различными видами юридической деятельности и в то же время внешние признаки и внутреннее содержание.

Как следствие, для определения дефиниции миграционной деятельности необходимо выявить ее характерные особенности. Но прежде рассмотрим понятие деятельности в целом.

При этом следует помнить о том, что определение должно быть понятным даже вне

контекста – таков критерий точности термина [3, с. 74].

По мнению В. М. Савицкого, «термин выступает... как средство установления объема данного понятия, а также передачи и адекватного восприятия информации, сосредоточенной во взаимосвязанных терминах» [4, с. 22].

Рассматривая деятельность, Гегель указывал на такие необходимые ее элементы, как условия и предмет: «Деятельность точно так же есть для себя (некоторый человек, некоторый характер), существует самостоятельно, и вместе с тем она существует там, где имеются условия и предмет. Она есть движение, переводящее условия в предмет и последний – в условия как сферу существования, или, вернее, движение, выводящее предмет из условий, в которых оно имеется в себе, и дающее предмету существование посредством

вом снятия существования, которым обладают условия» [1, с. 246].

В связи с этим определение миграционной деятельности должно оказывать помощь в формировании соответствующих общественных отношений, способствовать модернизации научных исследований, базирующихся на точной терминологии.

Проанализировав научную литературу, приходим к выводу, что точное определение миграционной деятельности отсутствует.

На наш взгляд, рассматривать миграционную деятельность необходимо сквозь призму юридической деятельности.

По мнению В. Н. Кудрявцева, юридическая деятельность является синонимом правового поведения [5, с. 11–16]. Б. В. Шагиев в своих исследованиях указывает на то, что дефиниция «правовая деятельность» является более широким понятием, чем юридическая деятельность, обосновывая это тем, что в содержание дефиниции «правовая деятельность» включены не только действия субъектов, осуществляющих государственную (публичную) власть, но и всех юридических и физических лиц. Характеризуя правовую деятельность как категорию общетеоретической науки, ученый утверждает, что «она может претендовать на отражение в обобщенном виде всех волеизъявлений физических и юридических лиц, признаваемых в данном обществе правильными и справедливыми и обеспеченных официальной защитой государства в качестве порождающих юридически значимые последствия» [6, с. 19–20].

Необходимо заметить, что большинство работ, посвященных данной проблематике, были опубликованы в 1970–1980 годы, в период повсеместного распространения нормативистской теории права, объединяющей нормативно закрепленную волю государства и, как следствие, не различавшей «правовое» и «юридическое». Тем не менее в последнее время можно встретить исследования, авторы которых предлагают не отождествлять данные понятия.

Так, М. В. Демин обосновывает это тем, что «начинаясь с познания, юридическая деятельность не останавливается на нем, преобразует полученное знание и завершается этапом практики, результат которой – готовый продукт, способный удовлетворить ту или иную потребность людей» [7, с. 50].

Содержательно и полно вопросы юридической деятельности были изучены в исследованиях В. Н. Каргашова, который рассматривает «юридическую деятельность как объективированную в официальных актах, опосредованную правом, интеллектуально-волевою, управленческую, производственно-трудовую деятельность компетентных учреждений и организаций, которая осуществляется в определенных процедурно-процессуальных формах с помощью специальных юридических действий и операций, способов и средств, направленная на решение общественных задач и функций (создание законов, отправление правосудия, визирование фактов и т. п.) и удовлетворение тем самым публичных и частных потребностей и интересов» [8, с. 17].

Б. И. Пугинский в своем научном исследовании под правовой деятельностью предлагает понимать «совокупность действий Советского государства в лице его органов, иных социалистических организаций и граждан в связи с созданием и реализацией юридических норм, использованием других правовых рычагов при решении экономико-социальных задач» [9, с. 17].

В данной дефиниции отсутствует разграничение понятий «правовое» и «юридическое», а юридическая деятельность выступает исключительно как государственная деятельность, участники которой являются представителями власти, реализовывающими социально-экономические задачи. Так, в данном случае происходит сужение юридической деятельности исключительно к нормотворческой, то есть созданию правовых норм и их реализации. Однако, на наш взгляд, данное определение не отражает все стороны юридической деятельности и отношение ее субъекта к окружающей реальности.

Таким образом, юридическая деятельность всегда связана с нормами права, основана на законе и имеет юридические последствия.

В узком контексте миграционную деятельность можно охарактеризовать как вид юридической деятельности, направленной на установление тех юридических фактов, то есть обстоятельств, которые порождают определенные права и обязанности, например, проживание на территории Республики Крым на 18 марта 2014 года для получения гражданства в упрощенном порядке.

С учетом вышесказанного можно отметить правоприменительный характер данной деятельности, однако следует выделить правотворческий и правоохранительный ее аспекты. Очевидно, что во всех проявлениях миграционная деятельность, как и юридическая, связана с решением вопросов права [10, с. 146].

Миграционная деятельность – это, прежде всего, деятельность процедурная, осуществляемая в определенном порядке, регламентированном законом.

Структуру миграционной деятельности также рассмотрим через элементы юридической деятельности.

Л. П. Буева утверждает, что «структура деятельности является сложным явлением, элементами которого выступают следующие подсистемы: 1) подсистема человек-техника, которая состоит из субъекта деятельности, орудий и средств деятельности, ее предмета и результатов; 2) способ соединения общественного и индивидуального субъекта деятельности с другими субъектами, выраженный в системе общественных, прежде всего материально-производственных, отношений, детерминирующих содержание и направление деятельности и связи между людьми, процесс “обмена деятельностью”, ее продуктами; 3) система управления и самоуправления деятельностью в виде определенных надстроечных институтов и идеальных побудительных сил в сфере общественного и индивидуального сознания» [9, с. 77; 11, с. 77]. В. Я. Вильчинский выделяет «внутреннюю и внешнюю структуру деятельности» [12, с. 22–23].

Ю. Н. Радачинский в то же время отмечает, что «структура юридической деятельности характеризуется причинно-следственной, детерминационной связью между ее элементами, а также единством этих элементов (субъект, действия, средства и способы, предмет, результат), которые обеспечивают юридическую деятельность в целом свойствами, определяющими ее как самостоятельное явление, способное вступать во взаимоотношения с объектами материального мира, не теряя своего качества и не растворяясь в них (сознательность, целенаправленность, активность, волевой и преобразовательный характер, способность внешнего и внутреннего материального выражения, физического либо

мыслительного воздействия на юридические явления общества)» [13, с. 19].

Таким образом, структурирующими элементами содержания миграционной деятельности являются ее объекты, субъекты и участники, юридические действия и операции, средства и способы их осуществления, принятые решения и результаты действий.

Объектами миграционной деятельности выступают общественные отношения, которые складываются в миграционной сфере и на которые направлены юридические действия ее субъектов.

В. В. Перфильев к объектам юридической деятельности причисляет группы общественных отношений [14, с. 7]. А. А. Чунаева расширяет понятие объекта, включая в него предметы материального мира и людей [15, с. 147].

Субъект – главный носитель правовых отношений, от которого непосредственно зависит разрешение миграционного дела по существу.

Именно он выступает основным структурным элементом юридической деятельности. С. Л. Рубинштейн указывал, что «любая деятельность предполагает функционирующего субъекта данной деятельности» [16, с. 149], а собственно субъекту юридической деятельности характерно сознание и, следовательно, такие его свойства, как познавательность, способность ставить цели, определять методы деятельности, волевой характер и другие.

В большинстве научных исследований субъектом выступают органы государственной власти, имеющие определенные властные полномочия, либо негосударственные образования в виде различных общественных объединений, которые также имели ряд полномочий, полученных от государственных органов в соответствующей узкой сфере. Однако такой подход неоправданно ограничивает субъектный состав [9, с. 17].

Участники миграционной деятельности – это физические и юридические лица, органы государственной власти и негосударственные организации, содействующие субъектам в выполнении правовых действий и операций. В качестве участников миграционной деятельности выступают, например, органы полиции, суд, национальные диаспоры [17, с. 105].

Юридические действия, средства и способы осуществления миграционной деятельности выражаются в предоставлении

государством услуги в миграционной сфере [18, с. 25].

Результаты миграционной деятельности отражаются в юридической действительности. В нашем случае результатом юридической деятельности будет выступать получение определенного статуса мигрантом.

Таким образом, структурными элементами миграционной деятельности являются объекты, субъекты, юридические действия и их результаты.

Миграционная деятельность представляет собой объективированную в официальных нормативно-правовых актах, определенную юридическую деятельность государственных органов, осуществляемую, опосредуемую правом, интеллектуально-волевою, управленческую, производственно-трудоувою деятельность компетентных учреждений и организаций, которая осуществляется в определенных процедурно-процессуальных формах с помощью специальных юридических действий и операций, способов и средств, направленная на решение общественных задач и функций и удовлетворение тем самым публичных и частных потребностей и интересов.

Недопустимо идентифицировать миграционную деятельность и миграционный процесс который является одним из аспектов временной структуры, внутренней формой деятельности.

Если рассматривать миграционную деятельность сквозь призму юридической, то можно согласиться с мнением В. Н. Карташова, который под юридической деятельностью понимает систему (подсистему), характеризующуюся внутренне дифференцирующим единством многих составляющих ее компонентов (субъектов, целей, действий, средств, решений и т. п.), функционально взаимодействующих между собой с помощью разветвленной сети правовых и неправовых связей и отношений, обеспечивающих относительно самостоятельную ее природу и место в правовой системе общества [9, с. 16].

Миграционная деятельность Российской Федерации осуществляется на общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах РФ, положениях Конституции РФ и выражается в федеральных законах и нормативных правовых актах субъектов Федерации, в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации.

Вместе с тем полагаем необходимым в условиях современной российской действительности принятие единообразной, универсальной правовой модели осуществления миграционной деятельности.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. М.–Л., 1929–1959. Т. 1.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994.
3. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
4. Савицкий В. М. Язык процессуального закона. М., 1987.
5. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978.
6. Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
7. Демин М. В. Природа деятельности. М., 1984.
8. Карташов В. Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии. М., 1990.

Bibliography

1. Gegel G. W. F. Compositions: in 14 vols. Moscow–Leningrad, 1929–1959. Vol. 1.
2. Ozhegov S. I. Dictionary of Russian. Ekaterinburg, 1994.
3. Lotte D. S. Construction bases of construction of scientific and technical terminology. Moscow, 1961.
4. Savitsky V. M. Language of the procedural law. Moscow, 1987.
5. Kudryavtsev V. N. The right and behaviour. Moscow, 1978.
6. Shagiev B. V. Century legal activity in a modern Russian society: theoretical legal aspect: dis. ... PhD in law. Moscow, 2003.
7. Dyomin M. V. Activity nature. Moscow, 1984.
8. Kartashov V. N. Legal activity: theory and methodology problems. Moscow, 1990.
9. Puginsky B. Civil-law means in economic relations. Moscow, 1984.

9. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984.
10. Тер-Акопов А. А. Юридическая логика: учебное пособие. М., 2002.
11. Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.
12. Вильчинский В. Я. Познание и практика в структуре деятельности. Рига, 1988.
13. Радачинский Ю. Н. О структуре и методологии исследования юридической деятельности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 1.
14. Перфильев В. В. Действие права (понятие, структура, свойства): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1975.
15. Чунаева А. А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение. Л., 1979.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.
17. Керимов Д. А. Законодательная техника. М., 1996.
18. Руденко А. В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4.
10. Ter-Akopov A. A. The Legal logic: manual. Moscow, 2002.
11. Bueva L. P. Person: activity and dialogue. Moscow, 1978.
12. Vilchinsky V. Ya. Knowledge and practice in activity structure. Riga, 1988.
13. Radachinsky Yu. N. About structure and methodology of research legal activity // North Caucasian legal bulletin. 2010. № 1.
14. Perfiljev V. V. Dejstvie of the right (concept, structure, properties): abstract dis. ... PhD in law. Moscow, 1975.
15. Chunaeva A. A. Category of the purpose in a modern science and its methodological value. Leningrad, 1979.
16. Rubinshtejn S. L. Fundamentals of the general psychology. Moscow, 1940.
17. Kerimov D. A. Legislative equipment. Moscow, 1996.
18. Rudenko A. V. Observance of principles of harmony of punishment and a punishment individualization at attraction to administrative responsibility // Academic bulletin of the Rostov branch of the Russian customs academy. 2016. № 4.

Ханахмедова Людмила Викторовна
Khanakhmedova Ludmila Victorovna

доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Public and Civil Law Disciplines, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, PhD in Law.
Тел.: 8 (905) 691-53-89.

Стругова Елена Владимировна
Strugova Elena Vladimirovna

доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.

Associate Professor, Department of Public and Civil Law Disciplines, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot, PhD in Law.
Тел.: 8(910) 504-22-58.

**ПОСТРОЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА:
ОТ ВОЗМОЖНОСТИ К НЕОБХОДИМОСТИ**

Construction of the universal concept of human rights: from possibility to necessity

В статье анализируются особенности построения универсальной концепции прав человека с позиций возможности или необходимости. Отмечается, что конструкция прав человека всегда будет являться критерием эффективности действия международного и внутригосударственного права. При этом создание универсальной концепции прав человека, по мнению авторов, обусловлено тем, что в основу жизнедеятельности всех субъектов международного сообщества должны быть положены принципиальные императивные требования безопасности человека и всеобщей значимости его прав.

Ключевые слова: права человека, международные стандарты в области прав человека, универсальная концепция прав человека, международная безопасность.

In article features of creation of the universal concept of human rights from positions of an opportunity or need are analyzed. It is noted that the design of human rights will always be criterion of efficiency of operation of the international and internal law. At the same time creation of the universal concept of human rights, according to authors, is caused by the fact that basic imperative safety requirements of the person and the general importance of his rights have to be the basis for activity of all subjects of the international community.

Keywords: human rights, international standards in the field of human rights, universal concept of human rights, international security.

Становление универсальной концепции прав человека позволяет раскрыть особенности функционирования как отдельной национальной правовой системы, так и глобальной системы международных отношений.

Вполне понятно, что конструкция прав человека всегда являлась критерием эффективности действия права внутри конкретного государства и за его пределами, важнейшим показателем сформированности гражданского общества и правового государства, а также той или иной цивилизации.

Безусловно, права человека – сложное многогранное явление. Причем это не только юридическая категория, но и дефиниция, свя-

занная с политическими, социальными, философскими, нравственными и иными проявлениями.

В рассматриваемом контексте представляется весьма убедительной точка зрения Ю. А. Чернавина о том, что «научные ипостаси прав человека многообразны и предстают как политическое и юридическое понятие, так и выражение социальной жизни и конкретно-историческое явление ...связаны со становлением культуры...» [13, с. 58].

Осознание ценности и универсальности рассматриваемого правового института сформировалось в ходе исторического развития и его теоретического осмысления.

Следует заметить, что в различные исторические периоды понятие и объем прав человека были не одинаковыми и регулировались в основном нормами внутригосударственного права.

Напомним, что юридическое закрепление данного термина напрямую связывают с Декларацией прав Вирджинии 1776 года [9], в которой провозглашалось, что все люди по своей природе равноправны и независимы. Более того, они не могут отказаться от своих прав и лишить таковых своих детей.

Однако отсутствие стандартизованного межгосударственного юридического подхода к понятию и содержанию прав человека долгое время противоречило законам логики и здравому смыслу.

Очевидно, что если исходить из аксиомы о действительности существования прав человека в глобальном пространстве, то они должны представлять собой эталонный взаимосогласованный формат поведения, в рамках которого приобретаетсся благо.

Следовательно, принцип универсальности прав человека должен быть главенствующим в иерархии международных правовых норм.

В этой связи в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 года [4], наряду с другими императивными положениями международного права был сформулирован и принцип всеобщего уважения прав человека, закрепляющий признание достоинства человеческой личности.

Подобный международный правовой стандарт должен быть типовым ориентиром для всех участников международных правовых отношений и обеспечивать равные права для каждого субъекта подобного общения.

Современные универсальные права человека как ценностные ориентиры человеческого общежития нашли отражение в различных международных правовых актах.

Представляется справедливым заметить, что итоги Второй мировой войны наиболее четко определили круг проблем, связанных с международной правовой регламентацией института прав человека.

Так, исследования Е. А. Лукашевой показывают, что в тот период была выявлена неразрывная связь между необходимостью поддержания международного мира и правопорядка и соблюдением основных прав и свобод человека [11, с. 465].

Следует отметить, что в начале XX века признание осознанной необходимости международной защиты прав человека в качестве основополагающего принципа межгосударственного сотрудничества послужило важным фактором создания универсального документа в этой сфере.

Таким образом, новый этап в регулировании международного института прав человека начался после принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 года (далее – Всеобщая декларация) [1].

В этом документе впервые предпринята попытка консолидации каталогов основополагающих прав человека, в том числе гражданских, политических, экономических и социальных, получивших всеобщее признание.

Несмотря на то, что Всеобщая декларация по своей правовой природе имеет рекомендательный характер, она представляет собой своего рода кодекс цивилизованного конструктивного и разумного поведения всех субъектов международного права в гуманитарной сфере.

В дальнейшем институт прав человека получил закрепление в международных пактах о правах человека (далее – Пакты) [2; 3].

В преамбулах к Пактам обозначены векторы развития международных отношений, базирующихся на универсальных принципах уважения прав и свобод человека, достоинства личности, являющихся основой свободы, справедливости и всеобщего благополучия.

Согласимся с Е. А. Лукашевой в том, что принятие Пактов представляет собой «историческое событие в социокультурном развитии человечества» [10, с. 15].

Неслучайно Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах в совокупности составляют Международный билль о правах человека. В последующем были приняты и другие международные правовые акты в этой сфере.

Однако разработка и утверждение большого количества деклараций и конвенций, посвященных правам человека, не предусмотрели их неукоснительной реализации.

Сама возможность постановки вопроса о создании универсальной концепции прав человека обусловлена тем, что в основу жизнедеятельности международного сообщества должны быть положены принципиальные императивные требования безопасности челове-

ка и всеобщей значимости его прав, прежде всего в отдельном государстве.

Так, в Указе Президента России от 30 ноября 2016 года № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [6] прямо указывается на то, что внешнеполитическая деятельность государства направлена на выполнение определенных задач: дальнейшее продвижение курса по укреплению международного мира; обеспечение всеобщей безопасности и стабильности; формирование добрососедских отношений с сопредельными государствами; всесторонняя эффективная защита прав и законных интересов российских граждан; содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций.

Однако современный мир многополярен. В этой связи представляется затруднительным постоянно сохранять баланс в интерпретации содержания универсальных прав человека со стороны всего международного сообщества.

Появляются новые потенциальные угрозы безопасности международному миру и правопорядку. Так, по данным Организации Объединенных Наций, к ним следует отнести: межгосударственные и внутригосударственные конфликты, споры регионального или субрегионального масштаба, террористические акты, распространение оружия массового поражения или стрелкового оружия и легких вооружений, незаконную торговлю ими [12].

Изложенное свидетельствует о том, что на современном этапе актуализация процесса становления рассматриваемой концепции предполагает необходимость выработки согласованных принципов международного гуманитарного сотрудничества всех государств, относящихся к различным культурам и правовым системам.

Однако достигнутый уровень и эффективность сотрудничества в области прав человека не могут претендовать на универсальность.

В целом эта концепция должна стать действенным средством международного правового регулирования в правозащитной сфере.

Другими словами, только структурные изменения в институциональной системе прав человека на концептуальном уровне смогут повысить эффективность ее функционирования.

Безусловно, существующие международные стандарты в области прав человека, предусматривающие соблюдение государствами

принятых на себя обязательств, оказали значительное воздействие на развитие всей международной правовой системы и фактически установили верховенство международного права в целом.

По справедливому замечанию В. А. Карташкина, примат международного права не является абсолютным, поскольку «ограничивается тем объемом, в соответствии с которым международное право регулирует межгосударственные и внутригосударственные отношения» [8, с. 27].

Подтверждением данному обстоятельству являются положения Федерального конституционного закона от 14 декабря 2015 года № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» [5], дающие право Конституционному суду не признавать обязательность исполнения в России решений международных судебных инстанций, если они нарушают принцип конституционного верховенства.

В первую очередь речь идет о приоритете решений Конституционного суда Российской Федерации над вердиктами Европейского суда по правам человека.

Таким образом, следует отметить, что в случае возникновения противоречия между обозначенными судебными актами Российская Федерация оставляет за собой право отказаться от буквального исполнения решения международного суда, что является мерой реализации национального правозащитного механизма.

Безусловно, подобные меры необходимы для обеспечения защиты прав человека и реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Представляется верным мнение о том, что «в идеале права человека призваны выразить единство требований человека и объективных условий их осуществления» [7, с. 25].

В этой связи универсальная концепция прав человека должна учитывать разнообразные формы проявления института прав человека в различных цивилизациях. В ней должна найти отражение региональная специфика существования определенной общности людей, их уникальность и особенности исторического, социально-экономического, политического и иного развития. И это вполне логично, учитывая, что права человека являются ориентиром и вектором развития международ-

ных отношений, средством обеспечения свободы и достойного развития человека в глобальном и региональном измерениях.

Следовательно, построение универсальной системы прав человека в международном сообществе возможно при наличии взаимоприемлемых компромиссов и согласованного поведения всех субъектов международного права.

Кроме того, если права человека представляют собой надгосударственный правовой институт, определяют его принципы и ценности, обусловленные развитием культуры и цивилизации, то и государство в целом становится цивилизованным.

Неэффективность ныне существующей системы прав человека объясняется тем, что она не в полной мере учитывает социально-культурные условия отдельных государств, их ментальность.

Кроме того, в настоящее время рассматриваемая концепция не имеет абсолютного числа сторонников в системе международных координат, что не позволяет ей стать концептуальной основой всех международных договоров в данной сфере.

В этой связи считаем целесообразным согласиться с В. А. Карташкиным в том, что настало время для подготовки единой хартии прав человека на основе Всеобщей декларации прав человека 1948 года, международных пактов о правах человека 1966 года и иных документов.

По мнению исследователя, в этом универсальном документе должны детализироваться не только принципы и нормы в сфере прав человека, но и пути их развития с учетом общечеловеческих ценностей, интересов различных цивилизаций и пожеланий народов иных культур [8, с. 28].

В продолжение темы представляется возможным наделить контрольными функциями за соблюдением положений хартии Комитет по правам человека ООН (далее – Комитет ООН),

значительно расширив круг его полномочий.

В настоящее время в рамках функционирования Комитета ООН уже разработана трехуровневая концепция обязательств, налагаемых на государства-участников.

Так, первое обязательство заключается в недопущении нарушений прав человека со стороны государств – членов Комитета ООН. Второе предусматривает необходимость осуществления защиты конкретных прав от нарушений их третьей стороной. Подобные обстоятельства могут потребовать принятия позитивных действий со стороны государства-участника, например, создания надлежащих правотворческих инициатив и выделения достаточных ресурсов для их эффективного претворения в жизнь. Третье обязательство предполагает возможность должного поощрения соответствующих прав и свобод человека, то есть государства должны принимать требуемые меры по созданию необходимой и благоприятной среды, в условиях которой соответствующие права могли бы быть реализованы в полном объеме.

Несмотря на логичность, разумность и правильность установленных процедур современной системы защиты прав человека, они нуждаются в совершенствовании.

Более того, международное и национальное право больше не являются закрытыми системами, так как их нормы тесно взаимодействуют в рамках одних и тех же правоотношений, в особенности в сфере обеспечения прав человека.

Таким образом, возникла острая необходимость разработки и реализации универсальной концепции прав человека, предполагающей безусловную согласованность в действиях всех субъектов международного права и осознание того, что права человека выражают наднациональные, общечеловеческие стандарты поведения.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 декабря.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) //

Bibliography

1. The Universal Declaration of human rights (it is accepted by the United Nations General Assembly 12.10.1948)// Russian newspaper. 1998. December 10.
2. The International Covenant on civil and political rights (it is accepted 12.16.1966 by the Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the United Nations General Assembly) //

Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 1994. № 12.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 1994. № 12.

4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята Резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24.10.1970). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

5. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон Российской Федерации от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

6. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6886.

7. Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

8. Карташкин В. А. Международные пакты о правах человека: новый этап исторического опыта // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2016.

9. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX веков: Англия, США, Франция, Италия, Германия: сборник документов / сост. Н. Н. Блохин; под ред. П. Н. Галанзы. М., 1957.

10. Лукашева Е. А. Международные пакты о правах человека: итоги компромисса // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2016.

11. Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М., 2011.

12. Справочник по практике Совета Безопасности ООН. URL: <http://www.un.org/ru/sc/reperoire/actions.shtml>.

13. Чернавин Ю. А. Права человека как философская концепция: постановка проблемы // Философия права. 2016. № 3 (76).

Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. № 12.

3. The International Covenant on economic, social and cultural rights (it is accepted 12.16.1966 by the Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the United Nations General Assembly) // Bulletin of the Supreme Court of Russian Federation. 1994. № 12.

4. The Declaration on the principles of international law concerning friendship and cooperation between the states according to the Charter of the UN (it is accepted by the resolution 2625 (XXV) of the United Nations General Assembly from 10.24.1970). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

5. About the Constitutional Court of the Russian Federation: federal constitutional law of the Russian Federation of July 21, 1994 № 1 // Russian Federation Code. 1994. № 13. Art. 1447.

6. About the approval of the Concept of foreign policy of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation from 11.30.2016 № 640 // Russian Federation Code. 2016. № 49. Art. 6886.

7. Babenko A. N. Legal values and development by their personality: dis. ... Doctor of law. Moscow, 2002.

8. Kartashkin V. A. International covenants on human rights: new stage of historical experience // International covenants on human rights: valuable characteristics: materials of the International scientific and practical conference. Moscow, 2016.

9. Constitutions and acts of the bourgeois states of the XVII–XIX centuries: England, USA, France, Italy, Germany: collection of documents / author N. N. Blochin; under the editorship of P. N. Galanza. Moscow, 1957.

10. Lukashcheva E. A. International covenants on human rights: compromise results // International covenants on human rights: valuable characteristics: materials of the International scientific and practical conference. Moscow, 2016.

11. Human rights: textbook / under the editorship of E. A. Lukashchev. 2nd prod., reslave. Moscow, 2011.

12. Reference book on practice of the UN Security Council. URL: <http://www.un.org/ru/sc/reperoire/actions.shtml>.

13. Chernavin Yu. A. Human rights as philosophical concept: statement of a problem // Legal philosophy. 2016. № 3 (76).

Плясунов Владимир Васильевич
Plyasunov Vladimir Vasilevich

преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Lecturer, Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot.

E-mail: beep1@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ СВОБОДЫ СЛОВА В РОССИИ

Features of the evolution of freedom of speech in russia

Статья посвящена исследованию особенностей процесса становления свободы слова в России. Проведенный анализ позволил автору сделать выводы о том, что свобода слова в России изначально развивалась в рамках цензурного законодательства, которое приобрело новый формат в советское время, и только с принятием Конституции РФ 1993 года произошли коренные преобразования в правовом регулировании свободы слова.

Ключевые слова: свобода слова, свобода мысли, свобода мнений, цензура, цензурное законодательство, цензурный устав.

The article is devoted to the study of peculiarities of evolving freedom of speech in Russia. The analysis allowed to conclude that freedom of speech in Russia was initially established in the context of censorship legislation, then became a new format in the Soviet period. And only after the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993 fundamental transformations in the legal regulation of freedom of speech took place.

Keywords: freedom of speech, freedom of thought, freedom of expression, censorship, censorship legislation, censorship regulations.

В современном мире свобода слова признана неотъемлемой ценностью демократического общества. Необходимо отметить, что институт свободы слова в ее современном понимании возник в период Великой французской буржуазной революции и был затем органично закреплён в конституциях государств, в том числе и в Основном законе России [1]. До этого времени становление свободы слова в России было связано с эволюцией цензурного законодательства, особенно в сфере печати.

Следует отметить что закреплению свободы слова в Основном законе Российского государства предшествовал длительный путь, который может быть разделен на несколько самостоятельных этапов.

Первый этап развития свободы слова приходится на период формирования централизованного государства. Так, при Иване Грозном составляется сборник указов «Стоглав», впервые закреплявший принцип предварительной проверки всех рукописных книг перед их изданием на соответствие церковным канонам [2]. Необходимо отметить, что в это время также широко применялись нормы обычного пра-

ва, регулировавшие в том числе свободу слова. Так, в обычном праве донских казаков отдельную группу деликтов составляли правонарушения, посягающие на общественные отношения в области православной веры и христианской морали. Богохульством признавались оскорбительные речи, произносимые публично, или действия в отношении православных святынь, например, множественное публичное упоминание Бога «в суете» (в суете, без какой-либо надобности) [3, с. 63]. Следовательно, в данный период можно говорить о существовании исключительно церковной цензуры свободы слова, в том числе обычно-правовой природы.

Второй этап становления свободы слова в России связан с правлением Петра I, который, стремясь избавиться от тотального влияния церкви на все сферы жизни общества, усиливает светскую цензуру и отделяет ее от духовной. Император впервые ввел ограничения полномочий церкви в области книжной цензуры. В соответствии с его решением монахам были запрещены даже инструменты для письма: «...монахи въ кельяхъ никакихъ писемъ писать власти не имѣють, чернилъ и бумаги

въ кельяхъ имѣ ти да не будутъ, но въ трапезѣ опредѣ ленное мѣ сто для писанія будетъ: и аще нужды ради каковыя восхоцеть кто писати, и то съ повелѣ нія начальнаго...» [4, т. IV, с. 140]. В этот период происходит разделение цензурных функций церкви и светской власти, которое окончательно оформилось при императрице Елизавете Петровне, постановившей в 1742 году, чтобы «...Академіи Наукъ въ Сенатѣ отвѣ тствовать, съ чего оное въ тѣ хъ Въ домостяхъ напечатано; а впредь той Академіи Наукъ показанныя Россійскія Въ домостяхъ печатать съ апробаціи Сенатской Конторы, а безъ того отнюдь не печатать, дабы впредь такихъ же неисправностей не было, и по нѣ сколько тѣ хъ печатныхъ Въ домостей присылать въ Москву въ Правительствующій Сенатъ...» [4, т. VI, с. 588].

Во время правления Екатерины II в 1796 году был принят указ, согласно которому «...никакія книги, сочиняемыя или переводимыя въ Госу дарствѣ Нашемъ, не могутъ быть издаваемы, въ какой бы то ни было Типографіи, безъ осмотра отъ одной изъ Ценсуръ, учреждаемыхъ въ Столицахъ Нашихъ, и одобренія, что въ таковыхъ сочиненіяхъ или переводахъ ничего Закону Божію, правиламъ Государственнымъ и благонравію противнаго не находится...» [4, т. XXIII, с. 933]. Этим указом фактически запрещалась деятельность всех частных типографий, а предполагаемые к печати издания необходимо было представлять на рассмотрение как духовным, так и светским цензором.

Император Павел I продолжил инициативу Екатерины II, причем областей, подвергаемых государственному контролю в исследуемой сфере, стало значительно больше. Цензурная реформа Павла I логически увенчалась указом от 18 апреля 1800 года, запретившим ввоз в страну любой литературы на иностранном языке: «...Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ въ ры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣ вамъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изытія, въ Государство Наше...» [4, т. XXVI, с. 133].

Как видим, на данном этапе продолжается разделение церковной и светской цензуры, происходит общее расширение сфер общест-

венной и государственной жизни, подвергаемых избирательной критике.

Третий этап развития свободы слова начинается в эпоху правления Александра I, который в 1804 году подписал первый цензурный устав. В докладе министра просвещения П. В. Завадовского о цензурном уставе говорилось, что им «...ни мало не стѣ няется свобода мыслить и писать; но токмо взяты пристойныя мѣ ры противъ злоупотребленія оной...» [4, т. XXVIII, с. 439]. В статье 15 цензурного устава закреплялся перечень оснований для недопущения издания в печать: «...чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго закону Божію, Правленію, нравственности и личной чести какого-либо гражданина...». Однако следует отметить, что в ст. 21 устава впервые прослеживается небольшое послабление: «...когда мѣ сто, подверженное сомнѣ нію, имѣ етъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше изтолковать оное выгоднѣ йшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣ довать...» [8, с. 441].

Более заметное послабление ограничений свободы слова, в частности свободы печати, произошло в период правления императора Александра II. Так, в 1865 году принимается новый цензурный устав, в соответствии с примечанием № 3 к которому от предварительной цензуры освобождались все правительственные издания, а также литература, выпускаемая академиями и университетами [9, с. 42]. В статье 13 цензурного устава говорилось, что «...цензура въ произведеніяхъ изящной словесности должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣ реннаго искаженія истины и отъ существенныхъ оскорбленій нравственнаго приличія...», а в ст. 15 особо подчеркивалось: «...цензура не имѣ етъ права входить въ разборъ справедливости и неосновательности частныхъ мнѣ ній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры...» [5, с. 47].

Очевидно, что на фоне общего развития цензурного законодательства, которое стало более систематизированным, унифицированным и детальным, впервые закрепляются некоторые, пусть даже и незначительные, гарантии свободы слова, в том числе основания для ее возможного ограничения.

Четвертый этап связан с новым витком ограничения свободы слова и усилением цензу-

ры. Он начинается в эпоху правления Александра III. В 1882 году утверждаются Временные правила о печати, в ст. 2 которых устанавливается, что «...редакции повременных изданий, выходящих без предварительной цензуры, обязываются по требованию Министра Внутренних Дел, сообщать званія, имена и фамилии авторовъ статей, печатаемыхъ въ упомянутыхъ изданіяхъ...» [6, т. 2, с. 390].

Во время правления Николая II происходит дальнейшее усиление цензуры, несмотря на то, что манифестом от 17 октября 1905 года была провозглашена свобода слова [7, с. 2]. 18 марта 1906 года выходит императорский указ «Об изменениях и дополнениях временных правил о периодической печати», устанавливающий обязанность «...представления номеров повременнаго изданія мѣстному установленію или должностному лицу по дѣлам печати...» (ст. 2) [6, т. XXVI, с. 281].

Полагаем, что ужесточение цензуры было неизбежно и явилось следствием обострившихся политических проблем внутри Российской империи. Для того чтобы не допустить распространения антимонархических настроений среди населения, власть была вынуждена в первую очередь усилить контроль за свободой слова.

Пятый этап приходится на советскую эпоху, которая также характеризуется цензурными ограничениями свободы слова, трансформировавшимися в рамках новой социалистической идеологии. Как верно отмечает Л. П. Рассказов, «в Советском государстве правовая система являлась разновидностью социалистической семьи, своеобразие которой заключалось в классовом понимании права» [8, с. 12].

Большинство конституций РСФСР закрепляли свободу слова, однако это положение, как и многие другие права и свободы, зачастую носило декларативный характер и было пронизано социалистической идеологией. Так, в п. 14 главы 5 Конституции РСФСР 1918 года говорится о том, что «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение

по всей стране» [9]. Аналогичная по содержанию норма содержалась и в п. 5 главы 1 Конституции РСФСР 1925 года [10]. Необходимо помнить о том, что данные конституции были приняты во время коренных изменений в государственном устройстве России, что обусловило ярко выраженный идеологический характер содержащихся в них норм, в том числе посвященных свободе слова.

Несмотря на то, что следующая Конституция РСФСР была принята значительно позже, в 1937 году, закрепленная в ней свобода слова также имела идеологическую окраску. Так, в ст. 125 устанавливалось, что «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам РСФСР гарантируются законом: а) свобода слова; б) свобода печати; в) свобода собраний и митингов; г) свобода уличных шествий и демонстраций. Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления» [11]. Следует обратить внимание на то, что свобода слова была отнесена советским законодателем к политическим свободам. Поэтому характерной для Советского государства особенностью данной нормы являлось то, что носителями свободы слова выступали только граждане РСФСР. Иностранцы и лица без гражданства подобной свободой, согласно Конституции РСФСР 1937 года, не обладали.

Конституция РСФСР 1978 года в ст. 48 изначально закрепляет свободу слова практически в неизменном виде. Однако здесь свобода уже не отождествляется с правом. Можно с некоторой долей условности сказать, что в Конституции РСФСР 1978 года впервые появляются юридические гарантии свободы слова, которые содержатся в ст. 47, устанавливающей запрет на преследования за критику. Думается, что закрепление данной гарантии в другой статье, например, посвященной праву граждан РСФСР вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе, сужает возможность реализации свободы слова до допустимой сферы критики и не дает достаточных оснований утверждать наличие полной гарантированности свободы слова [12]. Последую-

ищее государственное развитие России неизбежно привело к изменениям и Основного закона страны, в том числе в сфере прав и свобод человека и гражданина. Так, в ст. 43 Конституции РСФСР 1978 года (ред. от 10 декабря 1992 года) кардинально изменено содержание дефиниции «свобода слова», которая и получила закрепление в тексте ныне действующей Конституции РФ: «каждый имеет право на свободу мысли, слова, а также на беспрепятственное выражение своих мнений и убеждений. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений. Каждый имеет право искать, получать и свободно распространять информацию. Ограничения этого права могут устанавливаться только законом» [13]. В данной редакции Конституция РСФСР 1978 года уже не привязывала возможность осуществления свободы слова к наличию гражданства РСФСР, впервые наряду со свободой слова устанавливалась свобода мысли, свобода информации и были закреплены гарантии свободы слова в виде возможности ее ограничения только законом.

Конституция РФ 1993 года закрепила свободу слова (ст. 29), указав пределы ее реализации и дополнительно выделив свободу средств массовой информации, запрет цензуры. Наряду с этим ч. 3 ст. 55 Конституции РФ определила общие условия и основания ограничения прав и свобод человека и гражданина, которые в полной мере применимы к свободе слова.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Стоглав. Казань, 1862. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003121952#?page=132>.
3. Небрatenko Г. Г., Литвиненко А. И. Правонарушения, посягающие на устои православной церкви и христианскую мораль, в обычном праве донских казаков // Юрист-Правоведь. 2015. № 6.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1: 1649–1825 годы. СПб., 1830.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1) свобода слова в России изначально развивалась в рамках цензурного законодательства, получившего широкое распространение в Российской империи, что было обусловлено стремлением власти к недопущению развития в стране радикальных идей, направленных, прежде всего, против существующего государственного строя;

2) в советское время свобода слова продолжала складываться в строго обозначенных цензурных рамках, носивших ярко выраженный идеологический характер;

3) в переходный исторический период, предшествующий принятию ныне действующей Конституции РФ, в Основном законе РСФСР 1978 года были сделаны первые шаги в сторону расширения границ свободы слова, закрепления юридических гарантий ее осуществления путем внесения поправок в текст, который в целом уже претерпел многочисленные коррективы, что неминуемо привело к его последующей смене;

4) принятая 12 декабря 1993 года Конституция РФ провозгласила создание демократического государства, основанного на принципах и достижениях международной правовой мысли, в том числе в области прав и свобод человека и гражданина, закрепила свободу слова в качестве основной свободы каждого, установив юридические гарантии ее реализации и недопущения злоупотребления ею.

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12/12/1993) (taking into account the amendments made by acts of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation from 12.30.2008 № 6, from 12.30.2008 № 7, from 2.05.2014 № 2, from 7.21.2014 № 11) // Russian Federation Code. 2014. № 31. Art. 4398.
2. Hundred-heads. Kazan, 1862. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003121952#?page=132>.
3. Nebratenko G. G., Litvinenko A. I. The offenses encroaching on foundations of orthodox church and Christian morals in common law of the Don Cossacks // Yurist-Pravoved. 2015. № 6.
4. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collected 1: 1649–1825. St. Petersburg, 1830.

5. Законы о печати // Собрание действующих законодательных постановлений о печати, разъяснений по решениям Кассационного департамента Правительствующего сената и циркулярам министра внутренних дел. 2-е изд. СПб., 1875.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: 1885–1916. СПб., 1830.

7. Обновленная Россия: сборник. Одесса, 1905.

8. Рассказов Л. П. Правовая система Советского государства как разновидность социалистической правовой семьи // Юрист-Правовед. 2014. № 6.

9. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года) (утратила силу). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/5/#block_2100.

10. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 года) (утратила силу). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/chapter/1/#block_11100.

11. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 года) (утратила силу). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959924/chapter/11/#block_129.

12. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 года (утратила силу). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/6/#block_2648.

13. Конституция (Основной закон) РСФСР от 12 апреля 1978 года (ред. от 10.12.1992) (утратила силу). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/183126/chapter/5/#block_2643.

5. Laws on the press// Collection of the existing legislative resolutions on the press, explanations according to decisions of cassation department of the Ruling senate and circulars of the Minister of Internal Affairs. 2nd prod. St. Petersburg, 1875.

6. Complete collection of laws of the Russian Empire. Collected 3: 1885–1916. St. Petersburg, 1830.

7. The updated Russia: collection. Odessa, 1905.

8. Rasskazov L. P. Legal system of the Soviet state as kind of a socialist legal family// Yurist-Pravoved. 2014. № 6.

9. The constitution (Basic law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (it is accepted by the V All-Russian Congress of Councils in a meeting of July 10, 1918) (has become invalid). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/5/#block_2100.

10. The constitution (Basic law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (it is approved by the resolution XII of the All-Russian Congress of Councils of May 11, 1925) (has become invalid). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/185477/chapter/1/#block_11100.

11. The constitution (Basic law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (it is approved by the resolution of the Extraordinary XVII All-Russian Congress of Councils of January 21, 1937) (has become invalid). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959924/chapter/11/#block_129.

12. The constitution (Basic law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of April 12, 1978 (has become invalid). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/6/#block_2648.

13. The constitution (Basic law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of April 12, 1978 (in an edition from 12.10.1992) (has become invalid). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/183126/chapter/5/#block_2643.

Рыжов Дмитрий Васильевич
Ryzhov Dmitriy Vasilevich

аспирант Кубанского государственного университета.

Postgraduate Student of the Kuban State University.

Тел.: 8 (928) 313-66-74.

**СУДЕБНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1725–1762)**

The judicial laws of the russian empire (1725–1762)

Статья посвящена эволюции российского законодательства о суде. Рассматриваются изменения в судостроительстве и процессе судопроизводства. Анализируются причины изменений в судебном праве. Делается вывод о нивелировании роли суда в Российской империи в 1725–1762 годы.

Ключевые слова: суд, процесс, Верховный тайный совет, законодательство, фискалы, прокуратура, Сенат.

The article is devoted to the evolution of the Russian legislation on court. Discusses changes in the judicial system and judicial process. The causes of the changes in the judicial law. The conclusion is made about the leveling of the role of the court in the Russian Empire in 1725–1762.

Keywords: court process, Supreme Privy Council, legislation, fiscal, Prosecutor's office, Senate.

После смерти Петра I на российский престол взошла Екатерина I. С этого времени основная мысль петровских преобразований в сфере отправления правосудия затерялась в политических смутах и правительство постепенно возвращалось к прежнему порядку судостроительства и судопроизводства. Началась ликвидация судебных учреждений, созданных Петром Великим, в частности, был закрыт институт судебных комиссаров [1, № 5015], что привело к скоплению большого количества нерешенных судебных дел.

В результате Верховным тайным советом в городах были назначены особые воеводы, которые наделялись правом вести розыск и выносить судебные решения. Апелляция на них поступала к провинциальным воеводам, а жалобы на последних – в надворные суды.

Указом от 24 февраля 1727 года [2, № 5017] все надворные суды были ликвидированы, а судебные функции переданы губернаторам и воеводам, которым предоставлялись широкие права по рассмотрению гражданских и уголовных дел. Полная передача губернаторам всех уголовных дел, в том числе государственных преступлений, приводила к смешению административной и судебной властей.

Основную массу дел губернаторы рассматривали вместе с канцелярией. Предоставленное им право гражданского и уголовного суда было зафиксировано в Наказе губернаторам [2, № 5333] 1728 года, принятом в период правления императора Петра II. Ограничение ревизионной функции Сената заключалось в том, что согласно Наказу ревизионные обязанности возлагались на руководителей местных администраций – губернаторов и воевод. При этом Наказом было установлено, что даже за государственные преступления губернаторы могли выносить окончательные решения. Эта новелла входила в явное противоречие с реформаторскими указами Петра Великого, в соответствии с которыми все дела о государственных преступлениях в обязательном порядке докладывались в Юстиц-коллегию, а решения утверждались непосредственно императором.

Воеводская канцелярия по гражданским делам также имела право принимать окончательное решение. Что касается уголовных дел, то в Наказе 1728 года было сделано только одно ограничение: в случае, если преступник подлежал ссылке на галеры или смертной казни, то решение воеводы утверждалось губернатором. Во всех остальных ситуациях судебное реше-

ние, принятое воеводским судом, не подлежало апелляции. Исключение составляли случаи, когда в воеводском суде рассматривались дела по поручению губернаторов: право окончательного решения оставалось за последними [1, № 5017; 2, № 5333].

При этом в Наказе отмечалось, что «хотя городские воеводы, как и провинциальные, подчинены губернаторам, однако им губернаторам в отдаленных местах вскоре за теми городскими воеводами всех усмотреть не можно: того ради за теми городскими воеводами смотрение иметь провинциальных городов воеводам». Таким образом, пригородные воеводы по-прежнему напрямую подчинялись воеводам разрядов, что влекло за собой усложнение и увеличение судебных инстанций.

Судебная власть городских воевод оставалась зависимой только от губернаторов. Апелляция из города в провинцию была запрещена. Воеводе можно было жаловаться только на волокиту при рассмотрении дела в городском суде, однако лишь в случае, если уездный город располагался далеко от провинциального.

Изменилась и юрисдикция Сената. Высшим судебным органом стал Верховный тайный совет. В указе о его создании было прямо сказано: «Где апелляции на Сенат или прочих первейших трех коллегий всемерно к Ея И. Величеству учинить позволено быть иметь и в Тайный Совет к высшему рассмотрению и рассуждению подавать» [1, № 4830, п. 12].

7 марта 1726 года выходит указ «О должности Сената» [1, № 4847], в котором прописывалась следующая обязанность бывшего верховного судебного органа: «... разве такое дело случится, на которое нет ясных указов или какое новое и весьма важное, которое собственному нашему разрешению подлежит, о таком доносить нам в Верховный тайный совет, представляя свое мнение и резолюцию».

Верховный тайный совет уже в законодательном порядке стал высшей судебной инстанцией, в том числе апелляционной, в которую можно было подавать жалобы на решения Сената. Помимо этого, указом от 8 октября 1726 года устанавливалось, что приговоры Сената, вынесенные по делам [1, № 4964], предусматривавшим применение смертной казни, в обязательном порядке поступали на утверждение высше-го судебного органа [3, с. 469; 7].

Большое количество дел, которые приходилось пересматривать Верховному тайному совету, повлекло за собой новое изменение в судебном законодательстве. Во-первых, в соответствии с указом от 31 декабря 1727 года ревизионные функции были вновь возвращены Сенату, а большая часть дел, относящихся к категории особо тяжких, передана суду губернаторов [1, № 5218, п. 18].

С 1728 года приговоры, вынесенные военным и военно-морским нижним чинам, отсылались на ревизию в Сухопутную и Морскую коллегии [2, № 5259]. Таким образом, судебная функция Сената была значительно сужена: он остался только апелляционной инстанцией по делам, решенным коллегиями [3, с. 37]. Несомненным отказом от петровских преобразований стало и упразднение рекетмейстерской конторы и должности генерал-рекетмейстера, функции которых были возложены на сенатского обер-прокурора [1, № 5023]. Несмотря на столь подчиненное положение Сената, он оставался, хотя и не высшей, апелляционной инстанцией, а с 1729 года – и судом первой инстанции по делам, поручаемых ему Верховным тайным советом, а также по делам «о преступлениях по должности» [3, с. 473].

Что касается законодательства, регулирующего судебное производство на местах, то как уже было отмечено, в соответствии с Наказом губернаторам в подведомственных им территориях они обладали высшей судебной властью. В губернском городе им подчинялись ратуша и губернские канцелярии, в Петербурге – Розыскная экспедиция, а в Москве – Розыскной приказ.

Значительно изменились функции органов надзора. Петр I в свое время увидел недостатки института фискалов, в связи с чем и была создана прокуратура. Но позже деятельность фискалов была существенно ограничена. Екатерина I в первые месяцы своего царствования подтвердила их право на существование [1, № 4693]. В ее указе были прописаны функциональные обязанности не только генерал-фискала и его помощников, а также провинциальных и простых фискалов. Эти обязанности в целом совпадали с теми, которые определил Петр I. Однако с возникновением прокуратуры прокуроры принимали доносы не только от фискалов, но и от частных лиц, вследствие чего круг действия фискалов был сокращен [4, № 4338].

Указ от 20 апреля 1725 года лишил прокуратуру этого права, а фискалы стали основными «доносителями» о совершенных противоправных деяниях. Уже 25 июня 1725 года выходит новый указ [1, № 4738], в соответствии с которым функции надзора у прокуратуры были окончательно отобраны. В законе прямо указывалось, что «а впредь доносителям мимо фискалов нигде не доносить, а подавать им доношения фискалам, и, подав те доношения фискалам, в дела самим не вступать, разве когда потребуется от него доказательство, то им доказывается подлинными документами».

Но здесь сложилась интересная ситуация: с одной стороны, закон усилил права фискалов, а с другой стороны, как указывал А. Н. Филиппов, высшее правительство и, прежде всего, Верховный тайный совет игнорировали их деятельность [3, с. 289].

После упразднения императрицей Анной Иоанновной высшего судебного органа был ликвидирован и институт фискалов. 15 мая 1730 года сенатским указом все дела бывшей фискальной конторы были переданы в архив [2, № 5557].

Что касается прокуратуры, то в период фактического правления Верховного тайного совета ее постигла такая же участь, как и институт фискалов. Но она продолжала наблюдать за законностью, осуществляя прокурорский надзор в коллегиях и судах в пределах оставленной ей компетенции. Как и фискалы, прокуратура при Екатерине I получила подтверждение своих прав, что было зафиксировано в указе от 7 марта 1726 года. В нем было сказано, что «Сенат состоит из знатных и поверенных персон ... и кроме них, – из генерал и обер-прокуроров» [1, № 4847]. В пунктах 1, 3 и 8 указа подробно были прописаны обязанности этих чинов, в частности, вносить в Сенат все дела из штатских коллегий в тех случаях, когда в них «случаются дела, которых в тех коллегиях решить не могут». Кроме того, генерал и обер-прокурор были обязаны, присутствуя на заседаниях Сената, контролировать соблюдение принципа состязательности сторон и законности в целом в ходе судебного разбирательства, а в случаях повторных отступлений от закона доносить об этом Верховному тайному совету.

Казалось бы, функции прокуратуры остались прежними, но фактически [8, с. 267] ге-

нерал-прокурора в Сенате заменил обер-прокурор, которому были переданы и рекетмейстерские обязанности. Должность генерал-прокурора осталась вакантной, а обер-прокурор не имел возможности полного контроля, которым обладал генерал-прокурор. Как следствие, функция прокурорского надзора в этот период была нивелирована. Снижение роли прокуратуры в судебном процессе заключалось и в том, что после перевода П. И. Ягужинского, первого в истории России прокурора, на другое место службы, иные должности заняли и прокуроры коллегий и канцелярий. В результате основы прокурорского надзора были фактически разрушены, хотя юридически институт прокуратуры считался действующим.

Приход к власти императрицы Анны Иоанновны характеризуется возвратом к петровским преобразованиям. В начале своего правления она выразила недовольствие крайним произволом воеводского управления, которое стало одной из судебных инстанций после уничтожения введенных Петром Великим судебных комиссаров и надворных судов. Императрица исправляет положение, издав указ от 20 марта 1730 года [2, № 5522], в котором было сказано: «Понеже Ея Императорскому Величеству известно учинилось, что многие воеводы как посадским, так и уездным людям чинят великие обиды и разорения и другие непорядочные поступки, и берут взятки, о чем уже и челобитные многие в Правительствующий Сенат на них поданы. А на иных и бить челом опасаются, для того, что воеводы многие годы живут безпеременно, того ради... Великая Государыня императрица Анна Иоанновна, самодержица Всероссийская указала во всех городах воеводам быть с переменною по два года».

Манифестом от 4 марта 1730 года Верховный тайный совет был ликвидирован [2, № 5510], а Сенату возвращены его прежние права. Так, в подчинении у Сената оказались низшие судебные инстанции, что было закреплено указом от 12 марта 1730 года [2, № 5522]. Для того чтобы ускорить рассмотрение судебных дел, накопившихся за более чем пятилетний срок, были снова учреждены Судной и Сыскной приказы [2, № 5521], а 16 апреля 1730 года восстановлена должность рекетмейстера [3, с. 463–486; 2, № 5534], чем устанавливался косвенный контроль за дея-

тельностью судов первой и второй инстанций [5, с. 41], а также усиливались функции Сената как высшей апелляционной инстанции.

Еще одним нововведением стало разделение в 1730 году Сената на департаменты [2, № 5570], четвертый из которых занимался только делами юстиции. При этом оговаривалась обязанность сенаторов участвовать в подготовке дел, следить за тем, чтобы «всякие дела с лучшим основанием и благоугодным правосудием... безволочитно и без остановки решаемы были». Была восстановлена и должность генерал-прокурора [2, № 5625].

Но возвращенная Сенату самостоятельность оказалась временной. С 1731 года он попадает под надзор «созданного Кабинета при Дворе Ее Императорского Величества» [2, № 5871].

Предполагалось, что Кабинет будет контролировать честное и объективное отправление всех государственных дел, «к собственному нашему всемилостивейшему разрешению принадлежащих». Но вместе с тем, как указывают исследователи, ему был вменен в обязанность надзор за всеми государственными установлениями. Сенату, Синоду, коллегиям, приказам и канцеляриям предписывалось подавать ежемесячные рапорты о челобитчиковых делах для усмотрения «безволочитно ли оным решения бывают» [6, с. 284].

Таким образом, ограничение власти Сената властью Кабинета, в который он был обязан ежемесячно подавать экстракты о постоянно решаемых делах [7, № 6952], в большей степени касалось исполнительных его функций, но не судебных.

Но уже указ от 11 ноября 1731 года [2, № 5872] устанавливает полную отчетность Сената перед Кабинетом, который с этого времени стал рассматриваться как подчиненное, судебно-надзирающее учреждение [5, с. 46]. Из его ведения были изъяты дела по следствиям о злоупотреблении высших должностных лиц, за ходом которых следила лично императрица. С 1731 года он перестает быть высшим органом суда по уголовным делам, а с 1736 года, в связи с созданием особого высшего судилища [7, № 7113], – и по гражданским.

Что касается военной юстиции, учрежденной Петром I, то она также претерпела определенные изменения. Отметим, что сужение подсудности дел военными судами было связа-

но в основном с родовым признаком подсудности дел. Так, согласно указу от 3 марта 1726 года военнотружачие стали подсудны военным судам только за преступления против военной службы. По делам об «обидах и прочих ссорах и во взятках» они судились в гражданских судах [1, № 4843]. Исключение сделано лишь для военных, проходивших службу в гвардейских частях, ввиду их особого статуса, но уже в 1727 году и это исключительное правило было упразднено.

Фактически сложилось положение, при котором высшая военно-судебная инстанция оказалась ненужной. Несмотря на восстановление императрицей Анной Иоанновной в 1733 году права военнотружачим судиться в полковых судах [7, № 6438], юрисдикция последних была ограничена уголовными делами. Гражданские дела рассматривались в общих судебных учреждениях.

В кратковременное царствование Иоанна Антоновича и правление Анны Леопольдовны судебная система Российской империи не претерпела особых изменений [8, с. 16]. Однако нужно заметить, что значение Сената в этот период как высшего органа суда и судебного надзора снизилось. Так, особый рекетмейстер, который всегда состоял при Сенате, согласно указу от 12 ноября 1740 года [7, № 6288] должен был теперь находиться при «Высочайшем Дворе для приема жалоб на все коллегии, канцелярии и на сам Сенат».

Функции прокуратуры вновь были значительно сокращены.

Положение несколько изменилось с приходом к власти Елизаветы Петровны, политика которой была направлена на восстановление созданных при Петре учреждений. Это нашло отражение в указе от 12 декабря 1741 года [7, № 8480], в котором вначале приводилась краткая историческая справка о деятельности Совета и Кабинета, критика их деятельности, связанная с произведенными ими «многими упущениями дел государственных внутренних всякого звания» и крайней слабостью правосудия. Пытаясь вникнуть в суть всех государственных дел, в том числе понять структуру судебной системы, императрица в январе 1742 года издала еще один указ [7, № 8497], согласно которому было разрешено представлять ей челобитные, касавшиеся различных злоупотребле-

ний. Однако огромный объем прошений, которые часто касались просьб о различных льготах и милостях, привело Елизавету Петровну к мысли о том, что жалобы на судебный произвол должны подаваться по инстанциям. В результате в мае того же года вышел еще один ее указ [7, № 8558], в соответствии с которым жалобы по делам, которые рассматривались в нижних судах, должны были передаваться по инстанциям.

Таким образом, снова возрастала роль генерал-рекетмейстера, которому подавались челобитные на неправовые решения и волокиту. В указе от 1 июля 1742 года ему было предписано разобрать все ранее поданные на высочайшее имя челобитные и разослать их по подлежащим присутственным местам [7, № 8575].

Что касается прокуратуры, то, несмотря на то, что в период правления Елизаветы Петровны был усилен надзор за деятельностью нижестоящих судов со стороны Сената и увеличилось количество донесений прокуроров о нарушениях со стороны судебных органов, в законодательстве того времени отсутствуют нормативно-правовые акты, которые усилили бы этот институт. Все донесения прокуроров имели формальный характер и не влияли на судебную деятельность.

Пуганица, вызванная множеством противоречащих друг другу указов, письменность процесса, наличие большого количества инстанций, неподготовленность судей низших инстанций к судебной работе создавали волокиту в производстве дел [9, с. 716–717].

Император Петр III вследствие незначительного времени нахождения на престоле также не сыграл какой-либо существенной роли в правовой истории России. Для судебного реформирования важен только один указ этого императора, по которому при Сенате был образован особый апелляционный департамент для скорейшего рассмотрения и решения апелляционных и нерешенных судебных дел [10, № 11422].

В завершение рассмотрим попытки кодификации законодательства, предпринятые правителями Российской империи в послепетровский период.

Так, при Петре II была учреждена кодификационная комиссия, которая в литературе получила наименование «Комиссии 1728». По мысли законодателя, следовало возвратиться

к составлению сводного уложения, но теперь только строго на национальных началах и с учетом практики. Однако эта комиссия даже не успела приступить к работе.

Императрица Анна Иоанновна возвращается к мысли о создании нового уложения на основании русских и иностранных источников. В связи с этим ею был издан указ от 1 июня 1730 года [2, № 5567], согласно которому «определить к тому делу добрых и знающих в делах людей, выбрав из шляхетства, духовных и купечества, из которых духовным и купеческим быть в то время, когда касающиеся к ним пункты слушаны будут». Эта комиссия за одиннадцатилетний период деятельности составила только две главы уложения: о суде и вотчинах, которые так и не получили законодательного закрепления. А в 1741 году, после вступления на российский престол Елизаветы Петровны, она вообще прекратила свое существование.

В 1754 году учреждается еще одна комиссия, которой было поручено «сочинить законы ясные, всем понятные и настоящему времени приличные» [11, № 10283]. На местах создавались губернские комиссии при каждой губернской канцелярии и 35 частных по отдельным ведомствам. На общую комиссию было возложено составление уложения по делам судным, о правах состояния, вотчинным, уголовным. В течение года комиссия составила проекты двух частей уложения – судную и криминальную. Но они также не были утверждены центральной властью и возвращены в комиссию на доработку.

Несмотря на то, что деятельность комиссии продолжалась до 1767 года и за этот период было составлено три части уложения – о суде, розыскных делах и состояниях подданных вообще, ни одно из ее предложений не было санкционировано.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что в течение рассмотренного периода не только не было ничего сделано для улучшения качества отправления правосудия. Более того, многие реформаторские законы Петра I не исполнялись либо были фактически похоронены законодательными инициативами, которые в большей степени зависели от политической обстановки в стране, личных амбиций правителей Российской империи.

Литература

1. ПСЗРИ-1. Т. VII.
2. ПСЗРИ-1. Т. VIII.
3. Филиппов А. История Сената в правление Верховного тайного совета и кабинета: Сенат в правление Верховного тайного совета. Юрьев, 1895. Ч. 1.
4. ПСЗРИ-1. Т. VI.
5. Грибовский В. М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины II // Материалы для истории Высшего суда и надзора в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй: историко-юридическое исследование (период 28 июня 1762 года – 7 ноября 1775 года). СПб., 1901.
6. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1876. Т. II.
7. ПСЗРИ-1. Т. IX.
8. Пестов А. С. Внутренний быт Русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года, по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Книга первая «Верховная власть и Императорский дом». М., 1880.
9. Чельцов-Бebutov М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.
10. ПСЗРИ-1. Т. XV.
11. ПСЗРИ-1. Т. XIV.

Bibliography

1. CCLRE-1. Vol. VII.
2. CCLRE-1. Vol. VIII.
3. Filippov A. History of the Senate in board of the Supreme Privy Council and an office: The senate in board of the Supreme Privy Council. Yuryev, 1895. Part 1.
4. CCLRE-1. Vol. VI.
5. Gribovsky V. M. The supreme court and supervision in Russia in the first half of reign of the empress Ekaterina the Second // Materials for history of the Supreme court and supervision in the first half of reign of the empress Ekaterina the Second: a historical and legal research (the period on June 28, 1762 – on November 7, 1775). St. Petersburg, 1901.
6. Gradovsky A. D. Beginnings of the Russian state law. St. Petersburg, 1876. Vol. II.
7. CCLRE-1. Vol. IX.
8. Pestov A. S. Internal life of the Russian state from October 17th, 1740 to November 25th, 1741, according to the documents which are stored in the Moscow archive of the Ministry of Justice. Book the first «Supreme power and Imperial house». Moscow, 1880.
9. Cheltsov-Bebutov M. A. Course of the criminal procedure right. St. Petersburg, 1995.
10. CCLRE-1. Vol. XV.
11. CCLRE-1. Vol. XIV.

Алимamedов Эльмир Низамиевич
Alimamedov Elmir Nizamievich

преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Lecturer, Department of Preliminary Investigation, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Ya. Kikot.
E-mail: 1on1@mail.ru

**ГЕНЕЗИС ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

**the genesis of the history of the institution of the preliminary investigation
in the russian legislation**

В статье анализируется процесс развития этапа окончания предварительного следствия, включающий составление обвинительного заключения. Исследуется становление и развитие института следователя как лица, уполномоченного выдвигать обвинение.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, судопроизводство, следователь, обвинительное заключение, обвинение, обвинительный акт.

In article are analyzed development of a stage of the end of pretrial investigation with drawing up the indictment. Historical process of formation and development of the investigator is investigated as authorized officer to bring charge.

Keywords: law of criminal procedure, legal proceedings, investigator, indictment, charge, indictment.

Выявление исторических тенденций развития отечественного уголовного процесса, в частности, эволюции этапа окончания предварительного следствия, с последующим составлением обвинительного заключения, по нашему мнению, сформирует нужный вектор понимания теоретико-процессуальных основ развития этого института.

Огромное влияние на древнерусское уголовное судопроизводство оказало римское законодательство. Так, каждый полноправный римлянин мог выдвинуть обвинение и поддерживать его в суде. В случае недобросовестности обвинения гражданин подлежал весьма суровому наказанию; также было запрещено прекращать обвинение в связи с заключением противозаконной сделки с обвиняемым. Определенное значение имела и «ритуальность» процесса. Гражданин приносил присягу и только после этого официально заявлял о своем намерении выдвинуть обвинение. Обвинителю предоставлялся определенный срок для собирания доказательств, завершавшийся допросом обвиняе-

мого и окончательной формулировкой обвинения. В результате составлялся документ, который содержал предмет и пределы предъявленного обвинения [7].

С. В. Познышев отмечал, что в период Древней Руси в отношении как уголовных, так и гражданских дел применялся общий исковой порядок [7]. Лицо (заявитель) поддерживало требования, и лишь в зависимости от их характера можно было сделать вывод о том, чего именно они касались и какие правоотношения порождали. Хотя в качестве сторон и выступали частные лица, в эту категорию, по верному замечанию М. Ф. Владимирова-Буданова, попадали не только физические лица, но и их родовые и иные объединения [1, с. 436].

Следует отметить, что на Руси судебный процесс основывался на принципах состязательности и гласности. Разрешение дела по существу происходило на основании представленных сторонами доказательств. К доказательствам при этом относились следующие источники информации: признание, свидетели и послухи*.

* Послух – свидетель, в отличие от видока, то есть очевидец, свидетельствующий по слуху, либо лицо, на которое «послались» истец и ответчик, лицо, напоминающее соприсяжников древнегерманского процесса.

Именно таким в своей основе был ординарный судебный порядок в Древней Руси, наряду с которым, эволюционируя и развиваясь, начинал складываться разыскной процесс, в начале своего становления применявшийся исключительно к ограниченной категории дел.

Видный ученый того времени Н. П. Загосский указывал на то, что уголовное преследование приобрело публичный характер и общегосударственное значение, а самостоятельная внесудебная расправа и фактически, и юридически стала противоречить закону. С другой стороны, оказалось невозможным и примирение с преступником, более того, оно стало уголовно наказуемым [4, с. 23].

Центральным органом управления зарождающегося следственного аппарата той эпохи являлся Разбойный (Сыскной) приказ. Именно в нем было сосредоточено высшее руководство всех земских (губных) учреждений, в связи с чем сыск приобрел признаки вертикально организуемой и столь же вертикально подчиненной деятельности. На фундаменте данного губного института и сыскного процесса происходит дальнейшее расширение спектра преступных деяний, преследуемых государством, и развитие публичных начал, нашедших свое отражение в судебныхниках 1497 и 1550 годов, а также Соборном уложении 1649 года.

В Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года (далее – УУС) термин «судебное преследование» был закреплен в ст. 1. При этом в примечании к статье говорилось, что в данную категорию не входили профилактические и пресекающие меры, применявшиеся полицией [9, с. 120]. Полагаем, что под термином «судебное преследование» законодатель (хотя и не вполне удачно) понимал преследование, которое осуществляется не судом, но в ходе судебного разбирательства уголовного дела, то есть лишь поддержание обвинения в суде.

Детальное изучение данного источника права позволяет сказать, что термин «уголовное преследование» упоминается лишь в ст. 542 УУС, которая устанавливает основания возобновления уголовного дела [9, с. 172]. Тот факт, что это понятие встречается в УУС всего один раз, наталкивает нас на мысль об исключительности статуса прокурора. Можно констатировать, что деятельность прокурора по обличению виновных лиц перед судом в

полной мере соответствовала состязательно-му построению уголовного процесса.

Далее предлагаем рассмотреть вопрос, касающийся становления и развития института судебных следователей. Вплоть до середины XIX века предварительное расследование осуществляли должностные лица полиции [14, с. 736]. Однако низкий уровень образования полицейского сообщества того времени, первостепенная роль инквизиционного процесса, наделявшего всемерной властью следователя, лишали обвиняемого большинства доступных прав. Все сказанное, а также политические нюансы абсолютистского крепостнического строя оказывали негативное влияние на развитие предварительного следствия.

Многие отечественные исследователи отмечали, что такие недостатки предварительного расследования, осуществлявшегося полицией, имели очевидный и массовый характер.

В частности, Н. Н. Розин справедливо констатировал печальное положение отечественного правосудия, которое также подтверждает множество примеров из литературы и иных официальных источников [8, с. 36].

В связи с вышеизложенным отметим, что в начале XIX столетия проблема реформирования уголовного судопроизводства все чаще становилась предметом обсуждения на высоком государственном уровне.

Самым известным разработчиком зарождавшегося института судебного следователя считается Н. И. Стояновский, который рассматривал данный вопрос с точки зрения фундаментальных научных и теоретических воззрений о направлениях развития уголовного судопроизводства, необходимости установления действенного (в том числе судебного) контроля за предварительным следствием и так далее. В 1859 году им был разработан документ под названием «Учреждение следственных приставов» [11, с. 27], в основу которого легло теоретическое положение о том, что предварительное следствие должно входить в сферу судебной власти и выступать ее составной частью. Полиция при этом проводила первоначальное дознание по происшествиям и устанавливала факт преступления, обнаруживала и фиксировала доказательства, а также занималась розыском подозреваемых. В свою очередь, следователь осуществлял официальное производство, которое состояло в собира-

нии, проверке и оценке доказательств, а также предварительно решал вопрос о виновности лиц, совершивших преступление. В результате Н. И. Стояновский сделал вывод о том, что следственный аппарат должен входить в состав судебного ведомства, а обязанность осуществлять процессуальный контроль за предварительным следствием необходимо передать суду.

В итоге в 1860 году Н. И. Стояновский разработал законопроект «Учреждение следственных судей», содержание которого было переложено в указ императора от 8 июня 1860 года «Учреждение судебных следователей» [11, с. 27].

В соответствии с данным указом институт следователей перешел в ведение судебного ведомства. Примечательно, что в лице судебного следователя были сосредоточены функции как обвинителя, так и защитника. Однако он не давал ответа на главный вопрос, по которому производилось предварительное следствие, то есть на вопрос о виновности, так как это было и остается прерогативой суда [5, с. 233]. При этом необходимо особо отметить, что вновь учрежденные судебные следователи также являлись членами судов.

Переняв отдельные законодательные новеллы Французского кодекса уголовного расследования 1808 года, Россия стала придерживаться смешанной формы уголовного судопроизводства, которая представляла собой в большей части разыскное предварительное расследование и дополнялась состязательным видом судебного разбирательства.

В целях уяснения сути смешанного типа уголовного процесса следует указать на то, что достижение истины находилось в руках судьи, в связи с чем основное различие между состязательной и смешанной формой процесса заключалось в досудебном производстве. Состязательный уголовный процесс возлагал функцию расследования на органы исполнительной власти, в первую очередь на полицию. Смешанный уголовный процесс предусматривал осуществление предварительного расследования представителем судебной власти, где главным действующим лицом являлся судебный следователь.

Кроме производства расследования, судебные следователи пользовались, как и другие члены суда, правом участвовать в отправлении правосудия. При этом логично, что исключением были только те дела, по которым они

лично осуществляли досудебное расследование. Независимость судебных следователей выражалась, прежде всего, в том, что они подчинялись исключительно суду. Необходимо отметить, что законодатель вменил им высшую степень самостоятельности, о чем свидетельствует тот факт, что все государственные органы, должностные и частные лица обязаны были неукоснительно исполнять требования следователя. Деятельность судебных следователей контролировал исключительно суд. Весомым аргументом, говорящем об их солидном статусе, является факт их несменяемости, что гарантировало им наивысшую степень независимости.

Согласно указу императора от 8 июня 1860 года «Учреждение судебных следователей» роль полиции в производстве предварительного расследования не была полностью нивелирована. Она осуществляла производство дознания, то есть проводила первоначальные мероприятия по раскрытию уголовно наказуемых деяний, задержанию подозреваемых, обнаружению улик. После чего все собранные материалы передавались судебному следователю.

Судебная реформа 1864 года почти не затронула институт судебного следователя, так как ее идеологи удостоверили правомерный характер деятельности судебных следователей именно в сфере судебного сообщества. Кроме того, согласно судебным уставам 1864 года судебные следователи назначались на должность и отстранялись императором (наравне со всеми остальными членами суда).

Комментируя окончание предварительного следствия, С. В. Познышев посвятил отдельный параграф именно «заключению следствия» [7]. Основные положения данного параграфа можно изложить в следующих концептуальных тезисах.

Окончание следствия могло иметь место при следующих условиях: во-первых, когда в соответствии со ст. 476 УУС сам следователь признавал предварительное следствие завершенным; во-вторых, это было возможным лишь по тем делам, в которых имеются обвиняемые.

Признав следствие оконченным, следователь был обязан объявить об этом обвиняемому, предъявить последнему следственное производство, если он будет об этом ходатайство-

вать, и узнать, может ли он предоставить еще какие-нибудь доказательства в подтверждение своей невиновности.

В случаях, когда по окончании следствия проводились новые следственные действия, следователь должен был вновь повторить процедуру его окончания.

После проверки указанных обвиняемым новых обстоятельств и предъявления ему материалов следствия следователь сообщал всем заинтересованным лицам об окончании своей деятельности и направлял материалы прокурору (ст. 478 УУС).

Таким образом, процессуальный порядок окончания предварительного следствия концептуально не изменился (естественно, за исключением ряда особенностей, обусловленных дифференциацией форм предварительного расследования).

Получив материалы предварительного следствия, прокурор в недельный срок был обязан их рассмотреть и разрешить следующее:

- 1) обладал ли он полномочиями принимать решения по данному делу;
- 2) правильно ли и полно было проведено предварительное следствие;
- 3) какова должна быть дальнейшая судьба уголовного дела (ст. 510, 517 УУС).

Если прокурор устанавливал, что следствие произведено в полном объеме, то *составлялся обвинительный акт* (выделено нами. – А. Э.)*.

В обвинительном акте отражались: событие и признаки преступного деяния; время и место его совершения; данные об обвиняемом; квалификация совершенного преступления; содержание доказательств, свидетельствующих о виновности лица (ст. 520 УУС).

Относительно доказательств и улик уже тогда возникал закономерный вопрос о том, должны ли быть в обвинительном акте указаны факты, говорящие о доказательстве вины обвиняемого, так и его непричастности к преступлению. Здесь мы разделяем позицию В. Случевского, который обоснованно полагал, что в обвинительном акте следовало бы выработать целостную картину совершенного деяния, в связи с чем в нем необходимо приводить доказательства со сторон не только обвинения, но и защиты, если это требовалось

для наиболее полного освещения противоречий между сторонами [10, с. 537].

Значение обвинительного акта было трудно переоценить для соблюдения прав многих участников уголовного судопроизводства. Так, обвиняемый именно из данного документа мог узнать о содержании доказательств стороны обвинения. В то же время обвинитель в нем предопределял конкретные пределы, дальше которых он не мог формулировать свои требования при рассмотрении дела по существу в судебном заседании. В итоге и для суда обвинительный акт давал полноценные основания при определении пределов судебного следствия и заключительных прений.

Анализируя сущность и содержание обвинительного акта, следует отметить, что ему отводилась особая роль в подведении итогов предварительного расследования. Можно сделать вывод о том, что положения УУС, делегировавшего полномочия по составлению обвинительного заключения прокурору, имеют право на поддержку. Обосновать нашу позицию можно тем, что именно прокурор выступает обвинителем в суде от имени государства, поэтому он должен иметь возможность детально и всестороннее изучить материалы уголовного дела и доказательственную базу, что и обуславливает целесообразность изложения всей информации в едином процессуальном документе, свидетельствующем об окончании стадии предварительного расследования.

Следующим событием, повлиявшим на процесс реформирования института окончания предварительного следствия, стала Октябрьская революция 1917 года, которая «лихо» в пору реалий того времени расправилась с институтом судебных следователей. Не секрет, что в период становления советской власти и революционных преобразований, происходивших с 1917 по 1924 год, расследованием преступлений занимались разные ведомства и службы. В частности, осуществление предварительного расследования возлагалось на следственные комиссии, местных судей, а также революционные трибуналы, состоящие из трех выборных членов. При этом формирование органов внутренних

* Здесь мы видим существенное отличие процедур составления заключительного документа – обвинительного заключения (УПК РФ) от обвинительного акта (УУС).

дел включало в себя и введение должностей следователей (в аппаратах уголовного розыска были учреждены должности следователей, которые осуществляли предварительное расследование) [12, с. 56].

В декабре 1917 года была утверждена Инструкция Революционному трибуналу, в которой предписывалось учредить следственные комиссии для производства предварительного расследования. Примечательно, что процессуальная сущность их деятельности не регламентировалась в принципе (исключения составляли лишь решения об аресте, обыске, освобождении задержанных). Решение следственной комиссии приобретало истинную юридическую силу после его утверждения тремя членами комиссии. Однако в неотложных случаях меры пресечения могли применяться и каждым отдельным лицом, входящим в состав следственной комиссии, а затем это решение в течение 12 часов должно было быть утверждено всеми членами комиссии [2, с. 142].

В 1923 году был разработан и введен в действие УПК РСФСР. В нем закреплялся новый процессуальный статус следователя: следователи получили право осуществлять предварительное следствие либо производить отдельные следственные действия в случаях, когда они признают поступивший к ним из дознания материал достаточно полным (ст. 109).

Как следствие, оперативно-разыскная деятельность и предварительное следствие взаимно дополняли друга в ущерб объективности и достоверности полученных результатов, так как проводились одними и теми же должностными лицами. При этом методы и приемы следственной деятельности часто подменялись оперативно-разыскными элементами, что негативно отражалось на полноте, всесторонности и объективности собранной доказательственной базы.

Литература

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 4-е изд. Киев, 1905.
2. Григорьев В. Н., Дамерт А. А., Сергеев А. Б. и другие. Дознание в органах внутренних дел: учебное пособие. Челябинск, 2004.
3. Дмитриев В. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопро-

С принятием Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года производство предварительного следствия по уголовным делам было возложено на следователей прокуратуры и органов госбезопасности (ст. 28). В результате следственный аппарат органов внутренних дел был упразднен как структура.

Данные положения нашли свое развитие и эволюционировали в последующих уголовно-процессуальных законах, что позволило в настоящее время рассматривать следователя как участника уголовного судопроизводства, осуществляющего предварительное следствие в интересах соблюдения закона и от имени государства.

В завершение отметим, что обвинительное заключение как документ, подводящий итог расследованию, стало использоваться во время действия Устава уголовного судопроизводства, принятого 20 ноября 1864 года. При этом обвинительный акт, предусмотренный указанным уставом, носил обвинительный характер (хотя высказывались идеи включать туда также доказательства защиты) и составлялся прокурором. С принятием УПК РСФСР 1923 года институт судебных следователей прекратил свое существование, а действующий УПК перестал соответствовать требованиям гуманизма, справедливости и объективности. С момента принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 года началось становление института современного следователя и уголовного процесса «дореволюционного» образца, направленного на соблюдение законности при производстве по уголовному делу. Именно следователь по итогам производства предварительного расследования был наделен полномочиями оценивать собранные и проверенные доказательства, составить обвинительное заключение и направить уголовное дело прокурору для принятия решения о дальнейшем направлении дела в суд.

Bibliography

1. Vladimirovsky-Budanov M. F. Review of history of the Russian right. 4 prod. Kiev, 1905.
2. Grigoriev V. N., Damert A. A., Sergeev A. B., et. Inquiry in law-enforcement bodies: education guidance. Chelyabinsk, 2004.
3. Dmitriyev V. History of judicial instances and civil appeal legal proceedings from the code

изводства от судебногоника до учреждения о губерниях. М., 1859.

4. Загостский Н. П. Уголовное право: очерк истории смертной казни в России // Известия и ученые записки Казанского университета. 1892. № 1.

5. Хрестоматия по уголовному процессу России: учебное пособие/ автор-сост. Э. Ф. Куцова. М., 1999.

6. Ланге Н. И. Древнерусское уголовное судопроизводство XIV, XV, XVI и пол. XVII века. СПб., 1884.

7. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.

8. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство // Хрестоматия по уголовному процессу России. М., 1999.

9. Российское законодательство X–XX веков. Судебная реформа. М., 1991. Т. 8.

10. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство. СПб., 1891.

11. Стояновский Н. И. Отдел рукописей. Российская государственная библиотека. Ф. 290. К. 196.

12. Тишковец Е. И. Следователь как субъект уголовного преследования. Воронеж, 2004.

13. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х т. СПб., 1996. Т. II.

14. Чельцов-Бebutov М. А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995.

of laws before establishment about provinces. Moscow, 1859.

4. Zagostsky N. P. Penal law: a sketch of history of capital punishment in Russia// News and scientific notes of the Kazan University. 1892. № 1.

5. Anthology of criminal procedure of Russia: education guidance / author-originator E. F. Kutsova. Moscow, 1999.

6. Lange N. I. Old Russian criminal trial of XIV, XV, XVI and floor. The 17th centuries 1884. Moscow, 1913.

7. Poznyshev S. V. Elementary textbook of the Russian criminal procedure. Moscow, 1913.

8. Rozin N. N. Criminal trial // Anthology on criminal procedure of Russia. Moscow, 1999.

9. Russian legislation of the 10-20th centuries. Judicial reform. Moscow, 1991. Vol. 8.

10. Sluchevsky V. K. Textbook of the Russian criminal procedure. Judicial system. St. Petersburg, 1891.

11. Stoyanovsky N. I. Manuscript department. Russian state library. Vol. 290. To. 196.

12. Tishkovets E. I. Investigator as subject of criminal prosecution. Voronezh, 2004.

13. Foynitsky I. Ya. Course of criminal trial: in 2 vols. St. Petersburg, 1996. Vol. II.

14. Cheltsov-Bebutov M. A. Course of the criminal procedure right. St. Petersburg, 1995.

**Бурлуцкий Андрей Николаевич
Burlutsky Andrew Nicolaevich**

доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии
кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Rostov branch of the Russian Customs Academy,
PhD in Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8 (928) 602-17-09.

**Келеберда Нина Григорьевна
Keleberda Nina Grigorevna**

доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии
кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Rostov branch of the Russian Customs Academy,
PhD in Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8 (928) 115-16-98.

**Левин Владимир Михайлович
Levin Vladimir Michailovich**

доцент кафедры гуманитарных дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии
кандидат философских наук, доцент.

Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Rostov Branch of the Russian Customs Academy,
PhD in Philosophy, Associate Professor.
Тел.: 8 (928) 904-92-66.

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО СУЩНОСТЬ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ М. ШЕЛЕРА**

Man and his essence in M. Scheler's phenomenological conception

Статья посвящена проблеме человека в контексте поиска онтологического и экзистенциального смысла. Проанализировав феноменологическую концепцию М. Шелера, основоположника философской антропологии, авторы приходят к выводу, что феноменология в трактовке философа предстает в качестве способа найти точку соприкосновения человека с Богом, путь духовного возрождения. По мысли авторов, феноменологический подход играет важную роль в реанимации этической сферы как необходимого условия дальнейшего прогресса человечества.

Ключевые слова: философия, феноменология, философская антропология, сущность человека.

This article is devoted to a problem of the person in the context of search of ontological and existential sense. Having analysed the phenomenological concept of M. Scheler – a founder of philosophical anthropology, authors come to a conclusion that the phenomenology in an interpretation of the philosopher appears as a way to find a common ground of the person good luck, a way of spiritual revival. According to authors, phenomenological approach plays an important role in resuscitation of the ethical sphere as necessary condition of further progress of mankind.

Keywords: philosophy, phenomenology, philosophical anthropology, essence of the person.

Макс Шелер, ученик и последователь Гуссерля, является основоположником философской антропологии, которая преемственно впитала в себя некоторые идеи и методологические приемы феноменологии (интенциональность, фундирование, интуицию, редукцию, априоризм и другие). С феноменологией Шелера (его считали феноменологом номер два после Гуссерля) связывают, прежде всего, недоверие к аб-

страктным конструкциям строго рационального подхода в философии и дар интуитивного постижения сущности человека и феноменов окружающего его мира. Феноменологическое наследие ученого помогает по-новому взглянуть на мировую культуру «...как единый поток движения человечества к своему “Абсолютному центру”, к познанию самого себя, своей сущности, своего “сердца”» [1, с. 127].

Феноменологические идеи Шелера нашли свое отражение в таких работах, как «Положение человека в космосе», «Феноменология и теория познания», «К феноменологии и теории симпатии и о любви и ненависти», «Любовь и познание», «Ordo amoris» и других.

Важно отметить, что работа «Феноменология и теория познания» является одним из основных текстов, в которых Шелер формулирует свою концепцию феноменологии. В ней ученый осуществил свой авторский «поворот от факта науки к миру жизни», то есть актуализировал феноменологию и поднял ее изыскания на принципиальный философско-познавательный уровень.

Феноменология, указывает Шелер, дает возможность найти в себе точку соприкосновения человека с Богом, человека с миром и воспринять его сущностную структуру. Шелер видит смысл феноменологического подхода в реанимации этической сферы (в духе христианского учения Августина Блаженного) как необходимого условия дальнейшего прогресса человечества. Феноменология в этом контексте, обладающая интуитивно-созерцательной методологией познания трансцендентной сферы, является незаменимой философской базой. Она понимается Шелером в качестве философской дисциплины, направленной на раскрытие практических возможностей иррационального способа философствования, в центр которого выдвигается проблематика ценностного мира человека.

В феноменологической аксиологии Шелера ценности представляются как объективные качественные феномены, предписывающие человеку нормы должностования, правила жизнедеятельности и образующие особую сферу трансцендентных неэмпирических сущностей, находящихся вне пространственно-временной реальности. «Ценность, по Шелеру, – это феномен, самообнаруживающийся в акте эмоциональной интуиции, феномен, которого нет вне направленности на него сознания. Философ решительно отвергает взгляд, будто ценность – это только общее понятие, значение или смысл. Напротив, ценность всегда дана в эмоциональном созерцании, ее невозможно вывести путем абстрагирования из общих свойств предметов и явлений и выразить в формах логического мышления» [2, с. 380].

Для самого Шелера феноменология – это не название какой-то новой науки и не другое наименование философии, но название такой установки духовного созерцания, в которой удаст-

ся усмотреть или ухватить в переживании нечто такое, что остается скрытым вне ее, то есть некую область «фактов» особого вида. «Я говорю “установка” – а не метод. Метод – это заданная какой-то целью мысленная процедура обработки фактов, например, индукция, дедукция. Здесь же речь идет, во-первых, о самих фактах нового типа, которые предшествуют всякой логической фиксации, а во-вторых, – о процедуре созерцания. Цели же, для достижения которых используется эта установка, задает мировая философская проблематика, в том виде, как она была сформулирована в основных чертах в ходе идущей на протяжении тысячелетий работы философии; хотя это и не значит, что как раз благодаря применению этой установки не может быть достигнута и многообразно изменена более точная формулировка этих проблем» [3, с. 198]. Под методом вообще Шелер понимает то, что используется в естествознании в процессе экспериментального обнаружения естественно-научных фактов, а под естественной установкой – то, что наблюдается и описывается как психические или физические факты.

Шелер отличает феноменологическую установку от установки естественно-научного наблюдения. В феноменологической установке пережитое и усмотренное дается только в самом акте переживания и усмотрения (оно является только в нем). «Дело не обстоит так, что оно (пережитое и усмотренное) присутствует здесь и может быть наблюдаемо – таким образом, что выделяется то одна, то другая черта вещи без изменения самой вещи. При этом безразлично, как нечто усматривается: усмотрение может быть осуществлено и с помощью эксперимента. Но в таком случае эксперимент не имеет индуктивного смысла. Тогда он представляет собой то же самое, что и так называемый “наглядный эксперимент” математиков, с помощью которого они удостоверяются в возможности какого-либо заранее определенного понятия» [3, с. 198–199]. Феноменологическая установка обуславливает непосредственный, происходящий в переживании «контакт с самим миром». Причем переживаемые и усматриваемые предметы воспринимаются так, как они непосредственно представляют себя в актах переживания, как они «сами присутствуют» в нем.

Феноменологическая установка и акты переживания в рамках познания бытия мира даны в самом предмете переживания. Феноменология всегда стремится к познанию трансцендентных источников, в которых раскрывает себя

содержание мира. Феноменологическая рефлексия есть путь соприкосновения переживания и предмета в мире, которое касается всего, на что направлено познание (факты физического и психического мира, Бог и т. п.). Феноменология открывает сущность того, что переживается и усматривается, и того, что изначально присутствует в предмете. Критерий феноменологического анализа заключается в соприкосновении с предметами, которое на уровне иррационального опыта открывает их смысл.

Развивая феноменологические идеи Гуссерля, Шелер все же отходит от классической феноменологии, поскольку стремится соединить феноменологическое наследие с религиозной философской традицией. Этически ориентированную феноменологию Шелера иногда называют «феноменологией чувств». В интенциональных актах религиозных верований философ видит процессы конституирования субъектом своей собственной сферы, наполненной ментальным и эмоциональным содержанием. Шелер заменяет идею формального наличия трансцендентального бытия Я на конкретную идею Бога (Бог как «бесконечная и совершенная личность») как коррелята существования индивида. Человек для Шелера – это, прежде всего, сущностная субстанция, которая через тело реализует духовные ценности, то есть открывает в себе и для себя Бога.

Предметом феноменологического познания у Шелера выступают абсолютные сущности, которые представляют собой элементы «базовых явлений» (подобно идеям Платона) и зафиксированы в человеческих ценностях. «В конечном счете феноменология сущностей Шелера – это феноменология ценностей, феноменологическая редукция, и феноменология сущностей только тогда имеет смысл, когда они служат увеличению нашего знания о мире и человеке и выявляют истинность наших ценностных позиций» [4, с. 34]. Феноменология сущностей стремится обосновать смысл ценностей человеческого бытия, которые имплицитно присутствуют в контексте реализации феноменологических редукций.

Шелер указывает, что феноменологическая редукция возможна только тогда, когда учитывается «верх» и «низ» человека, то есть анализируются все сферы человеческого бытия. Целью такой редукции выступает очищение сознания от обыденности до уровня созерцания и переживания «чистых фактов» или высших, абсолютных сущностей, каковой, напри-

мер, выступает Бог. «То, что можно показать и усмотреть после тщательного осуществления феноменологической редукции, то невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть в каком-либо эмпирическом исследовании: наблюдении, описании, индукции, дедукции или исследовании причин (в области реального); напротив, все эмпирические фиксации должны принимать его во внимание» [3, с. 203]. Таким образом, Шелер через феноменологическую редукцию обращается к трансцендентному, в котором истинное человеческое бытие коррелирует с божественной сферой.

Феноменология Шелера, в отличие от феноменологии Гуссерля («новая философия как строгая наука»), не претендует на строгость в исследовании. Для Шелера феноменология – это новое средство, используемое в решении извечных философских проблем. Это точка соприкосновения с человеком, проявляющим себя в эмоциональной сфере. Чувства индивида, как полагает Шелер, есть основа феноменологической аксиологии, поскольку интенциональные акты на эмоции человека (например, любовь и ненависть и т. п.) обнаруживают объективное ценностное содержание. Другими словами, ценности суть интенциональное содержание эмоциональных актов, независимое от целей человеческого поведения. Интенция в данном случае понимается как прорыв одного «сердца к другому», выход навстречу друг другу человека и мира, человека и Бога.

В феноменологической концепции Шелера ценности представляются как абсолютные сущности с априорными характеристиками, которые открывают свой смысл в феноменологическом созерцании. Они выступают необходимой базой феноменологического наблюдения (созерцания) и восприятия (переживания), поскольку представляют собой интенциональный предмет созерцания. Постигание смысла этих сущностей носит открытый характер и никогда не может быть окончательным в силу их абсолютности. Для Шелера абсолютные сущности, или ценности, имеют свою иерархию, наиболее значимое место в которой занимает *любовь*.

Следует отметить, что в феноменологии Шелера концепция априорности абсолютных сущностей рассматривается с точки зрения аксиологии. Для Шелера *a priori* – явление материальное (в отличие от формального *a priori* Канта), то есть непосредственно выраженное в силу усмотрения сущности в феноменологическом созерцании. Шелер считает, что мате-

риальное (данное в восприятии) а priori может быть основано на усмотрении одной личности (проблема интерсубъективности). Такое а priori есть изначально данный смысл содержания феноменов, который основывается на «фактах» эмоционального созерцания. По мысли философа, к материальному а priori относятся только те факты, которые даны нам в эйдетической интуиции. Феноменологическое свойство а priori присуще только абсолютным сущностям.

Материальное а priori, по Шелеру, невозможно вывести логическим путем, поскольку оно лежит вне компетенции рациональных исследований и может проявлять (фиксировать) себя только в интуитивном созерцании. «Здесь вообще отказывает аппарат интеллекта, ибо материальное а priori есть вещная, предметная структура, которая проявляется в широких областях опыта и которой соответствуют только определенные акты и функциональные соотношения. Таким образом, для объяснения структуры материального а priori Шелер привлекает один из высших принципов феноменологии – гуссерлевский закон о соответствии акта предмету» [2, с. 382].

Феноменологический априоризм Шелера основывается на порядке фундирования, в соответствии с которым феномены как содержание непосредственного переживания становятся данными. Феноменологический априоризм имеет свою основу «...не в каком-то “рассудке”, но в их (феноменов) сущности, (он) делает возможным то, что, например, все предложения, относящиеся к “пространственности”, имеют силу и для тел, все предложения, имеющие силу для ценностей, имеют силу и для благ и действий, несущих в себе эти ценности. То есть все, что значимо для (самоданной) сущности предметов (и для связей сущностей), а priori значимо и для предметов этой сущности». Априоризм Шелера – это обнаружение истинных смыслов предметов окружающего мира, данных человеку вследствие интенционального переживания и созерцания.

Шелеровское а priori делает возможным непосредственное видение сущности предмета. Оно не связано с ассоциативной деятельностью естественно-научно ориентированного познающего субъекта и не может быть рационально и логически выведено. Феноменология человеческого духа, направленного на а priori, есть опосредование (материализация в понимании Шелера) в определенном порядке данных фактов окружающего бытия, прежде всего

трансцендентного характера. Такое а priori лежит в основе феноменологического опыта, который через интуитивное видение представляет смысл проявленных феноменов, открывающих истинное предназначение человеческого существования, поскольку предоставляют абсолютные знание и ценности.

В рамках феноменологии Шелер создал «...особое направление – прикладную феноменологию, в которой феноменологический подход применяется к анализу ценностных (главным образом этических) феноменов и феноменов религиозного сознания под специфическим углом зрения – в аспекте их освоения человеком, приобщения к ним и превращения их в “факты” человеческого внутреннего мира» [5, с. 119]. Ученый пытается обосновать познавательную роль интуиции, без которой невозможен анализ эмоционального внутреннего мира человека. Проникновение в сущность человека, по мнению Шелера, возможно только посредством контролируемой интуиции, которая учитывает его «душу» и «сердце», его ценностные ориентации. Феноменологический метод – это, прежде всего, метод понимания, основанный на интуитивном видении.

В контексте феноменологии Шелера разум противопоставляется эмоциям как сфере внутреннего для человека плана, в которой он находит истинное предназначение своего существования. Сфера эмоций – это, прежде всего, сфера ценностей, не конституируемая трансцендентальным, или чистым, сознанием, а представляющая собой откровения Бога, в которой ценности структурированы согласно строгой иерархии. Высшее место в этой иерархии занимает любовь, интенциональный характер которой обуславливает этические мысли и волевые акты. Ценности, имеющие сверхъестественную (трансцендентальную) природу, даны человеку благодаря эмоциональным действиям. Эмоциональные процессы и состояния как интенциональные акты обнаруживают свой смысл непосредственно через созерцания и переживания.

В эмоциональном переживании, носящем абсолютный, космический характер, человек непосредственно чувствует сам предмет. «Это “принимательное чувство” чего-либо (например, ценностей) Шелер называет “классом интенциональных функций”. Такие функции не требуют опосредования через “объективирующие акты” представлений и суждений, и, таким образом, интенциональные акты отличаются от чувственных состояний» [2, с. 390].

Именно в процессе интенционального чувствования человеку открываются предметы мира с их ценностной стороны.

Шелер указывает, что источником эмоциональных действий является *сердце*, поскольку оно соединяет человека с трансцендентными ценностями и Богом, «...ведь спланируемая в сердце духовная энергия человека находит свое воплощение в эмоциональных актах, которые возможны только исходя из этой связи. Таким образом, сердце и идущие из него эмоции перестают рассматриваться как психические состояния, а предстают во всем величии своей космической и трансцендентной фундаментальности» [6]. Рассмотрение человека как существа любящего (наделенного сердцем – связующим звеном с Богом) обусловило формирование специфических черт феноменологии Шелера, в которой «меньше говорят, больше молчат и больше видят, видят и те миры, которые, возможно, вообще не выразимы». Осознание взаимосвязи человека и Бога, обнаруживающей себя в любви, осуществляется в акте чистого усмотрения сущностей данного мира, в порыве в трансцендентное или феноменологическом опыте.

Феноменологический смысл существования человека заключается в реализации феноменологического опыта, который имеет два характерных признака. Во-первых, только через феноменологический опыт возможно непосред-

венное усмотрение смыслов «фактов» мира самих по себе, без каких-либо (в том числе и социокультурных) общепризнанных привязок. Именно в феноменологическом опыте вся совокупность таких привязок находит свое окончательное очищение, так как они онтологически возможны только в рамках чистых сущностей. Фиксация их в символах представляет факт чистого созерцания. Во-вторых, феноменологическому опыту принадлежит только то, что являет себя в соответствующем интенциональном акте как данное усмотрение в созерцании и переживании. «В нем нет ничего, что предполагалось или полагалось бы извне, его суть как раз и состоит в совпадении полагаемого и являющегося, совпадении, обнаруживающем содержание феноменологического опыта, в котором, в свою очередь, и предстает раскрывающий себя феномен. Поэтому ценности являющиеся здесь не в своей относительной, а в своей абсолютной значимости – ведь человек, микрокосм, имеющий с ними изначальную связь в сердце своем, сделал все от себя зависящее, так сказать, подготовил себя благодаря феноменологической редукции» [6] к взаимосвязи с Богом посредством любви. В феноменологическом опыте непосредственно проявляются «факты» и обнаруживается содержание феноменологического опыта, то есть «дается» сам феномен.

Литература

1. Черная Л. А. «Новая философская антропология» Макса Шелера и история культуры // Вопросы философии. 1999. № 7.
2. Чухина Л. А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
3. Шелер М. Феноменология и теория познания. Феноменологическая установка // Избранные произведения. М., 1994.
4. Бюль В. Феноменологическая редукция, функциональное понимание и интуиция сущностей: измерения и принципы понимающей социологии в работах Макса Шелера // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 11: Социология. 1994. № 1.
5. Чухина Л. А. Человек и его ценностный мир в религиозной философии. Рига, 1991.
6. Дорофеев Д. Ю. Феноменология М. Шелера. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/sheler/sheler_i3.htm.

Bibliography

1. Chernaya L. A. «New philosophical anthropology» of Max Sheler and cultural history // Philosophy questions. 1999. № 7.
2. Chukhina L. A. Man and his valuable world in phenomenological philosophy of Max Sheler // Sheler M. Chosen works. Moscow, 1994.
3. Sheler M. Phenomenology and theory of knowledge. Phenomenological installation // Chosen works. Moscow, 1994.
4. Byul V. Phenomenological reduction, functional understanding and intuition of entities: measurements and the principles of the understanding sociology in Max Sheler's works // Social and the humanities. Domestic and foreign literature: abstract magazine. Series 11: Sociology. 1994. № 1.
5. Chukhina L. A. Man and his valuable world in religious philosophy. Riga, 1991.
6. Dorofeyev D. Yu. Sheler's phenomenology. URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/sheler/sheler_i3.htm.

Поликарпов Денис Игоревич
Polikarpov Denis Igorevich

преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России.

Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation.
Тел.: 8 (900) 131-10-30.

**ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ТЕХНОСФЕРЕ:
ОПЫТ «ПРИРАЩЕНИЯ» ИЛИ «ОПУСТОШЕНИЯ»?**

**Personal identity of man in the technosphere: the experience of the «increase»
or «devastation»?**

В статье проводится анализ проблемы личностной идентичности в техносфере в контексте выявления онтологического смысла опыта ее «приращения»-«опустошения». Делается вывод о том, что личностная идентичность в техносфере не может быть сведена к опыту «приращения» либо «опустошения», поскольку связана с разными, хотя и пересекающимися, онтологическими измерениями. Обосновывается необходимость формирования нового типа гуманитарного мышления, разрастающегося за пределы анализа инструментального значения наличных объектов техносферы за счет формирования философии возможного.

Ключевые слова: техносфера, проблема личностной идентичности, самотрансценденция, кеносис, «приращение», «опустошение», философия возможного.

The article deals with the problem of personal identity in the technosphere in the context of revealing the ontological meaning of experience in its «increment»-«devastation». The author comes to the conclusion that personal identity in the technosphere cannot be reduced neither to the experience of «increment» or to the experience of «desolation», since it deals with different, although overlapping ontological dimensions. Requires the formation of a new type of humanitarian thinking, expanding beyond the analysis of the instrumental value of cash technosphere objects due to the formation of philosophy is possible.

Keywords: technosphere, the problem of personal identity, semitransparency, kenosis, «increment», «devastation», philosophy is possible.

На протяжении последних десятилетий в философском сообществе активно обсуждается проблема личностной идентичности в контексте нового творческого опыта человека в техносфере. Фактически происходит переосмысление сложившихся в XX веке традиционных подходов к философской антропологии и философии техники, введение и обоснование новых понятий и даже целых областей исследований.

Одни ученые предпочитают акцентировать внимание на оптимистических сценариях настоящего и будущего человеческой субъективности в техносфере, связанных с новыми возможностями творческой объективации личности, с «приращением» самости благодаря современным техническим средствам (Р. Клаус) [1, с. 211], обретением нового опыта раскованности и свободы благодаря «реинструментализации “отчужденной” техники» (Ф. Г. Юнгер) [2, с. 82], нахождением новых «мобильных» способов идентификации личности в культуре (Г. Л. Тульчинский)

[3, с. 149]. Другие обнаруживают в утверждении технического «совершенства» человеческого существования некоторую утрату им духовно-творческой полноты бытия, во всяком случае известную противоречивость творчества духа – его объективацию в творчестве (М. Хайдеггер, Н. А. Бердяев и другие), усматривают опасность утраты сознания самоидентичности при технологическом изменении человеческой природы, даже в пределе «деантропологизации» (П. С. Гуревич) [4, с. 19]. Явная или неявная актуализация экзистенциально-антропологической проблематики, свойственной русской религиозной философии первой половины прошлого столетия с ее очевидными пессимистическими оценками (Н. А. Бердяев, О. П. Флоренский и другие), и сегодня остается одним из векторов творческих усилий исследователей.

Однако и пессимистический сценарий настоящего и будущего «человеческого» не отменяет того факта, что современный техниче-

ский мир представляет собой для человека «потенциосферу» (М. Н. Эшптейн) [5, с. 22], возможность превосходения им самого себя, пусть, по-видимому, уже и в постгуманистической культуре.

Следует отметить, что проблема личностной идентичности связана с сознанием, свободой, ценностными ориентирами человека, с пониманием его природы в контексте определенных мировоззренческих установок.

Новая акцентуация постановки проблемы обусловлена значительным разрастанием «оцифрованного» технического мира и сопряженных с ним виртуальных контекстов культуры в ее постмодернистском «статусе», в первую очередь статусом творчества человека и его «личных кодов» по отношению к созданной им техносфере. В итоге усиливается смысловое напряжение проблемы личностной идентичности, что требует проведения серьезных исследований, центрированных вокруг нового конструктивного понимания антропологии и онтологии, поиска онтологического смысла идентичности в техносфере. В связи с этим наше внимание привлекли изыскания М. Н. Эшптейна, представленные в целом ряде его статей и монографических работ, в которых проблема бытия личности в техносфере ставится и решается им в нетривиальном ключе, получает обоснование в том числе в области религиозной онтологии.

Согласно М. Н. Эшптейну, ситуация творческой объективации и, по сути, отчуждения личности в техническом мире является предсказуемой и заложена в самой ее природе как существа творческого. Творческое начало в человеке он понимает как акт «передачи полномочий» от Бога-Творца в Его кеносисе (при Творении мира и человека, свободно ограничивающего себя в своей мощи) человеку, обладающему творческой свободой. Человек имеет «задание» от Бога благодаря способности к самотрансценденции (перенесению своей сущности в нечто несводимое к биологическому субстрату) – передаче творческого начала от Бога к созданной человеком техносфере, претендующим на суверенность. Здесь можно говорить, например, о передаче способности человека творить роботизированным системам, которые заменяют многие естественные функции человека автоматизированными и претендующими в рекламируемых продуктах культуры массового потребления на название «интеллектуальные». Самотрансцен-

денция представляет собой своего рода эстафету «отчуждения» человека в его творениях (получающих в некотором смысле собственную «жизнь») и даже, по М. Н. Эшптейну, собственного *творческого исчезновения* (по-видимому, благодаря прежде всего ненужности непосредственного личного участия). И такое исчезновение «заложено в кенотической природе самого человека» [6, с. 93].

Таким образом, у М. Н. Эшптейна религиозно-христианская идея кеносиса служит «онтологическим основанием оправдания создаваемой человеком техногенной цивилизации» [7, с. 248]. Подобно популярной в XX веке протестантской «теологии смерти Бога» (Д. Бонхеффер и другие), рассматривавшей духовные последствия «повзросления» человека исходя из фиксации кенотического «ухода» Бога из мирской деятельности человека, М. Н. Эшптейн говорит о перспективах творческого исчезновения человека как о естественном, ожидаемом процессе, порождающем новые возможности для творчества. Фактические же пугающие последствия этого процесса (связанные с утратой «переходящего знамени» творческого акта) не должны, по его мнению, скрывать от нас смысл происходящего кенотического акта.

Однако, как отмечает В. Б. Рожковский, аналогия М. Н. Эшптейна между творческим кеносисом Бога и творческим «кеносисом человека» остается сомнительной, не вполне корректной. В частности, Эшптейн говорит о творческом отчуждении человека как передаче собственной «суверенности» (самости) искусственному разуму, которое способно привести, например, «к возможной автономии и даже “свободе” киборгов» [7, с. 250]. Свобода Бога в Его творчестве не тождественна свободе человека, создающего техносферу: техника не способна обладать ни автономией человеческого разума, ни волей, не может в присутствии ей самостоятельным атрибутом – автоматизме растить приданные человеческой природе смыслы бытия или совершать поступки.

В отношении Бога, если исходить из христианского мировоззрения, нельзя утверждать, что Он в кеносисе по Своей природе утрачивает или переносит качества Своего Личного присутствия, хотя и предоставляет автономию человеческому существу, позволяющую реализовываться творческой свободе человека. В отношении же личности трудно представить, чтобы она в своем онтологическом статусе могла бы быть перенесена в одно из создаваемых человеком

творений в силу того, что самость человека не сводима ни к одному из качеств или отдельных функций его природы, хотя и присваивает их себе. Вряд ли можно доказать тезис о приращении самой природы человеческой личности в каких бы то ни было технических устройствах. Человек онтологически сложнее и глубиннее его сознания. Уже поэтому ни одно из человеческих творений не может выйти на уровень полноценной «замены» онтологии личности.

Тем не менее все это не значит, что технике следует рассматривать только в качестве внешнего феномена, искусственно противостоящего человеческому духу (техносферы, существующей отдельно от скрытого в ней функционального мышления) и в этом смысле создающего иллюзию или подмену работы человеческого духа. Человеку в его творчестве все же дана возможность технического освоения мира и подчинения его собственным сознательным задачам. В этом плане творческая свобода человека свертывается как следование «творческой» судьбе, но не в качестве пассивного материала, а в виде осознающего свои возможности субъекта, властно пользующегося техникой как инструментом.

Техногенная цивилизация укоренена в определенных мировоззренческих установках человека европейской культуры (фактически, по выражению М. Хайдеггера, техника составляет завершенную метафизику), которые начали складываться не сегодня и вобрали в себя целый ряд известных истории факторов и мотивов. М. Н. Эпштейн делает интересное наблюдение о том, что «современная техника есть полнейшее воплощение романтического мироощущения» [5, с. 22], поскольку в ней скрыт «витальный порыв людей навстречу друг другу» [5, с. 22] – в плане развития новых средств коммуникаций, преодоления больших расстояний и т. п. Инструментальное значение этого технического мира как возможности новых контекстов диалога-коммуникации трудно переоценить.

С другой стороны, преодоление благодаря технике физической ограниченности человека не выводит его личность в духовную область, не приращивает ему никакого духовного (гуманистического) содержания. Скорее, можно говорить об обратном процессе овнешнения духовной жизни человека и обезличивания в стандартизированном техническом мире, а вследствие этого – и некоторой утрате духовно-творческой энергии, необходимой для личного творчества. В ходе этого процесса преодоление фи-

зических границ сопровождается постановкой новых преград полнокровному духовному диалогу-общению, автономизацией, особенно в феномене «самозванства» или «самоидентифицированства» (данный термин введен Д. А. Приговым [8, с. 10]) в виртуальном пространстве Интернета. Здесь реальная идентичность подменяется «мобильной» в мире разрастания возможностей личностной самоидентифицированности, которые человек не успевает проживать и осознать, сделать «своими». Например, так называемые «ники» составляют упрощенные «наклейки» некоего субъекта, позволяющие ему избегать духовного напряжения личной ответственности. Если же у личности не остается неизменяющегося основания, каким же образом она может быть самоидентифицированной самой себе в диалоге, когда изменчивость ее сознания во времени не составляет особого смысла идентичности как экзистенциальной потерянности? Бог в христианском понимании находится в состоянии постоянно возобновляемого творческого усилия; в сравнении с этим человеческое творчество не может иметь такого характера и неизбежно во времени дискретно, хотя и есть попытка в доступном мгновении ощутить полноту бытия и достичь бессмертия в собственных творениях.

Человеческая личность, утрачивая духовно-творческую энергию (о чем предупреждали русские религиозные философы и философы-экзистенциалисты еще в первой половине прошлого столетия), становится рабочим инструментом безличных технических коммуникаций. Еще в 30-е годы прошлого столетия Н. А. Бердяев говорил: «Творение восстает против своего творца, более не повинуется ему... Машина хочет, чтобы человек принял ее образ и подобие» [9, с. 12]. М. Н. Эпштейн в духе этой традиции отмечает, что «технические средства, разрастаясь сами из себя, обнаруживают пустоту и бедность того содержания, которое мы передаем с их помощью. Техника вовсе не любовь, а, скорее, пародия на нее, поскольку пародия – это и есть, когда формальные средства превышают содержание» [5, с. 22].

Идентичность – это всегда отождествление себя с некими ценностями. Однако если в традиционном обществе это были довольно устойчивые социальные, религиозные, культурные и другие ценности, то в информационном пространстве Интернета они становятся невостребованными. В. И. Немчина не без основания

утверждает, что «в обществе нового типа начинают доминировать ценности пользы (утилитаризма), удовлетворения (гедонизма), достижения цели (прагматизма)». Для информационного общества характерны «инверсированные, то есть перевернутые ценности» [10, с. 131], и это неслучайно, поскольку освоение традиционных ценностей требует определенного духовно-творческого напряжения человеческого существа-личности. В этом смысле в обществе нового типа востребовано иное устройство человека, в частности, лишённое молчаливой духовной аскезы и сосредоточенное на поспешном желании расширять коммуникацию.

Личностная идентичность в техносфере не может быть сведена к опыту «приращения», либо «опустошения», поскольку связана с разными, хотя и пересекающимися онтологическими измерениями. Проблема заключается в том, что здесь мы сталкиваемся с напряжением до конца неразгаданного противоречия, связанного как с открытым пониманием онтологии личностного бытия, так и с теми «вызо-

вами» новых возможностей идентичности, которые уже неотвратимо входят в пространство культуры и социума, становятся соотносимыми духовно-творческому существу личности и вообще жизненному пространству человека. Фактическое вовлечение в техносферу происходит быстрее, чем рефлексия тающих здесь опасностей для творчества духа. Поэтому требуется формирование нового типа гуманитарного мышления, выходящего за пределы анализа инструментального значения наличных объектов техносферы за счёт философии возможного, «растущей потенциальности» и включающего в собственное рассмотрение «мудрость» техники («технософию») [5, с. 25] как следствие сложной эволюции человека. В противном случае, получая все новые возможности и делаясь тем самым онтологически богаче, человек оказывается неспособным просчитать связанные с ними опасности в отношении развития своего личного духовного мира.

Литература

1. Разев Д. Н. Онтология субъектности в контексте современной философии сознания (обзор конференции) // Вопросы философии. 2016. № 1.
2. Михайловский А. В. Свобода техники? К пониманию техники у Эрнста и Фридриха Юнгеров // Философские науки. 2013. № 7.
3. Тульчинский Г. Л. Способы идентификации личности // Философские науки. 2009. № 11.
4. Гуревич П. С. Феномен деантропологизации человека // Вопросы философии. 2009. № 3.
5. Эпштейн М. Н. Личный код. Индивидулы и универсалии в гуманитарных науках // Философские науки. 2009. № 9.
6. Эпштейн М. Н. Творческое исчезновение человека. Введение в гуманологию // Философские науки. 2009. № 2.
7. Рожковский В. Б. Парадокс идеи умаления человека в православной мысли. Ростов н/Д, 2013.
8. Пригов Д. А. Само-идентификация // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. 2001. № 13.
9. Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники. Путь. 1933. № 38.
10. Немчина В. И. Идентичность индивида в социальных интернет-практиках // Философия права. 2017. № 1.

Bibliography

1. Razeev D. N. The ontology of subjectivity in the context of contemporary philosophy of mind (review conference) // Questions of philosophy. 2016. № 1.
2. Mikhaylovsky A. V. Freedom techniques? To understand technology at Ernst and Friedrich Yungers // Philosophical sciences. 2013. № 7.
3. Tulchinsky G. L. The methods of identification of the personality // Questions of philosophy. 2009. № 11.
4. Gurevich P. S. The phenomenon of deantropological of the person // Questions of philosophy. 2009. № 3.
5. Epstein M. N. A personal code. Individuals and universals in the Humanities // Philosophical sciences. 2009. № 9.
6. Epstein M. N. The creative disappearance of a person. Introduction to humanology // Philosophical sciences. 2009. № 2.
7. Rozhkovsky V. B. Paradox of the idea of belittling the person in Orthodox thought. Rostov-on-Don, 2013.
8. Prigov D. A. Self-identi-zvanstvo // Print Location. Journal of interpretive art. 2001. № 13.
9. Berdyaev N. A. Man and machine. The problem of the sociology and metaphysics of technology. Way. 1933. № 38.
10. Nemchina V. I. Identity of the individual in social practices // Philosophy of law. 2017. № 1.

Нарыков Николай Владимирович
Narykov Nikolai Vladimirovich

профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России
доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.
E-mail: nikkuban@mail.ru

Анистратенко Татьяна Григорьевна
Anistratenko Tatyana Grigorievna

доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета кандидат политических наук.

Assistant Professor, Department of Regional Science and Eurasian Research, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, PhD in Politics.
E-mail: tanis63@list.ru

**ИНТРОВЕРТИВНЫЕ ФОРМЫ
СОЦИАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОЙ РЕФЛЕКСИИ**
Introvertive forms of social and personal reflection

В статье рассматривается внутриличностный интровертивный «селфи-рефлекторный» уровень социально-личностной рефлексивности, выражающийся в форме индивидуально-личностного самомониторинга, самодетерминации, самореференции, саморегуляции и саморефлексии. Отмечается, что саморефлексивность и есть то общее метапонятие, которое формулируется на основе различных конкретных дисциплинарных подходов и характеризуется как суть социальной рефлексивности.

Ключевые слова: социально-личностная рефлексия, самомониторинг, самодетерминация, самореференция, саморегуляция, саморефлексия, коммуникативный механизм, социальная рефлексия, коммуникативная рефлексия.

The article deals with intrapersonal introvertivny «selfie-reflex» level of social and personal reflexivity, is expressed in the following forms: in the form of individual and personal self-monitoring, in the form of self-determination, in the form of self-reference, in the form of self-regulation in the form of self-reflection. Self-reflective and have something in common meta-concept that is formulated on the basis of various specific disciplinary approaches and is described as the essence of social reflexivity.

Keywords: self-monitoring, self-determination, self-reference, self-regulation, self-reflection, communicative mechanism for social reflection, communicative reflection.

Социально-личностная рефлексия представляет собой совокупность различных «селфи-рефлексивных» форм и является многомерной личностной системой, одним из элементов которой выступает рефлексивный самомониторинг. Учитывая, что мониторинг – это непрерывный процесс наблюдения и регистрации состояний и свойств какого-либо объекта, самомониторинг следует понимать как постоянный процесс самонаблюдения и саморегистрации своих собственных состояний и свойств.

Отметим, что впервые понятие «самомониторинг» использовал американский психолог М. Снайдер. Этим термином он обозна-

чил способность индивида демонстрировать такой собственный образ, который является наиболее подходящим для окружающих [1]. Самомониторинг, как нам представляется, выражает способность индивида видеть себя со стороны, оценивать свои действия, регулировать собственное поведение, в зависимости от сложившейся ситуации форматировать свой образ наиболее подходящим способом. Как отмечают в своей коллективной монографии О. И. Матяш, В. М. Погольша и Н. В. Казаринова, чаще всего самомониторинг является конструированием собственного образа в общении [2]. Это означает, что в процессе коммуникации индивид выстраивает свое поведе-

ние таким образом, чтобы иметь возможность непрерывно оценивать себя, контролировать себя, корректировать и форматировать свой собственный образ. Самомониторинг есть коммуникативная рефлексия, которая реализуется как на эмоциональном, так и на рациональном уровнях; он может выражаться как в контроле над собственными эмоциями, так и в выборе и неуклонном следовании некоторой мысленной модели или стратегии. Как способность рефлексивный самомониторинг является частью коммуникативной компетентности. Итак, самомониторинг – это, прежде всего, самоконтроль.

А. В. Никитина полагает, что самомониторинг – это особая форма самоконтроля, связанная с тем, что это самоконтроль говорящего и проявляется он в осмыслении высказываний, их логическом построении, выборе языковых средств, соответствующем эмоциональном окрашивании, форматировании дискурса [3]. Это, следуя М. Снайдеру, современные исследователи называют коммуникативным самоконтролем.

Итак, самомониторинг характеризуется коммуникативным самоконтролем и формирует устойчивое, осмысленное поведение, ориентированное на учет всех обстоятельств сложившейся коммуникативной ситуации, в том числе таких параметров, как пол, профессия, возраст, этническая и религиозная принадлежность партнера по коммуникации, его статус, конкретная социальная роль, а также другие индивидуально-личностные особенности.

Представляется, что перечень данных параметров должен быть расширен и включать в себя приоритетные ценности, конкретные нормы и правила, ролевые ожидания, коммуникативную дистанцию, конкретные цели и задачи общения, тактику коммуникативного контакта и стратегию коммуникативного поведения. Это то, что касается конкретной коммуникативной ситуации и реального коммуникативного контакта. Новые задачи самомониторинга возникают при виртуальном коммуникативном контакте. В этом случае в самомониторинг должны входить все основные параметры, характеризующие специфику виртуальной коммуникации, особенности общения в глобальной информационной сети, онлайн-языковые средства, сетевая принадлеж-

ность акторов информационного взаимодействия и другие.

Самомониторинг как форма социальной рефлексии, как нам представляется, должен также характеризоваться контролем как коммуникативных ресурсов партнера по коммуникации, так и самомониторингом собственных. Ресурсная база коммуникации, включающая в себя резервное знание, дополнительную информацию, коммуникативный проект, прогнозные ресурсы, должна постоянно осмысливаться, оцениваться и контролироваться. Социальная и личностная экспоненты самомониторинга, выступая формами социальной рефлексии, предполагают способность индивида играть сразу несколько социальных ролей (роль коммуникативного актора, аналитика, исследователя, агента действия, наблюдателя и контролера). Объединение всех этих ролей под общим знаменателем субъекта социальной коммуникации дает тот необходимый синтез, который и определяет самомониторинг как важную форму социальной рефлексии.

Кроме того, что на внутриличностном интравертивном «селфи-рефлекторном» уровне социально-личностная рефлексивность является саморегуляцией, но в то же время выступает в виде самореференции. Данное понятие ввел Н. Луман, отмечавший, что самореференция есть отсылка на себя [4]. Это операция, посредством которой Я (внутреннее) отличает себя от Нечто (внешнего). При этом Н. Луман ссылается на Х. Матурану [5] и его разработку, связанную с кодом, который позволяет мозгу отличать сигналы, поступающие из внешней среды, от сигналов, продуцируемых самим мозгом.

Таким образом, самореференция как интравертивная форма рефлексии есть, прежде всего, процедура различения внешних и внутренних сигналов, обеспечивающая единство, устойчивость и автономность системы. Это, как отмечает М. Д. Дерябин, код системы, или аутопейсис [6]. Утопейсические системы, полагает он, – это такие системы, которые порождают не только свои структуры и функции, но и элементы в сети этих элементов. Последние постоянно регенерируют систему процессов и отношений, которыми они производятся. И в этом случае, по словам Н. Лумана, произведенные элементы конституируют систему в целом [4]. Главное качество

утопический системы – ее автономность, которая, в свою очередь, является, как отмечает Н. Луман, главным признаком самоорганизации. Самоорганизация предполагает, что система сама определяет себя и порождает свои структуры посредством собственных процессов и операций. Такой автономной системой Н. Луман называет коммуникацию [4]. Коммуникация одновременно должна сообщать о том, что она есть коммуникация, то есть утопическая система, а значит, в своих внутренних качествах отличает себя от всех внешних [4].

Референция также является своеобразной коммуникацией личности, основанной на самонаблюдении и операциях, с помощью которых тот, кто их производит, отличает себя и от этих операций и их результата, вместе с тем выступая целостной системой. Самореференция – это высказывание о себе и по поводу самого себя, одновременно операция вовне (коммуникативное действие, направленное во внешнюю среду) и операция для себя, во внутрь, поскольку является порождением собственного образа. Самореференция, базирующаяся на равенстве самому себе и формальном принципе типа $A = A$, по существу, содержит в себе опровержение этого принципа, поскольку высказывание вовне и конструирование собственного образа – это не одно и то же, то есть в данном случае $A \neq A$. В этом противоречии и заключается суть самореференции: в задуманном самоотжествлении равенство имманентно сохраняется, в реализованном – с неизбежностью нарушается. Это также истинно в своей противоречивости, как и то, что «слово изреченное отличается от слова задуманного».

Как видно, наличие тождества самому себе, то есть самореференции, имманентно предполагает его отрицание в виде инореференции. Это, на наш взгляд, важное обстоятельство, говорящее о том, что в каждом единстве содержится различие. Без этого человек просто превратился бы в некий автомат, генерирующий высказывания и действия, тождественные ему самому. Указанное различие предполагает возможность заблуждения, иллюзии, ошибки, ложности, что вполне естественно, поскольку никто не отменял знаменитого латинского принципа «*Errare humanum est*» – человеку свойственно ошибаться. Социальная реф-

лексия является важным компонентом личностной саморегуляции. Одним из первых среди отечественных исследователей социально-личностной рефлексии проблему изучения процессов саморегуляции поднял Ю. Н. Куллоткин [7; 9], продолжив ее разработку в том числе вместе с В. П. Бездуховым [8].

Саморегуляция как важнейший рефлексивный механизм, подчеркивает А. С. Шаров, является регулятором, определяющим границы организации и дезорганизации, оценки и самооценки действий личности [10]. Рефлексивная саморегуляция представляет собой многоуровневую и многомерную систему различных рефлексий. Разрабатывая данную проблему, А. В. Карпов квалифицирует рефлексивную саморегуляцию как личностное индивидуальное свойство, проявляющееся в квантификации действий и оценок, диагностике ситуаций и результатов действий [11]. Рефлексивный саморегуляционный механизм, как показывает практика личностного онтогенеза, формируется на вторичной стадии социализации личности. Известно, что если на первичной стадии происходит усвоение социальных норм и ценностей, моделей поведения и вхождение в социум и его культуру, то на вторичной стадии индивид примеряет на себя различные социальные роли, корректирует личностные качества, производит рефлексивную самооценку.

На уровне вторичной социализации имеет место процесс личностного развития, формирования субъективной способности к социальному познанию, осмысления и переосмысления личностью своего места в обществе, оценки окружающего мира, в том числе ответных реакций и действий других людей, самооценки, то есть служит необходимым этапом в формировании социальной субъектности. Самодетерминация как форма социальной рефлексии представляет собой разновидность осмысленной мотивации индивида, причем индивида зрелого, состоявшегося как субъект социальных отношений, и характеризует один из важнейших элементов личностного потенциала.

С точки зрения О. Е. Деркачевой, самодетерминация есть социально-психическая способность иметь возможность выбирать мотивы своих действий [12]. По мнению Е. Ю. Мандриковой, данное понятие является разновид-

ностью саморегуляции [13]. Самодетерминация индивида мыслится из базовых социально-психических потребностей, проявляющихся в процессе выбора и принятия решений. В поведенческих паттернах она автономна и выражается в чувстве личностной аутентичности, в личностной свободе выбора линии поведения. Следует отметить, что, по данным современных исследований, индивиды с высоким уровнем автономии самодетерминации, как правило, являются зрелыми в отношении личного и социального опыта, независимыми в суждениях и оценках, творческими и волевыми. Это означает, что самодетерминация как форма социальной рефлексии есть автономный процесс, в котором личность проявляет и развивает свой творческий потенциал, организует окружающий социальный мир, конструирует и совершенствует его порядок, имплантирует в него новые ценности, цели и идеалы.

Механизм личностной рефлексивной саморегуляции включает в себя следующие рефлексивные компоненты: во-первых, ментальное осмысление разных (а зачастую всех) возможностей реализации задуманного действия, которое мы назовем в рабочем порядке виртуально-альтернативный проект действия; во-вторых, интеллектуальную игру с самим собой, в которой воссоздаются альтернативные варианты действия, – игровая реализация действия; в-третьих, оценку сопоставления различных альтернатив разыгранной ситуации и предпочтение одной из них – аксиологическая экспертиза реализации действия; в-четвертых, выработку и принятие окончательного решения, которую мы назовем рефлексивной фазой принятия решения; в-пятых, исполнение решения и реализация выбранного действия.

Следует отметить, что процедура рефлексивной саморегуляции может быть продолжена в виде оценки полученного результата, сопоставления его с поставленной целью, анализа возможных последствий, исправления неудачных «ходов» и реализуется в так назы-

ваемой «работе над ошибками», в которой указанные выше пять рефлексивных ходов повторяются, но уже на новом уровне. Рефлексивная саморегуляция позволяет темпорально диагностировать действия и их результаты, оценивать внутренний мир окружающих людей и их ответные реакции, прогнозировать и корректировать собственные действия. Проведенный анализ рефлексивной саморегуляции в рамках различных дисциплинарных подходов показывает, что она как выражение интровертивной «селфи-рефлексивной» деятельности личности является многоуровневой и многомерной системой различных рефлексий. В этом плане механизмы рефлексивной саморегуляции представляются как амбивалентные, с одной стороны, позволяющие человеку оценивать самого себя, свои собственные действия, с другой стороны, дающие возможность осмысливать последствия собственного поведения, полученные результаты и ответные действия окружающих, имеют внутренне диалогический характер.

Таким образом, рефлексивность как форма интровертивной «селфи-рефлексивной» деятельности характеризуется самореферентностью – тождественностью самому себе. При этом важно помнить о том, что самореферентность не является выражением формального тождества, она имманентно предполагает отрицание этого тождества в виде инореферентности, которая обуславливает реальную «человечность» этого качества в виде сомнений, заблуждений, иллюзий. Социальная и личностная экспоненты самомониторинга как формы социальной рефлексии предполагают способность индивида играть сразу несколько социальных ролей. Объединение всех ролей под общим знаменателем в виде субъекта социальной коммуникации характеризует самомониторинг как важную форму социальной рефлексии.

Литература

1. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова и другие / под науч. ред. О. И. Матьяша. СПб., 2011.

Bibliography

1. Interpersonal Communication: theory and life / O. I. Matyash, V. M. Pogolsha, N. V. Kazarinova, ect. / under the scientific. ed. O. I. Matyash. St. Petersburg, 2011.

2. Никитина А. В. Самомониторинг как одна из форм мониторинга общения. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/79/18-22.pdf>.
3. Луман Н. Невероятные коммуникации // Проблемы теоретической социологии. СПб., 2000.
4. Матуран Х. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1995.
5. Дерябин М. Д. Самореференция социальной реальности в социальном дискурсе // Вестник Удмуртского университета. 2006. № 3.
6. Кулюткин Ю. Н. Рефлексивная регуляция мыслительных действий // Психологические исследования интеллектуальной деятельности. М., 1979.
7. Кулюткин Ю. Н. Психология обучения взрослых. М., 1985.
8. Кулюткин Ю. Н., Бездухов В. П. Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара, 2002.
9. Шаров А. С. Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 2000.
10. Карпов А. В. Психология менеджмента: учеб. пособие. М., 2005.
11. Деркачева О. Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/avtonomiya_i_samodeterminaciya_v_psihologii_motivacii_dvoe_zn__teoriya_e._desi_i_r._rayana/-1.
12. Мандрикова Е. Ю. Теория самодетерминации в организационном контексте: обзор зарубежных исследований. URL: <https://yandex.ru/search/?text=%D0%BC%D0B8%D1%8F&lr=39>.
13. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior // Journal of personality and social psychology. 1974. Vol. 30.
2. Nikitin A. V. Self-monitoring as a form of monitoring of communication. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/79/18-22.pdf>.
3. Luhmann N. Great communication // Problems of theoretical sociology. St. Petersburg, 2000.
4. Maturana H. Biology // Language knowledge and intelligence. Moscow, 1995.
5. Deryabin M. D. Self-reference of social reality in the social discourse // Bulletin of Udmurt university. 2006. № 3.
6. Kulyutkin Yu. N. Reflective regulation of mental actions // Psychological studies of intellectual activity. Moscow, 1979.
7. Kulyutkin Yu. N. Psychology courses adult. Moscow, 1985.
8. Kulyutkin Yu. N. Values and cognitive structures in the teacher's activities. Samara, 2002.
9. Sharov A. S. The system of valuable orientations as the psychological mechanism of regulation of human life: abstract dis. ... PhD in psychology. Novosibirsk, 2000.
10. Karpov A. V. Psychology of management: textbook. Moscow, 2005.
11. Derkacheva O. E. Autonomy and self-determination in the psychology of motivation theory E. Desi and R. Rayana. URL: http://www.psychologos.ru/articles/view/avtonomiya_i_samodeterminaciya_v_psihologii_motivacii_dvoe_zn__teoriya_e._desi_i_r._rayana/-1.
12. Mandrikova E. Yu. Self-determination theory in the organizational context: a review of foreign studies. URL: <https://yandex.ru/search/?text=%D0%BC%D0B8%D1%8F&lr=39>.
13. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior // Journal of personality and social psychology. 1974. Vol. 30.

Клочков Виктор Викторович
Klochkov Victor Victorovich

заведующий кафедрой теории права Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета кандидат исторических наук, доцент.

Chair of the Department of Theory of Law, Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems, Southern Federal University, PhD in History, Associate Professor.

E-mail: vvklochkov@sfsedu.ru

**АКТ О ВЛАДЕНИЯХ И ДОХОДАХ ИРЛАНДСКОЙ ЦЕРКВИ 1833 ГОДА
И ЕГО РОЛЬ В ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ
БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ**

**An act concerning the property and revenues of the irish church
of 1833 and its role in the church policy of the british conservatives**

В статье рассматривается религиозная ситуация в Ирландии в первой трети XIX века и положение Объединенной церкви Англии и Ирландии в этот период. Исследуется значение ирландского кризиса 1832–1833 годов и роль партии тори в нем. Анализируется текст Акта о владениях и доходах ирландской церкви 1833 года. Показывается значение парламентской сессии 1833 года в становлении принципов «разумного консерватизма» Р. Пилля.

Ключевые слова: Объединенная церковь Англии и Ирландии, ирландский кризис, партия тори, «разумный консерватизм».

In article religious situation in Ireland of the first third of the XIX century has been revealed in the article as well as the position of the United Church of England and Ireland in the examined period. The significance of the Irish crisis of 1832-1833 and the position of the Tory party towards it is examined. A kind of special attention is given to the analysis of the text of the Irish Church Temporalities Act of 1833. The significance of the parliamentary session of 1833 in the formation of R. Peel's «reasonable conservatism» is also examined.

Keywords: United Church of England and Ireland, Irish crisis, Tory party, «reasonable conservatism».

В первой трети XIX века «Ирландия была местом эксперимента в области политики, и череда нескончаемых неудач была ее уделом на этом поприще» [1, р. 22]. В церковной сфере такие параллели еще более наглядны. После заключения Акта об Унии 1800 года, соединившего Англию и Ирландию в единое государство, возникла Объединенная церковь этих государств, которую английский историк О. Броуз назвал «странным продуктом Акта об Унии 1800 года» [2, р. 204].

Странность эта определялась тем, что к моменту проведения парламентской реформы 1832 года из 13 млн населения Англии приверженцами официальной англиканской церкви были около 700 тыс. человек. В Ирландии же из 7 млн человек 250 тыс. являлись католиками, а официальную церковь поддерживали не более 100 тыс. жителей [3, р. 404, 422]. Если же учесть, что большинство ирландских ленд-лордов были приверженцами Объединенной церкви Англии и Ирландии, а подавляющее

число арендаторов – католиками, то проблемы, связанные с уплатой десятины в пользу официальной ирландской церкви, явно приобретали первостепенное значение в церковной политике Великобритании первой трети XIX столетия.

Церковный кризис в Ирландии был спровоцирован парламентской реформой 1832 года. Нападки на епископов англиканской церкви, не желавших голосовать за реформу в Англии, – ничто по сравнению с ситуацией в Ирландии. Даже сожжение резиденции архиепископа в Бристолле не может идти в сравнение с тем, что Ирландская церковная комиссия (Irish Tithe Committee) прямо назвала «организованной и систематической оппозицией уплате десятины». Речь шла о «войне за десятину» (Tithe War) (1831–1836), когда официальная церковь в Ирландии не могла собрать ее в течение трех лет начиная с 1830 года [2, р. 205]. Эти обстоятельства побудили пореформенный парламент, собравшийся в январе 1833 года, вплотную заняться урегулированием затянувшегося кризиса.

Уже первые месяцы работы пореформенного парламента дали шанс радикалам, диссентерам (протестантам, не являвшимся адептами официальной англиканской церкви) и католикам почувствовать свою силу, а англиканам – ощутить угрозу церковной собственности. Предпосылками ирландского кризиса, спровоцированного отказом арендаторов платить десятину, являются: давно назревшая необходимость изменения системы земельного держания для церкви; учреждение Ирландской церковной комиссии и наделение ее полномочиями по управлению церковными доходами, и, что особенно важно, их дальнейшему распределению. Именно здесь возникала проблема, связанная с потенциальной возможностью использования церковных доходов на светские нужды правительства (Lay Appropriation of Church Property). Этому вопросу уделяли особое внимание консерваторы, поскольку для партии тори, фактически обеспечившей прохождение Акта об эмансипации католиков в 1829 году, он имел принципиально важное конституционное значение. Поэтому данный кризис можно назвать религиозным только отчасти. Обсуждаемый на первой сессии пореформенного парламента Irish Church Temporalities Act (буквально – Акт об обмирщении доходов Объединенной церкви Англии и Ирландии) также был направлен не только на сокращение числа епископств и использование десятины на нужды светской власти. Он стал прецедентом для проведения сходной реформы в Англии в 1836 года.

Лидер партии тори в палате лордов герцог Веллингтон писал своему коллеге и будущему премьер-министру Р. Пилло по этому поводу в октябре 1830 года следующее: «...до тех пор, пока мы позволяем неплательщикам оставаться на земле, которая находится у них в держании, пока позволяем им передавать ее другим лицам и изымаем их средства из их карманов для того, чтобы использовать эти деньги за пределами Ирландии, ничего путного в этой стране мы сделать не сможем». Один из лидеров ультратори, ратовавший за сохранение традиционного конституционного порядка, герцог Нортумберленд также был убежден в том, что «существующая система уплаты десятины несправедлива» и видел выход «в расширении числа приютов и госпиталей, организуемых благодаря централизованной поддержке

графств» [4, р. 402]. Такой же позиции придерживался и епископ Ч. Ч. Бломфилд, полагавший, что «беспорядки в Ирландии слабо связаны с эмансипацией католиков, но имеют более сложную природу. По его мнению, для их устранения следовало модифицировать систему земельного держания, а также создать более справедливое правосудие, расширить производство и торговлю» [5, р. 716–717].

Наконец, парламентская комиссия по уплате десятины в Ирландии, учрежденная вигским кабинетом лорда Грея в начале 1831 года, в течение этого и первой половины 1832 года провела детальное исследование причин отказа от уплаты десятины в Ирландии. Комиссия указала на необходимость более справедливого распределения церковных пожалований и уменьшения числа синекур. Предлагаемое ею решение заключалось в установлении прогрессивного налога на доходы церкви с тем, чтобы полученные средства можно было направлять на устранение всех сложившихся в церковной сфере Ирландии несоответствий [6, р. 226–232].

Один из членов этой комиссии У. Мэйсон еще в 1823 году писал Г. Голбурну, тогда секретарю по ирландским делам, что система The Board of the First Fruits (Палата по сбору десятины) нуждается в реформировании и «становится делом национального масштаба», поскольку перераспределение доходов от одних приходов для постройки и ремонта церквей в других вызывает недовольство [7, р. 326–334]. В ответ Г. Голбурн отправил У. Мэйсону довольно прохладную ноту, и последний вернулся к этой теме только в 1833 году, написав Р. Пилло, что «меры, предложенные мною в 1823 году, могли бы оказаться полезны при подготовке билля 1833 года» [8, р. 298].

Нужно отметить, что епископы англиканской церкви поддерживали The Irish Church Temporalities Bill. Уже упоминавшийся выше епископ Ч. Бломфилд прямо говорил, что «если духовная часть забот церкви и подвергается атакам в данном билле, то он в целом является честной мерой, направленной на предотвращение разрушения самой ирландской церкви» [9, р. 99–101]. Ситуация складывалась таким образом, потому что вопрос о перераспределении доходов, получаемых в виде церковной десятины, посредством учреждаемых монархом государственных органов, а также ис-

пользования этих доходов на вполне определенные церковные нужды, не был новым. Так, акты о коммутации ренты (*The Composition Acts of 1822: 3 Geo. IV. C. 125, 1824: 4 Geo. IV. C. 99*) предусматривали возможность (а с 1824 года – обязанность) коммутации ренты, которая сделала уплату десятины затруднительной, поскольку краткосрочная аренда предполагала ежегодную уплату не только десятины, но и вступительного файла. Для церкви это означало падение доходов и угрозу самому существованию *The Board of the First Fruits*. Это, в свою очередь, делало актуальным вопрос о необходимости изменения всей системы земельного держания в Ирландии, особенно краткосрочной аренды, ежегодно возобновляемой при условии уплаты вступительного файла.

Епископ Р. Уотли писал по этому поводу: «Следует передать все церковные доходы (*endowments*) специально учрежденной комиссии, которой следует предоставить также полномочия по управлению этими доходами на основе траста. В этом случае станет возможным ввести практику долгосрочной аренды так, как это не в состоянии сделать викарий при существующих ныне институтах» [10, p. 112]. Для более равномерного распределения церковных доходов предлагалось ввести практику обмена и продажи церковных земель.

Примерно той же позиции придерживался член палаты общин, солиситор из Дублина У. Махоуни. Он предлагал раздробить крупные поместья в Ирландии, обремененные долгами и трудно продаваемые, на мелкие участки и продать последние на условиях Акта об управлении поместьями (*Administrations of Estates Act*) 1798 года (38 Geo. III. c. 27). Для облегчения процесса покупки специально учрежденной комиссии предлагалось выделить парламентскую субсидию в £ 1 000 000 [11, p. 234–242].

Наиболее активные дебаты, посвященные *The Irish Church Temporalities Act*, прошли в палате лордов 6 июня 1833 года. Основными докладчиками выступили епископ Ч. Бломфилд и премьер-министр вигского кабинета лорд Ч. Грей [12, p. 379–386]. Акт, утвержденный 14 августа 1833 года (3&4 Will. IV. c. 37), воспринял высказанные выше позиции в двух важных отношениях. Во-первых, держатели церковных земель на праве *free simple* (фригольд) в течение 21 года, трех поколений или

в течение 40 лет получили возможность трансформировать свое держание в аренду на условиях выплаты постоянной ежегодной ренты. Кроме того, отчисления в *The Board of the First Fruits* заменялись прогрессивным налогом в зависимости от полученного дохода. Во-вторых, *The Board of the First Fruits* заменялась новым органом – *The Irish Ecclesiastical Commission*. Она состояла из 11 членов – шести епископов и пяти светских комиссионеров. Из шести епископов четыре назначались монархом, а входящие в их число в обязательном порядке архиепископы Дублина и Армаха могли назначить по одному члену комиссии каждый. Что касается светских членов, то в их число обязательно входили лорд-лейтенант Ирландии, лорд главный судья суда Королевской скамьи и три назначаемых ими члена комиссии. Бюджет комиссии ежегодно составлял £ 180 000 [13, p. 133–134].

The Irish Church Temporalities Act прошел в парламенте без серьезного сопротивления, поскольку в равной степени ущемлял и право собственности церкви, и права держателей. При этом виги считали вполне возможным использовать часть доходов на нужды, не связанные с церковью. Лорд Элгорп внес *Ministerial Plan for Irish Church Reform* и хотел «глубже погрузиться в этот вполне конкретный вопрос» [14, p. 561]. Позиция радикалов была тоже понятна – они выступали против всякой поддержки церкви государством [14, p. 36–38].

Что касается тори, то они были крайне не согласны с использованием доходов ирландской церкви на нужды правительства. Ультратори лорд Махон писал в январе 1833 года, что «отставка кабинета тори и нахождение на скамьях оппозиции в значительном меньшинстве требует жесткого противодействия сторонникам Коббетта и Хьюма не меньше, чем ирландским заднескамеечникам. Только это позволит сохранить необходимый консервативный баланс в этом парламенте толпы» [15, p. 209–211].

Главную проблему для тори представляла статья 147 билля, разрешавшая использовать часть доходов ирландской церкви на нужды правительства. Лорд Элгорп поддерживал эту меру, а Р. Пиль был против и писал Г. Голбурну: «Выбор у нашего меньшинства прост – не предпринимать ничего сейчас, но активно противодействовать этой части билля в третьем

чтении; главный же вопрос для церкви – принять этот билль, исключив из него наиболее радикальные меры, либо безнадежно вздыхать о лучшем» [15, р. 222–223].

В итоге статья 147 в билль не вошла, и это было несомненным успехом консервативной оппозиции. Епископ местечка Кашел, член Ирландской церковной комиссии писал Р. Пилло, что он «не слишком верит в возможность использовать часть доходов ирландской церкви на нужды правительства, а если бы даже такая возможность и существовала, то само количество полученных средств не позволило бы использовать их достаточно широко – от нужд образования до госпиталей от лихорадки». Но количество епископств все же сократили с 22 до 12 [8, р. 199].

Английский аналог ирландского акта 1833 года – Tithe Communication Act (6&7 Will. IV. С. 71) вступил в силу 13 августа 1836 года. Согласно этому акту десятина заменялась денежным налогом, рассчитываемым на основе цен на пшеницу, ячмень и овес за последние семь лет (вклад каждого из зерновых в общий итог был равным). Для некоторых регионов десятина была вообще отменена в силу обычая, скудости урожая

и соглашения с приходами. Определяла эти условия специальная церковная комиссия.

Таким образом, парламентская тактика консерваторов позволила избежать крайностей в композиции билля, столь активно поддерживаемого радикалами. Солиситор из Дублина У. Махоуни писал: «Я, как протестант, противник взглядов, в соответствии с которыми собственность церкви есть собственность государства, и не испытываю радости от необходимости платить соответствующие поборы; но может статься, что билль станет законом, и тогда, если все же придется платить, было бы справедливо, чтобы это касалось и пресвитериан, и католиков, и всех других, чтобы наши средства были использованы на нужды общества» [16, р. 243–244]. Именно ирландский церковный билль 1833 года стал своего рода пробным камнем, на котором партия тори «обкатывала» новые принципы партийной политики в отношении вопросов, прямо затрагивающих основы конституционного устройства. Успешное противостояние крайностям билля со стороны парламентского меньшинства стало одним из первых проявлений того, что позднее историки назовут «разумным консерватизмом».

Литература

1. Bennett W. J. E. Crime and Education. The Duty of the State Therein. L., 1846.

2. Brose O. J. The Irish Precedent for English Church Reform: The Irish Church Temporalities Act of 1833 // The Journal of ecclesiastical history. 1956. Vol. VII. Issue № 2 (October).

3. Evans E. J. The Forging of the Modern State. Early Industrial Britain, 1783–1870. L., 1995.

4. Wellington Dispatches, Correspondence & Memoranda / ed. by the Duke of Wellington. New Series. Vol. I–VI. L., 1867–1880. Vol. VI.

5. Hansard Parliamentary Debates. 1833. Vol. XIII.

6. Second Report of the Select Committee on Tithes in Ireland. House of Commons Parliamentary Papers. 1832. Vol. XXI.

7. Papers Relating to the First Fruit in Ireland. House of Commons Parliamentary Papers. 1831–1832. Vol. XXII.

8. British Museum Add. MS. 40418 f. 298 ff.

9. Minutes of Evidence, Lords' Committee on Tithe in Ireland. House of Commons Parliamentary Papers. 1833. Vol. XVI.

10. Whatley E. J. Life and Correspondence of Richard Whatley. L., 1868. Vol. I.

11. Second Report of the Select Committee on Tithes in Ireland. Minutes of Evidence. House of Commons Parliamentary Papers. 1832. Vol. XXI.

12. Hansard Parliamentary Debates. 1833. Vol. XVIII.

13. Saint F. The Victorian Church: architecture and society. Cambridge, 1995.

14. Hansard parliamentary debates. 1833. Vol. XV.

15. Lord Mahon to R. Peel. 8 January, 1833. Sir Robert Peel from his Private Papers / ed. by Ch. S. Parker. L., 1899. Vol. II.

16. House of Commons parliamentary papers. 1831–1822. Vol. XXI.

Лагунова Ирина Сергеевна
Lagunova Irina Sergeevna

преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России.

Lecturer, Department of Constitutional and Municipal Law, Nizhny Novgorod Institute of Government of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.
Тел.: 8 (910) 880-59-95.

**ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВЕТСКОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
ГОСУДАРСТВЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**
**The importance of the principle of secularism in the modern state:
political and legal analysis**

Статья посвящена проблеме понимания светскости государства в современном обществе, возникающей в связи с широко распространенным мнением о его «атеистической» политике. Проводится анализ генезиса понятия «светскость», его эволюции, а также определяются основные черты светского государства. Автор делает вывод о необходимости дифференцировать понятие светскости от секуляризма, предлагает пути укрепления национальной, в том числе религиозной, культуры.

Ключевые слова: светскость, общество, религия, разум, Просвещение, современный, закон, государство.

The present study is devoted to the question of the interpretation of the «secularity» of the state in modern society, arising in connection with the widespread opinion about «atheistic» politics. The analysis of the genesis of the concept, its evolution, and the main features of a secular state are analyzed. In conclusion, the author concludes that there is a need to distinguish the concept of secularism from secularism, and suggests ways to strengthen national, including religious, culture.

Keywords: secularity, society, religion, reason, Enlightenment, modern, law, state.

Одной из характеристик современного демократического общества является провозглашение принципа светского государства, который закреплен в конституциях большинства стран. В то же время существующие сегодня конфликты, возникающие на религиозной почве, могут свидетельствовать о непонимании сущности светскости. Как проявление непонимания светского характера государства может быть также расценен ряд государственных мер, проводимых в отношении конфессий (например, в 2002 году Правительство Российской Федерации стало одним из учредителей Российского исламского университета, студенты которого должны были проходить обучение за счет государственного бюджета) [1, с. 15]. Определению значения указанного понятия, его социальной роли посвящено настоящее исследование.

Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля слово «светский» означает «к свету (миру) в разных значениях

относящийся, земной, мирской, суетный; или гражданский. Светская власть, противоположная духовная. – люди. Духовенство, белое, не монашеское, противоположно черное. Светские утехи, шумные, чувственные. Человек, посетитель обществ, сборищ, увеселений; ловкий приемами, сведущий в гостинных обычаях. Светски жить, светское творить. Светскость, сост. по глаг., обходительность, людскость, привычка и умение обращаться в свете, с людьми» [2, с. 158].

Обратимся к происхождению понятия «светскость». Идея разделения сфер государственного и конфессионального возникает с появлением христианства: «Богу Божье, кесарю кесарево» (Мф. 22, 21) [3]. Позднее, в эпоху средневековья, подобные идеи развиваются в рамках различных учений. В частности, М. Падуанский указывает на невозможность для церкви обладания светской властью, а для государства – обязывания подданных к испол-

нению религиозных установлений [4, с. 28]. Далее вопрос о разделении сфер влияния между государством и церковью становится предметом широкого обсуждения философов-просветителей, в частности, Вольтера, Дж. Локка и других [5, с. 34]. Законодательное закрепление принцип разделения сфер ведения делами «духовными и мирскими» получает в Новое время [6], в ст. 10 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года [7, с. 592]

Таким образом, государство признало (или создало) новую сферу жизни человека – вне-религиозную, сферу применения его природных способностей, где он мог руководствоваться только своим разумом и нормами права, но не религиозными канонами. Происходит принятие многообразия верований, но еще не религиозных взглядов: по-прежнему человек не мыслится вне религии, однако теперь он может ее выбирать. Само же понятие «светскость» означает не только *нерелигиозность* («мирскость»), но и *разумность*.

В начале XX века в связи с распространением идей коммунизма и установлением нового послереволюционного политического строя получает нормативное закрепление принцип свободы совести, предполагающий возможность выбора – верить в сверхъестественное (Бога) или нет. Соответственно, светскость расширяет свое значение и включает уже «антирелигиозность».

В настоящее время светскость, особенно в широком общественном понимании, связывается исключительно с темой религии. Это обусловлено тем, что в законодательстве государств формулировка принципа светскости предполагает конкретизацию взаимоотношений государства и конфессий.

Современное установление принципа светского государства, как правило, предполагает следующие меры:

- нормативное закрепление отделения религиозных объединений от государства;
- провозглашение равенства всех религий;
- провозглашение равенства прав и свобод человека независимо от его религиозных убеждений, принадлежности к религиозным или общественным объединениям, запрет любых форм дискриминации по признакам религиозной принадлежности;

- объявление религии частным делом каждого гражданина;

- запрет на создание религиозных судов, распространяющих свою юрисдикцию на всех граждан;

- независимость органов государственной власти от религиозных конфессий;

- религиозное обучение и воспитание в государственных и муниципальных образовательных организациях не допускается, кроме как в рамках факультатива;

- гарантия права на замену военной службы альтернативной гражданской службой по религиозным мотивам;

- запрет на исполнение конфессиями каких-либо государственных функций [1, с. 23–29] и т. п.

Перечисленные меры обеспечивают широкий выбор способов, форм реализации религиозных предпочтений человека.

Необходимо отметить, что конфессии являются одними из главных носителей духовной культуры [8, с. 210–224]. Соответственно, предоставление равных возможностей для существования различных религиозных объединений (за исключением, конечно, тех, которые склоняют личность к деградации) способствует повышению уровня духовного развития общества.

Безусловно, установление и существование принципа светскости ни в коей мере не должно исключать сохранение и развитие государством культурных традиций своего народа, в том числе религиозных. Наоборот, государство должно активно обеспечивать поддержку культуры своего общества как основного источника, среды и средства его самоидентификации, осознания им национальной идеи, национального духа. В свете приведенных рассуждений представляется необходимым включение в текст Конституции Российской Федерации [9] специальных положений об обязанностях высших должностных лиц (прежде всего, главы государства) обеспечивать сохранение и приумножение культурных, в том числе религиозных, ценностей русского народа, а также контролировать деятельность соответствующих органов, непосредственно осуществляющих полномочия в сфере культуры.

Вместе с тем государство должно обеспечивать охрану прав любых верующих, вне за-

в зависимости от численности (малочисленности) их конфессий. В связи с этим недопустимо расценивание различных мероприятий, посвященных обсуждению вопросов йоги, индуистской традиции и других, как незаконных, что в последние несколько лет имеет место быть в российском обществе [10].

Кроме того, государство должно препятствовать усилению политического влияния отдельных конфессий, проявлением которого, в частности, служат притязания на недвижимое имущество, находящееся в публичной собственности.

Итак, светское государство можно охарактеризовать как «способ организации публичной (политической) власти, при котором государство и церковь отделены и в то же время взаимодействуют друг с другом, отсутствует государственная, или официальная, религия, обеспечиваются равенство религиозных объединений, свобода совести и равноправие граждан независимо от отношения к религии в целях достижения баланса интересов личности, государства и религиозных

образований в различных сферах жизни общества» [11, с. 9].

Принцип светскости – одна из основ конституционного строя современного государства – возник и существует как признание ценности и свободы человеческой личности, ее разума. Для его реализации, вне зависимости от конфессиональной принадлежности большинства общества, государство должно обеспечивать равенство возможностей выражения и распространения своих религиозных взглядов всеми членами социума (за исключением, конечно, учений, способствующих деградации личности) и одновременно с этим следить за тем, чтобы деятельность религиозных объединений не соприкасалась со сферой политики. На современном этапе развития мирового общества, когда в тесном взаимодействии постоянно находится множество культур, светскость является не просто одной из существенных характеристик демократического государства, а одним из обязательных условий существования мира (и жизни людей) на планете.

Литература

1. Понкин И. В. Светскость государства. М., 2004.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). М., 1998.
3. Хадькин Н. И. Анализ доктринального толкования термина «светское государство». URL: <http://donseminary.ru/2014/09/19/analiz-doktrinalnogo-tolkovaniya-termina-svetskoe-gosudarstvo-ch-1-st-14-konstitucii-rf/>
4. Дементьева З. П. Проблемы государственно-конфессиональных отношений в России в контексте свободы совести. Екатеринбург, 2006.
5. Длугач Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теории гражданского общества). М., 2006.
6. Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность? URL: http://www.atheism.ru/library/Bobero_1.phtml.
7. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / сост. Н. А. Крашенинникова. М., 1999.

Bibliography

1. Ponkin I. V. The secular state. Moscow, 2004.
2. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language (modern spelling of words). Moscow, 1998.
3. Khadykin N. I. Analysis of the doctrinal interpretation of the term «secular state». URL: <http://donseminary.ru/2014/09/19/analiz-doktrinalnogo-tolkovaniya-termina-svetskoe-gosudarstvo-ch-1-st-14-konstitucii-rf/>
4. Dementieva Z. P. Problems of state-confessional relations in Russia in the context of freedom of conscience. Ekaterinburg, 2006.
5. Dlugach T. B. Three portraits of the Enlightenment. Montesquieu. Voltaire. Rousseau (from the concept of enlightened absolutism to theories of civil society). Moscow, 2006.
6. Bobero Z. Secularity: French exclusivity or universal value? URL: http://www.atheism.ru/library/Bobero_1.phtml.
7. Reader on the history of the state and law of foreign countries (New and Newest time) / compiled by N. A. Krashenninikov. Moscow, 1999.
8. Pisenko K. A. The lessons of religion in the public school are the norm of the secular law-based state (European experience of legal reg-

8. Писенко К. А. Уроки религии в государственной школе – норма светского правового государства (европейский опыт правового регулирования школьного религиозного образования) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 4.

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

10. URL: <http://www.svoboda.org/a/28219667.html>.

11. Мещерякова А. Ф. Светское государство в современной России: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

ulation of school religious education) // Journal of foreign legislation and comparative law. 2010. № 4.

9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

10. URL: <http://www.svoboda.org/a/28219667.html>.

11. Meshcheryakova A. F. The secular state in modern Russia: constitutional-legal analysis: abstract dis. ... PhD in law. Saratov, 2009.

Матяш Тамара Петровна
Matyash Tamara Petrovna

профессор кафедры философии и мировых религий Донского государственного технического университета доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Doctor of Philosophy, Professor.

Тел.: 8 (928) 771-90-91.

Матяш Дмитрий Владимирович
Matyash Dmitry Vladimirovich

доцент кафедры политических и философско-правовых дисциплин Донского государственного технического университета доктор философских наук, профессор.

Assistant Professor, Department of Political and Philosophy and Law disciplines, Don State Technical university, Doctor of Philosophy, Professor.

Тел.: 8 (928) 959-65-57.

ТИПЫ ХРИСТИАНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: РОССИЯ И ЕВРОПА

Types of christian mentality: Russia and Europe

В статье реконструируется идея русских философов, а также отечественных и зарубежных богословов, согласно которой религия формирует соответствующий менталитет: «человек таков, какова его вера». На примере христианства рассматривается как специфика решения безразличных для культуры и внутреннего религиозного опыта «отвлеченных вопросов веры» обуславливает формирование неидентичных типов менталитета западных и восточных христиан.

Ключевые слова: христианство, православие, католичество, душевно-духовный внутренний опыт, свет Фаворский, онтологизм религиозной веры, «внутренний» и «внешний» человек.

The article reconstructs the idea of Russian religious philosophers, as well as domestic and foreign scholars, according to which Religion forms the corresponding mentality: «man – this is his faith». Considered as the specifics of the decision to Western and Eastern Christianity, seemingly indifferent to the culture and the internal religious experience «abstract questions of faith» cause the formation of not identical types of mentality of Western and Eastern Christians.

Keywords: christianity, Orthodoxy, Catholicism, psycho-spiritual internal experience, Favorsky light, ontologism religious faith, «inner» and «outer» man.

Введение

В одной из своих статей Ф. М. Достоевский писал о том, что «русскому, ставшему действительным европейцем, нельзя не сделаться в то же время естественным врагом России... Русскому ни за что нельзя обратиться в европейца серьезного, оставаясь хоть сколько-нибудь русским» [3, с. 171]. На первый взгляд эта мысль писателя кажется неправдоподобной, политически и культурологически неприемлемой и даже зловерной, сеющей рознь между христианами, не способствующей установлению взаимопонимания между европейской и русской культурами. Да и есть ли основания для подобного рода суждений? Если верно то, что европейцы и русские – «братья во Христе», а русская

и европейская культуры – «христианские сестры», то никаких существенных различий в душевно-духовном складе русского и европейца не должно существовать по определению, и русский, вопреки Ф. М. Достоевскому, может «обратиться в европейца серьезно», оставаясь в то же время русским.

И все же писатель осмелился высказать данную мысль, помня, по-видимому, о том, что братья и сестры, даже кровные, не всегда живут в полном согласии друг с другом, о чем свидетельствует Библия: первым убийцей в истории рода человеческого был Каин, поднявший руку на родного брата Авеля. Утверждая, что европейцы и русские различаются прежде всего по типу духовности, Ф. М. Достоевский воспроизвел, хотя, быть может, и неосознан-

но, один из принципов диалектики, который, будучи перекодирован применительно к практике политической борьбы, сформулированный, например, В. И. Лениным в газете «Искра», гласит, что «прежде, чем объединяться, и для того чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» [5], то есть понять специфические особенности друг друга, найти точки расхождения, их содержание и смысл, что является предварительным и необходимым условием возможности взаимопонимания. В таком теоретико-методологическом контексте мысль Ф. М. Достоевского о решительном разделении русского и европейца – этих двух типов христиан выплывает не такой уж одиозной. Тем более, что эмпирически она обоснована, так как писатель пришел к этой мысли в ходе рассмотрения исторического опыта политических, экономических, военных баталий между Россией и Европой. Но, приведя многочисленные примеры расхождения между европейцами и русскими в духовной, экономической, политической и других сферах, философ не сумел проанализировать причины этого расхождения.

Антропологический и гуманистический смысл евангелического сюжета о Фаворском свете

Между тем причины сущностного различия между европейцами и русскими стали предметом анализа русских религиозных философов начиная со славянофилов и православных богословов, признававших влияние христианской религии на душевно-духовный характер христиан, а потому обратившихся к рассмотрению специфики религиозно-догматических учений Западной и Восточной церквей. Не воспроизводя всех догматических расхождений, рассмотрим в качестве примера различие в догматическом толковании евангелического сюжета Преображения Господня.

Эти расхождения обусловили тот факт, что празднику Преображения Господня* отводится разное место в иерархии важных дат православной, католической и протестантской церквей. В православии он принадлежит к чис-

лу двенадцатых** великих праздников, в католической церкви Преображение Господне является праздником третьеразрядным, установленным для всеобщего почитания Папой Каликстом III (мирское имя Альфонсо ди Борджиа) в 1456 году в ознаменование победы христианского войска над турками. Протестанты России и бывшего СССР этот праздник отмечают, но западным протестантам он практически не известен, что можно частично объяснить тем, что в конце XIX – начале XX века в протестантизме утвердилось влияние либеральной теологии, представители которой придали христианству характер философского учения, нежели «религии откровения» [11]. Неслучайно К. Леонтьев писал, что протестантство «как религия в глазах всякого понимающего, что такое церковь, есть религия низшая, сравнительно с православием и папством; однако она оказалась пригоднее до сих пор для германских стран» [7, с. 556].

Догматическое толкование сюжета Преображения Господня стало предметом спора византийского монаха св. Григория Паламы и византийского гуманиста Варлаама еще в XIV веке. Для нашего исследования важно то, что, казалось бы, дискуссию на чисто богословскую тему о природе Фаворского света обернулись решением небогословских проблем гуманизма и антропологии, имеющих непосредственное отношение к формирующемуся Возрождению [9].

Евангелический сюжет о Фаворском свете получил антропологическую интерпретацию также и в XIX веке в статье Е. Н. Трубецкого «Свет Фаворский и преобразование ума». Философ утверждал, что, являя «непримиренную противоположность верхнего и нижнего», «горнего и дольного», Преображение Господня имеет, помимо чисто религиозного содержания, и антрополого-гуманистический смысл: на горе избранные ученики Христа созерцают светлый лик преобразившегося Христа, а внизу, под горою, скрежещет зубами и выпускает пену бесноватый, олицетворяющий развращенную и беснующуюся земную жизнь. Ученики Христа «по слабой своей вере» не могут исцелить беснующегося, и вся их надеж-

* Преображение Господне (Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа) – описанное в Евангелиях таинственное преобразование, явление Божественного величия и славы Иисуса Христа перед тремя ближайшими учениками – апостолами Петром, Иаковом и Иоанном во время молитвы на горе Фавор, находящейся в Израиле, в 9 километрах от Назарета (например, Мф. 17: 1–13; Мк. 9: 2–13).

** Двенадцатые праздники – 12 праздников, в православной традиции считающихся наиболее важными после Пасхи (который не относится к двенадцатым праздникам).

да только на «присносущный* свет», который «сойдет с горы» и исцелит беснующуюся жизнь. Наверху горы Фавор – блаженство и свет, внизу – мрак и беснование, что и явилось, по глубокому убеждению Е. Н. Трубецкого, одной из причин душевных терзаний христианина, видящего всю злосчастность земной жизни и знающего, что есть мир иной, мир блаженства и света [13]. По мнению философа, тема истерзанной, мятущейся души человека не случайно стала одной из главных в мировой и отечественной литературе.

Однако интересно отметить, что многие русские писатели, философы и даже богословы обнаружили, как свидетельствует Е. Н. Трубецкой, что наибольшей глубины религиозный «надрыв» достиг в душе русского человека. Этот феномен автор объясняет тем, что в европейской культуре контраст между дольным и горним мирами «замазан» культурой и потому «менее заметен для поверхностного наблюдателя». В Европе «черт ходит “при шпаге и в шляпе”», как Мефистофель; у нас, напротив, он откровенно показывает хвост и копыта», «беснуясь на просторе», создавая беспредельный хаос и смятение. В России, по сравнению с Западом, как считает Е. Н. Трубецкой, меньше порядка во всем. А чем беспредельнее хаос и безобразие на земле, тем сильнее потребность подняться в вышнюю область, в недвижный покой неизменной, вечной красоты. Поэтому именно в России, стране житейского неблагополучия, сформировался идеал всеобщего преображения, который особенно ярко проявился в религиозном вдохновении верующих. Главным содержанием этого идеала стала потребность подняться в вышнюю область, в недвижный покой неизменной, вечной красоты [13]. Ад, царящий в земной жизни, побуждал русского человека устремлять свой взор на небо, уходить в религиозные искания, которые стали основным источником религиозного творчества христианских подвижников, а также русских художников, философов, писателей, среди которых особое место занимает Ф. М. Достоевский. Герои его романов, будучи людьми, теряющими в этой «беснующейся» земной жизни смысл существования, каждый по-своему в итоге обращали свой взор к Христу-Спасителю.

Человек таков, какова его вера (А. С. Хомяков)

Объяснение Е. Н. Трубецким причин более глубокого душевного «надрыва» русского

человека, по-видимому, навеяно либеральным умонастроением русских интеллектуалов второй половины XIX века, считавших, что по мере достижения Россией благополучия, прежде всего материального и политического, глубина душевных «надрывов» русского и европейского христианина усреднится. К сожалению, Е. Н. Трубецкой прошел мимо развиваемой многими русскими религиозными философами идеи существования онтологического различия в религиозном опыте христиан разных вероисповеданий. Уже начиная с А. С. Хомякова в русской философии утверждается мысль о том, что различные религии специфицируют не только типы культур, народов, но и типы личностей, и нивелировать эту спецификацию с помощью внешних средств, таких как повышение благосостояния, очень трудно и даже невозможно. Религиозная вера, считал А. С. Хомяков, «проникает» все существо человека, «она как бы невидимыми нитями или корнями охватывает и переплетает все чувства, все убеждения, все стремления его», а потому «человек таков, какова его вера» [14, с. 64]. Внутренний опыт христианина формируется в обрамлении догматов. Разное решение западным и восточным христианством, на первый взгляд, безразличных для культуры и внутреннего религиозного опыта «отвлеченных вопросов веры» привело к тому, что «мы (речь идет о католиках и православных. – Ред.) стали различными людьми. У нас один и тот же Бог, но мы перед Ним – различные люди и не можем одинаково мыслить о природе наших к Нему отношений». Такова точка зрения крупного католического богослова, французского кардинала Ив Конгара (1904–1995) [8, с. 8; 19]. Оказывается, что «разница в догматах» «важнее всего для нашей души» и «без правильного догмата нет спасения», «правильная нравственность не может процветать на неправильном догмате», утверждал, дискутируя с К. Н. Леонтьевым, отец Климент Зедергольм. Правильными он считал догматы православия, а потому подчеркивал, что «вне православия нет истинного спасения» [6, с. 79–80].

Признавая расхождение душевно-духовного внутреннего опыта католика и православного, Г. Флоренский видел причины этого в механизмах церковного воздействия на душу. «Самое важное в православии, – писал он, – правильное... устройство души». Для католицизма важнее всего «католическая организация». «Человек вне католической организации – не ка-

* Присносущий (присный – истинный, вечный; сущий – существующий) – существующий вечно.

толик». Католическая церковная организация – это институт «воздействия на душу», которое, в отличие от православия, оказывается «не изнутри, а извне». Свидетельством того, что в православии самое главное – это правое устроение души, является существование фигуры «отца духовного»*, который «дает от Бога духовную жизнь, в муках и скорбях и трудах рождает новое существо в духовном мире, воспитывает его, окормляет и питает». Духовный отец отверзает «духовные очи» человеку, но дальше «развитие духовного сына совершается свободно», так как духовный отец «не может и не должен внушать ему, натаскивать его». У католиков «нет отцов духовных, у них нет старцев, ни по делам, ни даже по имени. У них ...управитель, выпрямитель совести». В католицизме «до души никому нет дела», и «никто и в мыслях не имеет», чтобы личность «сама менялась». «Было бы внешнее благообразие и благоприличие» [16, с. 324–325].

Утверждая, что в православии самое важное – это правое устроение души, предполагающее «возрождение, перерождение, внутреннее обновление» человека, Г. Флоренский, по сути, воспроизводит учение Отцов церкви о том, что христианской веры нет вне опыта делания себя «внутренним человеком». Христианин не является таковым, если даже знает наизусть новозаветные правила, но при этом не превратил их в законы своего сердца и совести, не проделал трудной работы преобразования своего внутреннего опыта. Митрополит Сурожский Антоний приводил пример человека, который внешне выполнял заповедь милосердия, но в сердце его никакого милосердия не было». «Сердце его далеко отстояло от Бога» (Мк.7: 8) [2, с. 558].

Не безразличны для формирования внутреннего опыта христианина и связанные с догматами обряды. Так, католики сидят во время службы, а православные стоят. За этими чисто внешними формами поведения скрывается глубокое различие в характере религиозной жизни. У католика не только тело, но и душа «отдыхает, нежится». «Сидение, – писал Г. Флоренский, – расслабляет и тело, и душу, вызы-

вает мление, мечтательность, духовную пассивность». Стоящий же во время церковной службы православный «напряжен, бодрствует всем телом, все существо стоит стрелой вверх, не распыляется, не тает в сентиментальности» [16, с. 327]. «Трезвение»** «существенно связано с усилием стоять», «молитва требует именно стояния». Для спецификации внутреннего душевно-духовного опыта имеет значение, как считал Г. Флоренский, и тот факт, что «православие построено на поклонах, а Рим не признает или почти не признает поклонов, а практикует сидение» [16, с. 338–340].

Специфицирует душевно-духовный внутренний опыт православного, католика и протестанта и разное понимание церковности. Для православия, как утверждал П. А. Флоренский, церковность – это «особая, новая жизнь, недоступная, подобно всякой жизни, рассудку, это полнота «божественной жизни», которая не может быть «уложена в узкий гроб логического определения». Знать, что такое церковность, можно, только живя в ней. Потому «чтобы стать православным, надо окунуться разом в самую стихию православия, зажечь православно, – и нет иного пути», и «для всякого желающего понять православие есть только один способ – прямой опыт православный». «Для католика критерии церковности – это папа, иерархия, то есть в конечном счете церковность – понятие церковно-юридическое». Для протестанта критериями церковности являются «вероисповедальная формула, символ, или система формул, текст Писания», то есть для протестанта в целом церковность – «понятие церковно-научное». Потому «католиком или протестантом можно стать по книгам – «в кабинете своем» [16, с. 322–324].

В ходе анализа содержания различных христианских вероисповеданий свящ. Г. Флоренский пришел к выводу, что «есть глубокая пропасть между Востоком и Западом, пропасть разных культур» [16, с. 320], а следовательно, и разных типов личности. О различии типов личности, формируемых западным и восточным христианством, говорил и С. С. Аверинцев [1, с. 437].

* Духовный отец (греч. πνευματικός πατήρ) – в православной церкви священник или старец-монах (в древности часто не имевший хиротонии, но обладавший духовным авторитетом), регулярно принимающий тайную исповедь и помогающий духовному чаду на пути к спасению молитвой и советами [10].

** Трезвение – добродетель внимательного отношения к собственной духовной жизни в противовес рассеянности. Эта добродетель включает в себя не только отказ человека от употребления вина, но, прежде всего, духовное бодрствование.

Западный и восточный христианин: два вектора жизни

Тему различия культур восточного и западного христианства и соответствующих им типов личности в той или иной мере обсуждали все Отцы церкви, отмечая, что уже во времена Византии Греческая церковь сформировала тип христианина, добродетели которого направлены на духовную сферу. Византийцы, писал архимандрит Киприан (Керн) (1899–1960), «скверно» организовали церковное управление в силу свойственной «Востоку устремленности ввысь и вдаль». «Ватикана невозможно было построить на византийской почве» [4, с. 26, 20]. Такая особенность восточного христианства есть данность, которую следует признать и не оценивать исключительно с позиции «хорошо» или «плохо».

Восприняв византийское христианство, русский народ воспринял и его устремленность «ввысь и вдаль». «Самая плоть русской души уже пронизана зачатком духовности, и острием ее выжжена некая точка... безусловности», предопределяющая склонность, скорее, к созерцанию, чем к чему бы то ни было внешнему и материальному, – писал В. Ф. Эрн [17, с. 386]. У русских православных людей «вера в Промысел» всегда умеряет погоню за земными благами и делает их несколько безразличными к земному благоустроению». Ярким примером того, что русский народ жертвует земными благами, когда они мешают идти к высшим целям, может служить сожжение Москвы в 1812 году. Иностранцы же расценили этот пожар, уничтоживший материальные богатства, как показатель варварства русского народа [15, с. 177].

Русские мыслители XIX века признавали, что западный человек живет более практическими интересами, отличается энергией, изобретательностью, смелостью ума в мирских делах, стремлением достичь наибольшего земного благополучия. Эти качества, как признавал Д. А. Хомяков, «очень хороши и полезны в мирских делах: в государственном деле, в науке, в литературе». Избрав «сравнительно узкую (и по своей конкретности заманчивую) задачу» земного благополучия, западный человек достиг в ее решении «тех необыкновенных результатов, которые окружают

жизнь поразительным блеском» [15, с. 175]. Это обстоятельство и стало одной из причин увлечения многих русских интеллектуалов католицизмом. Интерес к западному христианству возник даже у К. Н. Леонтьева, который, однако, уточнял, что пристрастие к католицизму носило у него не религиозный, а культурно-политический характер*.

Экономико-материалистическая окраска западной культуры, как показали русские религиозные философы, сформировалась без влияния Западной церкви. Д. А. Хомяков писал в этой связи, что «царство от мира сего» все-таки играет в глазах западной церковности не последнюю роль. Отсюда истекает формальный оттенок религиозно-духовных дел западного человека. Так, католичество минимизировало участие человека в деле спасения, свело его к неким формальным, похожим на страховой устав требованиям: «Занимайся, душа, миром и его прелестями, но не забудь уплатить страховой премии, и тогда тебе не о чем слишком беспокоиться». Западная церковь упростила выполнение необходимого для спасения души евангельского завета: «Царствие Божие н'удится», означающего, что человек должен принуждать себя к трудной работе превращения из «внешнего» человека во «внутреннего». «Кальвин же в гл. VIII кн. III Institution Institution вообще «не поминает текста – “Царствие небесное н'удится, и н'удящие входят”». Такое отношение к христианской идее спасения возможно «только тогда, когда душа людей лежит вся в мире земном, а к миру высшему относится только как к более или менее отдаленной перспективе» [15, с. 179, 184].

О повышенном интересе западного человека к земным делам свидетельствовали многие отечественные православные богословы, которым пришлось жить на Западе. По мнению митрополита Сурожского Антония, западный человек энергичен, изобретателен в мирских делах, но у него очень ослаблено «сознание блага странь». Православный же человек считает, «что можно жить только ради чего-то, превышающего личные цели. И это поражает западных людей в нас, русских» [2, с. 199].

Сегодня часто можно слышать, что русские, уступая европейским народам в эконо-

* Под влиянием своего духовного наставника монаха Климента Зедергольма, утверждавшего, что вызывающие восхищение русских мыслителей качества европейцев «пагубны» «в религиозном отношении», увлечение К. Н. Леонтьева католицизмом быстро сошло на нет [6, с. 73, 76].

мической сфере, не имеют права дерзать на нравственное достоинство, на какую-то духовную роль в европейской цивилизации. Эти мысли не новы. Их высказывали либералы и во времена Ф. М. Достоевского, на что тот отвечал: «Основные нравственные сокровища духа... не зависят от экономической силы» [3, с. 373–374]. Интересно отметить, что знаменитый английский историк искусства, моралист и общественный деятель XIX века Дж. Рескин, обращаясь к английской общественности, писал: «Вы думаете, что вы богаты, потому что со всех морей бесчисленные корабли свозят к вам богатства всего мира, но знайте... что если взять богатство с высшей точки зрения, то вы народ бедный, а не богатый, ибо истинные сокровища суть сокровища духа» [17, с. 380].

Доминирование на Западе ценностей быта, которые только и могут иметь законченные формы, например, правовые или экономические, признавал и Вл. Соловьев, несмотря на свое увлечение католицизмом. Западноевропейская культура, писал он, выработала «частные формы и внешний материал жизни», но не дала человечеству «внутреннего содержания самой жизни», которое может быть только откровением «высшего Божественного мира». Питаемая православием русская культура сформировала «равнодушие ко всей этой жизни с ее мелкими интересами», признав, что существует «другой безусловный Божественный мир, бесконечно более действительный, богатый и живой, нежели этот мир кажущихся поверхностных явлений»*. Историческую цель православного народа Вл. Соловьев видел в том, чтобы «сообщить живую душу, дать средоточие и цельность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с всецелым Божественным началом». Православный народ, а таковым он считал, прежде всего, русский народ, «не должен иметь никакой специальной ограниченной задачи, не призван работать над формами и элементами человеческого существования», гарантирующими земное благополучие [12, с. 170, 172].

Тот факт, что истинным сокровищем православной культуры является дух, становится очевидным, если, как писал свящ. Г. Флорен-

ский, мы сталкиваемся лицом к лицу с западным духом. Тогда «неизбежно возникает чувство чуждости, далекости, пустоты. Ибо они хоть и умная, и талантливая, и умелая, и культурная, и даже добродетельная, но все же только плоть. Мы же – дух, хотя нередко блудный». Мы только и живы православием. «И как попадаем в обстановку, которая существенно не православная, которая порождена не православием, так хиреем и духовно тоскуем. Чувствуется недостаток питания» [16, с. 321].

Религиозно-мировоззренческие и культурные расхождения между русским и западноевропейским человеком привели Д. А. Хомякова к «дерзкой» мысли о том, что русский народ в «отношении духовном ближе стоит к жителям разноплеменной Азии, чем к европейцам». Но, предупреждал он, «между русскими и азиатами (разноплеменными) глубокую черту разграничения провело христианство» [15, с. 176–177].

Вернемся к позиции Е. Н. Трубецкого, согласно которой у русского человека глубокое, мистически окрашенное стремление к горнему миру обусловлено тем, что в России существует резкий контраст между преображенной и непреображенной действительностью. С нашей точки зрения, Е. Н. Трубецкой поменял местами причину и следствие. Мистическое стремление русского человека к горнему миру есть некая первичная данность, ни в коем случае не порожденная житейско-бытовой неустроенностью; напротив, пассивное отношение к материальным успехам, земная неустроенность и есть результат устремленности русского духа «вверх» и «ввысь». Религиозный духовный опыт нельзя сформировать только человеческими усилиями, направленными на наращивание материальной или военной мощи.

Очевидно, что человек, взор сердца которого устремлен к дольнему, воспринимает человека, взор сердца которого устремлен к горнему, как странного, а потому непонятного. Западнему человеку, «привязанному к дольнему миру» и проявляющему «глубокую нечувствительность к абсолютным началам», трудно понять православного русского человека, для которого духовные вопросы и, прежде всего идея спасения, оказываются важнее мате-

* Недавно народный артист России Н. Михалков высказал аналогичную мысль: «Русским может быть только тот, у кого чего-нибудь нет. Но не так нет, чтобы обязательно было, а нет – и... с ним. И это абсолютно нереально понять европейскому человеку» [18].

риальных богатств. Еще сложнее ему осмыслить то, чем это обусловлено. Для ответа на этот вопрос надо, как писал свящ. Г. Флоренский, стать православным, «окунуться разом в самую стихию православия, зажечь православно, – и нет иного пути». Этим и обуславливается тот факт, что характер русского «может быть даже еще слабее обрисован в сознании европейца, чем характер китайца или японца. Для Европы Россия – одна из загадок Сфинкса». Мы, русские, – «для них совсем другой мир, точно с Луны сошли, так что им даже самое существование наше допустить трудно». Даже несмотря на то, что Россия «вся открыта перед Европою и русские держат себя совершенно нараспашку перед европейцами», нас не понимают на Западе [3, с. 312–314; 18]. Между тем Ф. М. Достоевский частично возлагал вину и на русских за это. Русские, писал он, рекомендуют себя Европе как европейцев, а европейцы, примеряя к ним свой аршин, видят, что он им не подходит. Создается путаница, которая и способствует тому, что русские становятся непонятными для западного человека [3, с. 25].

Бесчисленные примеры непонимания демонстрирует Запад в отношении современной политики России, обвиняя ее в лукавстве, зломыслии, агрессивности. Эти нападки стары, как мир. Так, по свидетельству Ф. М. Достоевского, Запад увидел лукавство и восточную хитрость в заявлении русских дипломатов в 1877 году о том, что, поддерживая балканских славян в борьбе с турецким игом, Россия не ставит перед собой цели покорения славян, приобретения новых земель, расширения своих границ. У России одна цель – освободить угнетенных братьев. Но Европа не понимает возможности проявления чистого, не обремененного материальной выгодой милосердия. «И поверьте, – писал Ф. М. Достоевский, – что

не столько пугает ее предполагаемое усиление России, как именно то, что Россия способна предпринимать такие задачи и цели (курсив. – Авт.)... Предпринимать что-нибудь не для прямой своей выгоды кажется Европе столь непривычным, столь выпешшим из международных обычаев, что поступок России естественно принимается Европой не только как варварство “отставшей, зверской и непросвещенной нации”, но даже “как безнравственный факт, опасный Европе и угрожающий будто бы ее великой цивилизации”» [3, с. 308]. Актуальность этих мыслей писателя настолько очевидна, что не требует комментариев.

В завершение следует отметить, что в статье представлены идеальные образы ментальности христианских личностей. В «прокрустово ложе» этих образов реальные люди часто не вмещаются. Так, конечно же, нельзя отрицать, что многие русские люди преследуют исключительно материальные, земные цели, а среди европейцев много бескорыстных, ориентированных преимущественно на духовные ценности людей. Но исключения не изменяют сущности западной и восточной христианских традиций, одна из которых формирует преимущественно устремление к горнему, а другая – к дольнему. Это данность, и принять ее следует без возмущения и негодования. Перед авторами стояла вполне определенная цель – показать, что западное и восточное христианство формирует некие спецификации душевно-духовной организации европейцев и русских, а знание и принятие их существования являются необходимыми условиями формирования взаимопонимания между представителями культур Запада и России, без чего невозможно сотрудничество и спокойно-деловое партнерство во всех сферах общественной и религиозной жизни.

Литература

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004.
2. Антоний, митрополит Сурожский. Труды. М., 2002.
3. Достоевский Ф. М. Политическое завещание: сборник статей за 1861–1881. М., 2006.
4. Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996.

Bibliography

1. Averintsev S. S. The poetics of early Byzantine literature. St. Petersburg, 2004.
2. Antony, metropolitan. Proceedings. Moscow, 2002.
3. Dostoevsky F. M. Political will // Collection of articles for 1861–1881. Moscow, 2006.
4. Kiprian (Kern), the archimandrite. Anthropology of St. Gregory Palamas. Moscow, 1996.

5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 4: Заявление редакции «Искры». URL: <http://leninism.su/works/42-tom-4/683-zajavlen-iskri-2.html>.

6. Леонтьев К. Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни // Восток, Россия и славянство. М., 1996.

7. Леонтьев К. Н. Храм и церковь. М., 2003.

8. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991.

9. Палама Григорий, св. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М., 1995.

10. Православная энциклопедия. Статья «Духовник». URL: <http://www.pravenc.ru/text/180658.htm>.

11. Рогозянский Андрей. Преображение Господне и наше. URL: http://ruskline.ru/analitika/2005/08/18/preobrazhenie_gospodne_i_nashe.

12. Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М., 1988. Т. 2.

13. Трубецкой Е. Н. Свет Фаворский и преобразование ума. По поводу книги священника П. А. Флоренского «Столп и утверждение Истины». URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/14_trube.pdf.

14. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 т. М., 1994. Т. 2.

15. Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность. URL: http://www.rusinst.ru/docs/books/D.A.Homyakov-Pravoslavie_Samoderjavie_Narodnost.pdf.

16. Флоренский П., свящ. Философия культа. М., 2004.

17. Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991.

5. Lenin V. I. Full composition of writings. Vol. 4: Statement of the editorial board of «Iskra». URL: <http://leninism.su/works/42-tom-4/683-zajavlen-iskri-2.html>.

6. Leontiev K. N. Father Clement Zedergolm, Hieromonk Optina Desert // East, Russia and the Slavs. Moscow, 1996.

7. Leontyev K. N. Temple and Church. Moscow, 2003.

8. Lossky V. N. Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology. Moscow, 1991.

9. Palamas Gregory, st. Triads in defense of the sacred-silent. Moscow, 1995.

10. Orthodox Encyclopedia. The article «The Insanity». URL: <http://www.pravenc.ru/text/180658.htm>.

11. Rogozyansky Andrey. Transfiguration of Our Lord and ours. URL: http://ruskline.ru/analitika/2005/08/18/preobrazhenie_gospodne_i_nashe.

12. Soloviev V. S. Works: in 2 vols. Moscow, 1988. Vol. 2.

13. Trubetskoy E. N. Light Favorsky and the transfiguration of the mind. Concerning the book of priest P. A. Florensky «Pillar and the statement of Truth». URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/pdf/14_trube.pdf.

14. Khomyakov A. S. Works: in 2 vols. Moscow, 1994. Vol. 2.

15. Khomyakov D. A. Orthodoxy. Autocracy. Nationality. URL: http://www.rusinst.ru/docs/books/D.A.Homyakov-Pravoslavie_Samoderjavie_Narodnost.pdf.

16. Florensky P. Philosophy of the cult. Moscow, 2004.

17. Ern V. F. Compositions. Moscow, 1991.

Власова Виктория Николаевна
Vlasova Viktoria Nikolaevna

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент.

Professor, Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, PhD in Pedagogical, Associate Professor.
Тел.: 8 (918) 529-829-81-11.

**ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В СИСТЕМЕ
СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Philosophical and legal aspects in the modern system of legal education

Статья посвящена философско-правовым аспектам в системе современного юридического образования. Основное внимание уделено связи педагогических и юридических наук. Рассмотрены главные функции юридической педагогики, а также проблемы современного юридического образования.

Ключевые слова: философия права, философско-правовой аспект, система образования, право, юридическая педагогика, юридическое образование.

The article focuses on the philosophical and juridical aspects in the modern system of juridical education. The focus is on context, pedagogical and juridical Sciences. The main functions of legal pedagogy, and the problems of modern legal education are maintained.

Keywords: philosophy of law, philosophical and juridical aspects, education system, law, juridical pedagogy, juridical education.

Современным социумом предъявляются все более высокие требования к профессиональному и личностному уровню человека, а также к качеству образования. «Социальные, культурные и экономические изменения, которые мы наблюдаем в образовании в начале XXI века, повлекли за собой изменения характера обучения» [6, с. 136], что предопределило необходимость философского, методологического его переосмысления. Российская образовательная система сегодня находится в условиях методологической неопределенности, в тисках противоречивых тенденций, инноваций, не всегда обоснованных и часто отрицательно сказывающихся на целостности учебно-воспитательного процесса.

Потребность в модернизации образования и провозглашаемые в течение многих лет требования повысить уровень качества и эффективность учебного процесса наглядно свидетельствуют о необходимости разработать четкие педагогические и правовые критерии, на которых может быть построено целостное и систематизированное многообразие образовательных моделей, а не фрагментарная вариативность. Принятие курса на реорганизацию образовательного процесса, политической и

общественной жизни повлечет за собой перемены во всех социальных институтах, важнейшим из которых и является образование, так как оно обеспечит культурную преемственность поколений и подготовит индивида к выполнению социальных и профессиональных ролей. Процесс построения правового демократического общества, по сути, являясь позитивным, касается всех членов социума и способен изменять систему нравственных ориентиров и поведенческих норм. Вытесняя устоявшиеся стереотипы социальных связей и отношений, семейных и религиозных ценностей, данный процесс способен перестроить государственную систему защиты интересов индивида в труде и собственности. Параллельно изменяется и законодательство, причем весьма стремительно. К тому же обновление юридических норм приводит не только к положительным результатам, но также может повлечь за собой определенные издержки вследствие возможного несовершенства вводимого закона, отсутствия опыта его применения, произвола отдельных лиц и органов исполнительной власти. В связи с этим могут возникать проблемы социально-педагогического характера, решение которых, однако,

находится в правовой плоскости. Понятие «проблема» в широком смысле трактуется как сложный теоретический вопрос, нуждающийся в урегулировании, а в узком смысле – как ситуация, характеризующаяся недостаточностью средств для достижения некоторой цели. Таким образом, любую проблему в области теории или практики можно обозначить как задачу, требующую разрешения. Следовательно, педагогические проблемы – это нерешенные задачи педагогической теории и практики. Проблема построения целостного образовательного процесса в педагогике всегда выделялась как основная, так как только в этом случае могли быть созданы условия, обеспечивающие целенаправленность образовательного процесса, – качества, характеризующие его как педагогический [2, с. 107]. Инновационные процессы в отечественном образовании осуществляются достаточно высокоинтенсивно. При этом накопленный фактический материал и результаты исторических исследований позволяют обнаружить заметную тенденцию в активизации поиска путей совершенствования образования. Очень часто приходится обращаться к проблемам педагогической культуры будущих специалистов, которая, с одной стороны, рассматривается в качестве результирующего элемента профессиональной подготовки, а с другой – отражает эффективность постановки педагогического процесса в вузе.

Происходящие инновационные процессы в образовании и методике преподавания ставят новые задачи перед специалистами, отвечающими за подготовку будущих профессионалов [4, с. 188]. Наиболее актуальным нам представляется разработка обновленной системы профессиональной подготовки преподавателей. Эта цель может быть реализована за счет ориентирования педагогов на эффективное взаимодействие с обучающимися вместо манипулирования ими. При этом необходимо уметь налаживать активное участие обучающихся в образовательном процессе, мотивировать их стремление к саморазвитию. Таким образом, акцент в научно-прикладных исследованиях по подготовке специалистов в области профессионального образования «должен переместиться с объяснения педагогических феноменов, наблюдаемых в их деятельности, на разработку практических решений, направленных на

совершенствование этой деятельности в самых разнообразных организационно-управленческих структурах и социально-педагогических ситуациях» [5, с. 67].

Ситуация в сфере юридического образования, которая сложилась в начале XXI века, требует внесения существенных корректив в систему подготовки юридических кадров. На наш взгляд, квалифицированный юрист должен являться всесторонне развитым и глубоко образованным человеком, который способен аккумулировать и использовать в своей деятельности достижения отечественных и зарубежных ученых, а также чувствовать себя уверенно и свободно в новых общественно-политических и правовых реалиях. Система юридического образования в течение последних двадцати лет подверглась огромным изменениям, многие из которых обладают неоднозначным характером. Так, юридическое образование становится «массовым»: ранее никогда вузами не выпускалось такое количество специалистов в сфере юриспруденции. Это, во-первых, способствует повышению уровня правосознания граждан и делает сферу права более значимым социальным регулятором. Однако у многих возникает ощущение, что юристом может стать любой. Во-вторых, юридическое образование проделало огромный путь в рамках процесса развития автономии вузов. Проведенный нами сравнительный анализ государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлению «Юриспруденция» показал, что вектор изменений явно направлен в сторону большей самостоятельности вузов в определении места учебных дисциплин в учебном плане, их содержательного наполнения, выбора количества часов и так далее. В-третьих, произошел переход к двухуровневой системе юридического образования. Таким образом, сегодня, по мнению исследователей, отечественная научная юриспруденция находится на распутье, а последнее десятилетие можно назвать временем поиска новой парадигмы. Наступил «момент истины»: сможет ли российское юридическое образование стать полностью адекватным не только ситуативным социальным запросам, но и идеалам современной науки, способным объяснить текущее настоящее и эффективно прогнозировать и проектировать принципиальное будущее права.

Следует отметить, что экономическая среда испытывает острую нехватку компетентных специалистов, обладающих навыками правовой деятельности в различных юридических областях с фундаментальной университетской правовой подготовкой, позволяющей осуществлять глубокий анализ проблем развития отечественной и зарубежной государственности, национального и международного права. Отсутствие такого рода специалистов является неблагоприятным фактором правового сопровождения инновационных процессов, происходящих в современной России.

Также к одной из острейших проблем современной российской юридической науки специалисты относят сохранение научных школ и преемственности научных традиций. Мировой опыт организации юридической науки свидетельствует о том, что потерю научных традиций, которые способны заложить лишь ученые высшей квалификации, даже при благоприятных экономических условиях допускать не следует, так как их невозможно восполнить за короткий промежуток времени. Для создания полноценных научных школ при самых благоприятных условиях требуется сформировать два или даже три поколения ученых. Отсутствие всесторонней поддержки обучения научных и научно-педагогических кадров, вне всякого сомнения, приведет к снижению инновационной направленности экономического роста нашей страны, к «проеданию» научного потенциала в качестве основного ресурса устойчивого экономического роста.

В образовательной системе госслужащие выполняют одну из важнейших функций – функцию администрирования, то есть управление через приказы, различные предписания, основанные на законах и правовых нормах, отражающих различные аспекты правовой культуры определенного социума. Таким образом, правовая культура общества тесно связана с культурой педагогической. Именно поэтому следует уделять приоритетное внимание интеграции педагогики в юридическую науку, однако сегодня данная проблема исследована недостаточно, так как таковой практики не существует. На наш взгляд, необходимо разработать новый подход к ее разрешению посредством формирования и развития юридической педагогики как особой научной отрас-

ли с учетом ее историко-педагогических особенностей.

Педагогика и юриспруденция имеют общую гуманитарную направленность и единое ориентационное пространство. Это подтверждается наличием общего терминологического аппарата (перевоспитание несовершеннолетних правонарушителей, исправительно-трудовая педагогика, беспризорность, правовое воспитание, детская безнадзорность, семейная политика и право, семейная педагогика и другие). Кроме того, в правоведческой деятельности наблюдаются значительные ресурсы педагогического характера. Следует отметить, что преподаватели и юристы никогда не имели между собой демаркационной линии. Например, такие исследователи, как Ю. К. Бабанский, С. В. Дармодехин, Т. Н. Петрова, Э. И. Сокольникова, Ф. Ф. Харисов, рассматривают юридические проблемы в интегративном ракурсе.

Как мы видим, специфика и направленность указанных проблем характеризуются объективными процессами взаимодействия и интеграции правовой и педагогической сфер жизни общества, что предполагает необходимость целостного изучения философско-правовых аспектов в системе современного юридического образования.

«Задача построения образовательного процесса как целостности одинаково актуальна и решается как на уровне педагогических исследований, так и на уровне практической педагогической деятельности. Педагогической теорией строится образ, проект образовательного процесса, фиксирующий те его характеристики, которые при их воспроизводстве должны обеспечить целостность педагогического процесса. Педагогическая практика должна обеспечить такую реализацию построенного проекта педагогического процесса, которая бы воссоздала спроектированную целостность» [2, с. 108].

Рассмотрим основные функции юридической педагогики:

1. Научно-теоретическая – состоит в изучении сущности педагогических процессов юридической науки, а также структуры, механизмов и специфики формирования личности в направленном влиянии и взаимодействии, предпосылок установления благоприятных условий для всестороннего раскрытия потенциа-

ла каждого человека, включенного в данное взаимодействие.

2. Конструктивно-техническая – направлена на разработку различных технологий и методик исследуемых процессов и явлений юридической науки. Если бы педагогическая наука изучала лишь воспитательный процесс и законы его функционирования, она не имела бы практической направленности и не могла использоваться в прикладных аспектах. Однако педагогика – это практико-ориентированная прикладная наука, созданная для того, чтобы объяснить процесс воспитания и определить цели, задачи, методы и средства обучения индивида, опираясь на разрабатываемый философией гуманистический идеал.

3. Прогностическая функция определяется научной теорией, которая глубоко и всесторонне исследует предмет, перспективы развития всей науки и отдельных ее направлений, появление новых. Прогностическая функция направлена на исследование и прогнозирование путей развития системы образования, а также отдельных ее ступеней [3, с. 48–49].

В Российской Федерации значимость юридической педагогики может определяться задачами перехода к правовому государству, демократическому обществу и, как следствие, рыночной экономике. Обновленные социальные и экономические условия в большой степени интенсифицируют традиционную проблему образования: поиск тех идеалов, которые могут стать основой главного компонента любой образовательной системы – целеполагания. Этот элемент системы образования определяет ряд конкретных средств достижения вышеуказанных целей и те критерии оценивания полученных результатов, которые корректируют ход воспитательно-образовательного процесса. В условиях модернизации права и юридического образования вопрос о формировании правовой культуры будущих госслужащих, их правосознания, ценностных ориентаций приобретает особое значение.

Система юридического образования сегодня имеет ряд проблем, ключевой из которых является выработка основных направлений правовой политики. На наш взгляд, в основе юридического образования должна стоять модель специалиста, ориентированная на удовлетворение потребностей го-

сударства. В связи с тем, что данные модели все еще не разработаны, существует необходимость анализа взаимоотношений правовой идеологии и юридического образования, а также правовой культуры юриста и юридической доктрины в современной России.

Таким образом, возникает проблема исследования профессиональной правовой культуры юристов в связи с педагогическим воздействием юридического образования. Это обусловлено той ролью, которую юрист играет в обеспечении эффективного функционирования механизма правового регулирования на всех его стадиях. Уровень компетентности юристов, прежде всего, определяет как качество правового регулирования, так и отношение рядовых граждан к праву и правовым институтам. Другими словами, авторитет права и государства, уровень правового сознания, правовой культуры населения во многом зависят от профессионализма юридических кадров. Однако именно качество подготовки юристов является наиболее острой проблемой современного юридического образования. Следовательно, исключительную актуальность приобретают воспитательно-правовые аспекты качественного обновления системы юридического образования. Подготовка обучающихся, а также наличие у них не только определенного уровня компетентности в области правоведческих дисциплин позволяют развить необходимый стиль юридического мышления, навыки познания права, правоотношений, правовой культуры [1, с. 17].

Формирование правовой культуры личности студента в процессе обучения в юридическом вузе увеличивает значимость юридической педагогики. В федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования не заложена полноценная концепция юридического воспитания. Для создания основы профессионально-юридического воспитания необходимо проведение дополнительных исследований с участием специалистов в области педагогики, психологии и юриспруденции. Важнейшим фактором благоприятного решения проблем юридического образования является использование в высшем учебном заведении не только внеаудиторной, но и воспитательной работы во время традиционных занятий. Для этого представляется необходи-

мым выработать рекомендации по оптимальному сочетанию обучения и воспитания в рамках юридического образования. При этом следует учитывать, что данные процессы взаимосвязаны: правовое воспитание реализуется посредством правового образования и наоборот. Формирование правовой культуры обучающегося обеспечивается совокупностью определенных педагогических условий. Например, достигается необходимый уровень качества окружающей правовой среды, выступающей мощным детерминирующим фактором правовой грамотности студента. Кроме того, необходимо кадровое обеспечение учебно-воспитательного процесса в вузе, прове-

дение специальной научной и методической подготовки преподавателей юриспруденции, а также постоянное совершенствование содержания, форм и методов правового образования и воспитания. Только при этих условиях возможно формирование положительной мотивации профессиональной деятельности будущего юриста, а также таких качеств, как глубокое уважение к закону, ценностям правового государства и так далее. Следовательно, правовое воспитание есть формирование уважительного отношения к закону, понимание закона как важной социальной ценности каждого индивида.

Литература

1. Алешина Е. А. Формирование правовой культуры в процессе юридического образования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.
2. Власова В. Н. Философия образования: учебное пособие. Ростов н/Д, 2016.
3. Коровяковский Д. Г. Философско-правовые аспекты развития юридической педагогики как вида отраслевой педагогики // Образование и право. 2014. № 11–12.
4. Нефедов И. В. M-learning и E-learning как основа разработки современных учебных программ по методике преподавания РКИ // X Международные севастопольские кирилло-мефодиевские чтения: сборник научных работ. Севастополь, 2016.
5. Рудченко А. В. К проблеме формирования и развития юридической педагогики как научной области // Право и образование. 2008. № 1.
6. Чернышенко О. В. Игровые технологии как лингводидактическое средство при обучении русскому языку как иностранному // Казанский педагогический журнал. 2016. № 6.

Bibliography

1. Alyoshina E. A. Formation of legal culture in the course of legal education: abstract dis. ... PhD in law. Rostov-on-Don, 2008.
2. Vlasova V. N. Education philosophy: manual. Rostov-on-Don, 2016.
3. Korovyakovskiy D. G. Philosophical and legal aspects of development of legal pedagogics as type of branch pedagogics // Education and right. 2014. № 11–12.
4. Nefedov I. V. M-learning and E-learning as a basis of development of modern training programs by a technique of teaching RKI // X International Sevastopol kirillo-mefodiyevsky readings: collection of scientific works. Sevastopol, 2016.
5. Rudchenko A. V. To a problem of formation and development of legal pedagogics as scientific area // Right and education. 2008. № 1.
6. Chernyshenko O. V. Game technologies as linguo-didactic means when training in Russian as foreign // Kazan pedagogical magazine. 2016. № 6.

Гаврилова Юлия Александровна
Gavrilova Yuliya Aleksandrovna

доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd State University, PhD in Law,
Associate Professor.
Тел.: 8 (927) 526-03-03.

Гаврилов Дмитрий Анатольевич
Gavrilov Dmitry Anatolyevich

доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd State University, PhD in Law,
Associate Professor.
Тел.: 8 (927) 520-10-77.

**КОНЦЕПТЫ «ЖИЗНЬ» И «ЗДОРОВЬЕ» И ИХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ
ЗАКРЕПЛЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**The concepts of «life» and «health» and its regulatory consolidation
in the legislation of the Russian Federation**

Статья посвящена проблеме нормативно-правового закрепления в законодательстве Российской Федерации концептов «жизнь» и «здоровье». Обсуждается философско-гуманитарный взгляд на жизнь и здоровье как экзистенциальные понятия, которые при их осмыслении в государственно-правовой сфере трансформируются в базовые правовые концепты, нуждающиеся в официальных законодательных гарантиях защиты и охраны.

Ключевые слова: жизнь, здоровье, концепт, норма права, ценность, смысл права.

The article is devoted to legal fixation in the legislation of the Russian Federation of the concepts «life» and «health». It substantiates philosophical and humanitarian outlook on life and health as existential concepts, which have in their reflection in the state and legal sphere transformed in basic legal concepts that require official legislative guarantees for protection.

Keywords: life, health, concept, rule of law, value, sense of entitlement.

В юридической науке под влиянием естественно-правовой доктрины сложилось отношение к праву на жизнь как неотчуждаемому и вытекающему из природы человека, а впоследствии развитие концепции социального государства выдвинуло на первый план и право на охрану здоровья. В то же время, проанализировав содержание этих феноменов, приходим к выводу, что имеется очевидный пробел. Жизнь и здоровье не рассматриваются в виде обобщенных смысловых конструкций, то есть концептов, в которых всеобщее их понятийно-терминологическое знание соединено с максимальным объемом конкретно-исторического опыта их понимания и переживания у многих индивидов и социальных групп, народов и государств.

Идея жизни сама по себе выражает активное, идущее с затратой полученной извне энергии поддержание и самовоспроизведение специфической структуры [1, с. 357], то есть самоорганизацию и динамику, хотя полностью отвергать наличие в составе жизни стабильности и порядка, необходимых, в частности, для права, было бы неправильно. Если попытаться осмыслить здоровье как особый и самостоятельный аспект жизни, то это состояние правильного, гармоничного взаимодействия организма человека и его отдельных функций с окружающей средой, которое позволяет ему активно участвовать в социальной практике как при отсутствии болезней, так и субъективных ощущений их симптомов (нездоровья) [2, с. 42, 43]. Перефразируя А. Шопенгауэ-

эра, можно заметить, что здоровье – это еще не вся жизнь, но без здоровья она (жизнь. – *Авт.*) совершенно ни к чему.

Традиционно жизнь и здоровье относятся к числу базовых ценностей общества, закрепленных в преамбуле Конституции Российской Федерации (ст. 20, 41 и 55). Однако выведение их в юридической науке на уровень конституционной значимости обусловлено тем, что они имеют экзистенциальный характер, неразрывно связаны с фундаментальным существованием человека, а также с конкретным опредмеченным его бытием в сфере правового регулирования. Иными словами, акт конституционного закрепления жизни и здоровья – это аксиологически предопределенная смысловая трансформация в правовую систему государства философско-гуманитарных представлений общества и личности об этих феноменах. Ж. П. Сартр писал: «Пока вы не живете своей жизнью, она ничего собой не представляет, вы сами должны придать ей смысл, а ценность есть не что иное, как этот выбираемый вами смысл. Тем самым вы обнаруживаете, что есть возможность создать человеческое сообщество» [3, с. 319–344].

В современной общенаучной литературе постепенно формируется взгляд на жизнь и здоровье как на экзистенциальные концепты. В решении данного вопроса значительных результатов достигли представители языкознания и философии. При анализе и сопоставлении антропологических, социальных и культурных оснований мироздания рассматриваемые нами категории выделяются среди других экзистенциальных концептов (таких как смерть, время, судьба, одиночество и т. п.) своей общезначимостью [4, с. 5; 5, с. 12].

В юридической литературе экзистенциальная сущность концептов жизни и здоровья не раскрыта должным образом, так как в процессе нормативно-правового закрепления они осмысливаются в формальном, догматическом плане как некоторые, пусть и основополагающие, объекты, которыми вправе обладать человек и на защиту которых должны быть нацелены общепризнанные нормы и принципы международного права, конституционные источники права отдельных стран.

С позиции юридической оценки общесоциальных феноменов жизни и здоровья человека объектами правовой защиты и охраны

являются и ценностно-мировоззренческие основания, и нормативные модели регулирования всех общественных отношений, связанных с жизнью и здоровьем. Под нормативно-правовым закреплением в законодательстве Российской Федерации концептов «жизнь» и «здоровье» предлагается понимать внешнюю объективацию в позитивных источниках права идеологически мотивированных модальных решений по отношению к жизни и здоровью как социально признанным и государственно гарантированным ценностям, что преобразует их в базовые правовые концепты.

Следует подчеркнуть, что универсальность и всеобъемлющее значение концептов жизни и здоровья состоят в том, что законодательство не только регулирует юридические последствия наступления смерти другого человека или нанесения ему морального вреда, но и предусматривает правовые механизмы защиты и охраны интересов самого нарушителя в процессе назначения и исполнения наказания, что соответствует требованиям законности, справедливости и гуманизма.

Впервые вопрос о безусловной защите концепта жизни преступника от применения смертной казни рассматривался в постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 02.02.1999 № 3-П по делу о проверке конституционности положений ст. 41 и ч. 3 ст. 42 УПК РСФСР, пп. 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан.

В связи с тем, что после принятия Конституции Российской Федерации Федеральное Собрание располагало достаточным временем для выполнения предписаний ст. 20 (ч. 2) и абзаца первого пункта 6 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Основного закона, Конституционный суд принял решение признать п. 1 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года в той мере, в какой он далее не обеспечивает на всей территории Российской Федерации реа-

лизацию права обвиняемого в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, не соответствующим ст. 19, 20 и 46 и Конституции России, а впредь до принятия соответствующего федерального закона в качестве меры наказания смертную казнь не назначать [6, ст. 867].

Определением Конституционного суда Российской Федерации от 19.11.2009 № 1344-О-Р разъяснено, что в России уже длительное время существует мораторий на смертную казнь. В результате сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, то есть на реализацию цели, закрепленной ст. 20 (ч. 2) Конституции Российской Федерации [7, ст. 226].

В Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 25.02.2016 № 6-П по делу о проверке конституционности п. 1 ч. 3 ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. С. Лымарь установлено, что оспоренными нормами права для женщины, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, исключалась возможность рассмотрения уголовного дела с участием судьи областного суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей со ссылкой на ч. 2 ст. 57 и ч. 2 ст. 59 УК РФ, в которых говорится о том, что пожизненное лишение свободы и смертная казнь женщинам назначены быть не могут. Установив приоритет прямого применения Конституции РФ (ч. 2 ст. 20), суд нормативно закрепил концепт жизни с учетом его гендерной актуализации [8].

В конституционном праве жизнь и здоровье понимаются как абсолютные блага, имеющие многосложный смысл, который требует определенного содержательного развертывания на уровне отраслевого законодательства.

Это достигается путем формализации степени посягательств на эти феномены в так называемых оценочных понятиях, смысл которых уясняется в каждом конкретном случае применения закона, а поэтому перечень характеризующих их критериев и признаков не может быть исчерпывающим.

В Уголовном кодексе Российской Федерации концепты «жизнь» и «здоровье» употребляются в значении объектов уголовно-правовой охраны, посягательства на которые представлены в качестве преступлений и наказываются максимально строго. К числу существенных признаков этих посягательств относятся: 1) смерть человека (ст. 105); 2) применение насилия, *опасного* для жизни и здоровья, а равно угроза его применения; 3) применение насилия, *не опасного* для жизни и здоровья, либо угроза его применения (ст. 161–163); 4) нахождение или постановка в *опасное* для жизни или здоровья состояние (ст. 125); 5) совершение способом, *опасным* для жизни и здоровья многих людей (ст. 127.1); 6) сокрытие обстоятельств, создающих *опасность* для жизни или здоровья людей (ст. 237); 7) выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям *безопасности* жизни или здоровья потребителей (ст. 238); 8) совершение действий, подвергающих *опасности* жизнь, здоровье (ст. 361); 9) причинение *тяжкого, средней тяжести* либо *легкого* вреда здоровью (ст. 111–118); 10) причинение *существенного* вреда окружающей среде (ст. 247) или угроза причинением *тяжкого* вреда здоровью человека, если имелись основания *опасаться* осуществления этой угрозы (ст. 119).

В юридической литературе постоянно ведется дискуссия о соотношении абстрактного и казуистического способов формулирования законодательной воли. Думается, что в ходе нормативно-правового закрепления в законодательстве Российской Федерации концептов жизни и здоровья не всегда оправдано использование абстрактного метода, так как это нередко приводит к попыткам интерпретации одних оценочных понятий через другие. Известно, что конкретное определение степени тяжести последствий преступления в уголовном праве и процессе устанавливается в заключении судебной экспертизы. В целях укрепления регулятивного потенциала и эффективности

прямого действия закона необходимо включить в него более конкретизированные показатели оценки уровня опасности того или иного воздействия на жизнь и здоровье лица. В таком случае эксперт должен будет только подготовить акт индивидуальной оценки параметров и их сравнения по степени выраженности основных признаков явления.

Е. В. Медведев справедливо отмечает, что термин «опасность» используется при описании состояний объективной действительности, обладающих поражающими или разрушительными свойствами, например, в области обеспечения обороны и безопасности, экологии и медицины, однако легальную дефиницию имеет только парное с ним понятие «безопасность» [9, с. 120]. В то же время считаем, что автор рассматривает именно языковые аспекты законодательной техники изложения вопроса, но сам концепт опасности он лишь декларирует, подробно не анализируя.

Например, в п. 21 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснено, что под насилием, *опасным* для жизни или здоровья (ст. 162 УК РФ), следует понимать такое насилие, которое повлекло причинение *тяжкого* и *средней тяжести* вреда здоровью потерпевшего, а также *легкого* вреда здоровью, вызвавшего *кратковременное* расстройство здоровья или *незначительную* стойкую утрату общей трудоспособности [10]. Конкретизация признаков этих оценочных понятий для целей оптимизации их неоднократного последующего применения, уточнения их типичного содержания осуществляется в судебной практике, но это уже выходит за рамки самого понятия нормативно-правового закрепления концептов.

В Гражданском кодексе Российской Федерации используется общий подход, в соответствии с которым жизнь и здоровье – это нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения и подлежащие защите судом путем выплаты соразмерной денежной компенсации (ст. 150). Помимо этого, защита жизни и здоровья квалифицируется как основание правомерного ограничения перемещения товаров и услуг на территории Российской Федерации (ст. 1); требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровья гра-

жданина, удовлетворяются в первую очередь при ликвидации юридического лица (ст. 64) либо при недостаточности денежных средств на банковском счете должника (ст. 855); на них не распространяется исковая давность (ст. 207); они не могут быть предметом залога или уступки прав третьим лицам (ст. 336 и 383); не допускается зачет этих требований (ст. 411); сохранение их достойного уровня – один из показателей разумности и добросовестности действий стороны по договорам дарения или ренты (гл. 32 и 33); это объекты страхования (ст. 927) либо специальной группы обязательств из причинения вреда (§ 2 и 3 гл. 59) и так далее.

В научной доктрине и судебной практике пока еще недостаточно внимания уделяется понятиям «имущественный ущерб», «вред», «убытки» и другим, в содержании которых, как отмечает Д. Н. Титаренко, остается много неясностей [11, с. 146]. Каждое из них затрагивает концепт жизни или здоровья в различной степени, и это может влиять на результаты рассмотрения судебных дел в части присужденной суммы вреда.

Наконец, в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Основы) жизнь и здоровье рассматриваются как взаимно обусловленные смыслообразующие концепты, определяющие цели, задачи и особенности нормативного регулирования вопросов социальной сферы [12]. Законодатель при этом использует характеристики, отражающие идеализированное, желаемое состояние ее функционирования: «поддержание долголетней активной жизни», «здоровый образ жизни», «качество жизни», «сохранение жизни», «спасение жизни», «устранение угрозы жизни или здоровья» и другие (ст. 2 и 4). Согласно ч. 2 ст. 18 Основ право на охрану здоровья обеспечивается защитой окружающей среды, созданием безопасных и благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией продуктов питания соответствующего качества, безопасных и доступных лекарственных препаратов, а также оказанием квалифицированной медицинской помощи.

Н. Н. Седова и А. В. Басов отмечают, что, например, успешность лечения зависит от фак-

тора веры, желания, симпатии больного к врачу и т. п., перерастающего в качество особого типа персонализированной медицины, где важную роль играют этические нормы, принципы и экспертные оценки [13, с. 21]. В Основах вопросы биоэтического сопровождения мероприятий по защите здоровья затронуты только в ст. 6, 36.1 и 73, соответственно, напрашивается вывод о расширении области их верификации как на уровне научных исследований, так и главным образом в практике социального законотворчества.

Завершая наши рассуждения, отметим, что жизнь и здоровье обладают предельной аксиологической значимостью для личности в системе культуры. С точки зрения философско-

гуманитарного подхода жизнь и здоровье выступают в качестве экзистенциальных концептов, но при их осмыслении в государственно-правовой сфере они трансформируются в базовые правовые концепты, выполняющие многофункциональную смысловую нагрузку. Отсюда нормативно-правовое закрепление в российском законодательстве жизни и здоровья именно как базовых правовых концептов содействует его непрерывному совершенствованию, так как направлено на продуктивный синтез всеобщих теоретико-практических знаний и конкретных опытных размышлений каждого субъекта о жизни и здоровье в историко-актуальной перспективе.

Литература

1. Жизнь // Биологический энциклопедический словарь / под ред. М. С. Гилярова. М., 1989.
2. Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2003.
3. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.
4. Тарасенко В. В. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознания разноязычных носителей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008.
5. Прохорова Н. И. Концепт «жизнетворчество» в художественной картине мира Б. Ю. Поппавского: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2007.
6. Собрание законодательства РФ. 1999. № 6.
7. Российская газета. 2009. 27 ноября.
8. Вестник Конституционного суда РФ. 2016. № 4.
9. Медведев Е. В. Концепт «опасность» в нормативно-правовой интерпретации // Право и безопасность. 2012. № 3–4.
10. Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 2.
11. Титаренко Д. Н. Понятие и состав вреда, причиненного жизни или здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3.
12. Собрание законодательства РФ. 2011. № 48.
13. Седова Н. Н., Басов А. В. Этические параметры персонализированной медицины // Биоэтика. 2015. № 2.

Bibliography

1. Life // Biological encyclopedic dictionary/ under the editorship of M. S. Gilyarov. Moscow, 1989.
2. Health psychology / under the editorship of G. S. Nikiforov. St. Petersburg, 2003.
3. Sartre J. P. Existentialism is a gum-land // The twilight of the gods. Moscow, 1989.
4. Tarasenko V. V. The Concepts «life» and «death» in the language system and the minds of different language media: abstract dis. ... PhD in philology. Kemerovo, 2008.
5. Prokhorova N. I. The concept of «giznetvorchestvo» in the artistic picture of the world B. Yu. Poplavsky: abstract dis. ... PhD in cultural sciences. Saransk, 2007.
6. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1999. № 6.
7. Russian newspaper. 2009. 27 Nov.
8. The Bulletin of the constitutional Court of the Russian Federation. 2016. № 4.
9. Medvedev E. V. The concept of «risk» in legal interpretation // Law and security. 2012. № 3–4.
10. The Bulletin of the Supreme Court. 2003. № 2.
11. Titarenko D. N. The concept and composition of the harm caused to the life or health of the worker at execution of labour duties // Gaps in Russian legislation. 2011. № 3.
12. Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2011. № 48.
13. Sedova N. N., Basov A. V. Ethical parameters of personalized medicine // Bioethics. 2015. № 2.

Гулевский Алексей Николаевич
Gulevsky Alexey Nikolaevich

доцент кафедры философии Волгоградской академии МВД России кандидат философских наук.
Associate Professor, Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, PhD in Philosophy.
E-mail: gulewski@rambler.ru

Гулевская Наталья Анатольевна
Gulevskaya Natalia Anatolievna

доцент кафедры философии и права Волгоградского государственного технического университета кандидат исторических наук.
Associate Professor, Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University, PhD in History.
E-mail: gulevskaya@mail.ru

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА
Alienation as a social-philosophical problem

Современный уровень развития техники открывает как возможности и перспективы, так и ставит новые проблемы перед глобализирующимся человечеством. Человек оказывается заброшенным в принципиально новый для него тип социального бытия, основными характеристиками которого являются динамичность, уплотненность, однородность. Преобразуя индивидуальное самосознание человека, новая парадигма общего бытия обнажает проблему взаимоотношений личности и общества. От решения проблем, связанных с феноменом отчуждения человека от самого себя и от общества, зависит, как отмечают авторы, сможем ли мы наладить межкультурный диалог, преодолеем ли межличностные конфликты.

Ключевые слова: отчуждение, философия права, борьба, самоотчуждение, трансгуманизм, объективация.

The modern level of development of the equipment opens as an opportunity and prospect, and puts new problems for the globalized mankind. The person is thrown in type of social life, essentially new to him, which main characteristics are: dynamism, compaction, uniformity. Transforming individual consciousness of the person, the new paradigm of the general life bares a problem of relationship of the personality and society. From solution of problems, connected with a phenomenon of alienation of the person from themselves and from society, depends whether we will be able to adjust cross-cultural dialogue, whether we will overcome the interpersonal conflicts.

Keywords: alienation, legal philosophy, struggle, self-alienation, transhumanity, objectivization.

Термин «отчуждение» (от нем. Entfremdung, англ. alienation) пришел в философию из юриспруденции, где используется в настоящее время, например, в значении отчуждения прав в чью-либо пользу. В философии этот термин впервые использован в концепции «общественного договора», где употреблялся в смысле добровольной передачи гражданами части своих прав, в том числе права применять силу, правителю, который должен был обеспечить безопасность граждан внутри определенных политических границ. Этот процесс был разнообразно оценен философами. Некоторые отнесли к отчуждению прав граждан положительно,

считая, как, например, английский философ Т. Гоббс, что такое отчуждение разумно и необходимо, так как поможет человеку преодолеть «войну всех против всех». Другие философы, например Ж.-Ж. Руссо, полагали, что отчуждение прав у человека губительно, так как приведет к потере им естественного состояния, разорвет его связи с природой, уничтожит в человеке первобытного дикаря, приведет к появлению цивилизации, роскоши и неравенства.

Продолжение анализа проблемы отчуждения можно обнаружить в немецкой классической философии у Г. В. Ф. Гегеля. Мыслитель трактовал отчуждение в значении объектива-

ции. Например, когда Гегель говорит о природе, человеке и обществе, то считает их объективациями «мирового разума». Дух «опредмечивает» себя в природе, отчуждая ее от себя. Подобный подход использовал еще античный философ Платон, полагая, что вещи суть объективированные или превращенные в объект идеи. Материализованные идеи или вещи представляют собой отчуждение идеального. Человек, создающий культуру, также «опредмечивает» свои идеи. Процесс объективации Г. В. Ф. Гегель находил естественным и не высказывал по этому поводу негативных оценок.

Развитие проблемы отчуждения в истории философии получило в трудах немецких философов Л. Фейербахом и К. Марксом. В своей работе «Сущность христианства» Л. Фейербах утверждает, что христианский Бог есть продукт отчуждения от человека его наилучших качеств либо того, что хотел бы иметь сам человек как некое идеальное существо, – Бога. Такие понятия, как добро, любовь, справедливость, красота присущи самому человеку, и, придумывая Бога, он как бы отчуждает от себя свои лучшие качества, наделяя ими Бога как объективацию лучших качеств человека, плод его фантазий. Такое отчуждение Л. Фейербах оценивал негативно. Он полагал, что люди были бы гораздо лучше, если бы не передавали свои ценные качества куда-то на небо, а оставили бы их себе, приписывали бы их себе, а не Богу, а следовательно, были бы гораздо более добродетельными. В результате люди, по мнению Л. Фейербаха, стали считать себя хуже, чем они есть, и получили определенное оправдание своим злым делам, так как могли бы всегда заявить, что они не Боги, поэтому несовершенны. Таким образом, в философии возникает негативное отношение к церкви как институту, забирающему в процессе отчуждения у человека нечто важное для него [5, с. 65–74].

К. Маркс в XX веке сделал термин отчуждение популярным среди философов, предложив собственную его трактовку. Он анализировал отчуждение с точки зрения приоритета в обществе экономических отношений. По мнению мыслителя, труд рабочего отчуждается от него самого по многим причинам. С одной стороны, механизированный труд на заводе лишает рабочего возможности применить свои творческие способности, так как изготов-

ление промышленной продукции представляет некий стандартизированный, однообразный процесс, в котором не требуется размышлять, отчуждая творчество и удовлетворенность сделанной работой. С другой стороны, результаты этого труда принадлежат капиталисту, и, значит, продукты труда отчуждаются от их создателей. Рабочий является нанятым на работу, он не может отказаться от нее, так как он должен себя кормить, а другой работы в капиталистическом обществе он не найдет. В своем труде «Экономическо-философские рукописи 1844 года» К. Маркс пишет: «В чем же заключается отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а истощает свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это – принудительный труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому. Подобно тому, как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, то есть в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя» [2, с. 101]. В этом смысле размышления К. Маркса похожи на доводы Л. Фейербаха, и если последний считал, что нравственность отчуждена у челове-

ка религией, то первый утверждал, что труд отчужден у рабочих капиталистами. Труд становится бесчеловечным, обезличенным, машинным, а, по мнению К. Маркса, должен быть естественным и свободным.

Идеи К. Маркса относительно проблемы отчуждения были развиты в неомарксизме. Философы Г. Маркузе и Э. Фромм, критикуя капиталистическое западное общество, касались и проблемы отчуждения. Э. Фромм в работе «Здоровое общество» [6, с. 26–34] и Г. Маркузе в «Одномерном человеке» [3] выступили не только как неомарксисты, но и как неофрейдисты. З. Фрейд, как и ранее Ж.-Ж. Руссо, справедливо полагал, что культура, созданная человеком, цивилизация в виде «супер-эго» вступают в конфликт с его естественной природой, бессознательным Оно. Полем для этого конфликта является сознательное Я. Капиталистическая культура сделала человека плоским, одномерным, утратившим все ценности, кроме навязанных ему ценностей производства и потребления. Он перестал думать об обществе, его заботит личная прибыль и здоровье. Таким образом, человек отчуждается от самого себя, перестает жить ради человека, а существует ради своих творений – объектов материальной культуры.

Интересные идеи относительно проблемы отчуждения высказали М. Хоркхаймер и Т. Адорно в своей работе «Диалектика Просвещения».

Авторы негативно оценивают итоги многолетнего развития западной цивилизации. Находясь под воздействием идей К. Маркса, они абсолютизируют отчуждение, понимая его уже не как идею отчужденного труда, а в смысле универсального отчуждения. Различные негативные явления и процессы, происходящие в обществе, М. Хоркхаймер и Т. Адорно считают следствием положенного в основу культуры Нового времени принципа господства и доминирования. В этот период познание стали рассматривать как инструмент, позволяющий господствовать. Однако в итоге, покорив природу, человек «настроил ее против себя». Он отчуждается от природы, и в каком-то смысле она отчуждается от человека. Возможным следствием такого отчуждения будут такие условия, при которых жизнь человека на земле может стать для него невыносимой, так как сама природа будет отвечать на

действия человека так, будто захочет избавиться землю от его присутствия [8].

Развивая сциентизм, человек стремился избавиться от церковного господства, но в результате создал новый инструмент подчинения – догматизм разума, который также направлен на порабощение одних людей другими. В итоге отчуждение человека от человека растет, попытки властвовать над чем-либо обрачиваются враждебностью и отчуждением тех, над кем пытаются властвовать.

Еще одним крупным течением философии, занимавшимся проблемой отчуждения, был экзистенциализм. Немецкий философ М. Хайдеггер также использовал в своей философии термин отчуждение. По его мнению, бытие человека может быть подлинным и неподлинным. Современное общество с присущей ему массовой культурой пребывает в неподлинном бытии. При этом люди не задумываются над смыслом своего существования, который отчужден от них, и постичь его можно, например, в так называемых «пограничных ситуациях» страха смерти. В современном обществе человек чувствует себя гостем, чуждым окружающему миру, он испытывает страх, одиночество, абсурдность своего существования.

Итак, отчуждение можно понимать в различных контекстах. Отчуждение как процесс, то есть объективация, превращения созданного человеком объекта в некую чуждую ему, враждебную порабощающую силу, существующую автономно и противостоящую человеку. Этими силами могут быть религия и церковь у Л. Фейербаха, государство у Ж.-Ж. Руссо, капитал у К. Маркса, экзистенциалисты выделили в качестве такой чуждой силы технику, которая отвлекает человека от себя, опосредует и вмешивается в человеческие отношения. Многие вещи могут стать для индивида фетишами, например, деньги и автомобили. Изначально деньги были созданы как посредники отношений между людьми, со временем превратившись в предмет поклонения и культ для человека. Из средства автомашины превращаются в цель, для достижения которой он начинает жертвовать чем-то важным. К таким силам можно также относить социальные институты, которые порождены человеком и отчуждаются от него: школа, церковь, армия, институт брака, бюрократия. Не

которые философы полагают, что школа отчуждает у человека естественную любознательность, желание быть творческим. Такую критическую позицию к школе как к социальному институту высказал австрийский философ И. Иллич в работе «Общество без школы» [1]. М. Фуко критиковал в своей философии тюрьмы и психиатрические лечебницы. Брак из живого стихийного союза влюбленных, заботящихся друг о друге людей превращается в набор социальных обязательств, выполнение долга. Брак отчуждает любовь у человека, заменяя ее обязанностями. В отчужденную силу превратились и СМИ, Интернет, ставшие проводником пропаганды и идеологии. Реклама принуждает человека покупать что-либо, даже ненужное, лишая его свободы, превращая в функцию капитализма, а также убеждает совершать новые покупки, без чего человек начинает чувствовать свою ущербность, неполноценность, отсталость от тех, кто приобрел этот товар. Критика массовой культуры заключалась в том, что она отчуждает у человека подлинную культуру, привязывает его к низменным интересам, удовлетворению примитивных эмоций, порочных, вульгарных вкусов, неприятным усредненным потребностям. Массовая культура, в отличие от культуры элитарной, не стремится сделать человека выше или лучше, она лишь веселит и развлекает его, не способствуя его развитию. Виртуальная среда отрывает, отчуждает современного человека от реальности, заставляя его примерять на себя жизнь вымышленных персонажей, все более уходя от проблем мира настоящего. В XXI веке возникают силы, влияющие на человека целенаправленно, стремящиеся усовершенствовать его природу. Существует программа трансгуманизма, которая использует науку для целенаправленного воздействия на человека, его трансформации в лучшую сторону (например, генетическая инженерия, трансплантология, создание искусственных органов и тканей, имплантантов, психофармакология, развивающая когнитивные способности человека). Также существуют новые репродуктивные технологии, методики продления жизни. Сторонники концепции трансгуманизма полагают, что человек не идеален, он страдает, болеет и умирает, поэтому нужно усовершенствовать с помощью науки его умственные и физические возмож-

ности. Основатель этого философского направления английский биолог Д. Хаксли в работе «Религия без Апокалипсиса» пишет о трансгуманизме как о новой вере и идеологии человечества. Человек мог бы продлить свою жизнь с помощью науки или избавиться от некоторых недостатков нравственности. Так, выявив участок мозга, отвечающий за склонность человека к взяточничеству и научившись влиять на него, можно вырастить людей, не берущих взяток, не склонных к коррупции или воровству либо насилию. В отношении этих идей существует и критика со стороны тех философов, которые считают неправильными попытки отчуждения у человека наукой его исконной природы, так как человек должен болеть, страдать и умирать, оставаясь несовершенным, как было изначально ему предписано Богом или природой. Все эти формы отчуждения свойственны капиталистическому индустриальному и постиндустриальному обществу.

В ином значении отчуждение можно понимать в контексте результата воздействия порожденной враждебной силы на человека, например, техникой. Первый контекст был связан с созданием враждебной поработочающей силы, а второй рассматривает отчуждение как процесс порабощения человека. Третий связан уже с результатом воздействия отчуждения на человека, когда он окончательно отказывается от своей подлинной сущности и подменяет ее искусственно созданной, ненастоящей. Для лучшего понимания контекста термина «отчуждение» следует использовать категорию «самоотчуждение». Человек в результате отчуждается от самого себя, раздваиваясь. В нем есть подлинная экзистенциальная сущность и неподлинная, искусственно созданная, но при этом актуализированная по отношению к подлинной. Человек при этом утрачивает свою человечность, становясь обезличенным, омассовленным существом. У отчуждения есть еще и психологический контекст, когда в связи с отчуждением мы говорим о тех чувствах, которые переживает человек, находясь под его воздействием: отчуждении или самоотчуждении. Переживая отчуждение, человек начинает ощущать себя вещью или функцией, частью какой-либо системы, механизма. Он осознает, что больше ничего не решает, ни на что не может влиять, не в силах что-либо изменить.

Находясь под прессом отчуждения, человек не понимает, кто он, в чем смысл его существования, чувствует, что живет какой-то ненасущей не своей жизнью, испытывает чувство скуки, пустоты, бессмысленности, собственной ненужности, бесполезности. Все эти переживания деструктивны по своему характеру, и человек, испытывающий их, обращается за помощью к психологам и психоаналитикам. Возникает новый тип невроза, когда пациент не может рассказать о себе и просит врача сделать это, так как не понимает, кто он и что с ним. Человеку плохо, скучно, он не хочет жить. Этот невроз, названный австрийским психиатром В. Франклом ноогенным, или экзистенциальным, возникает не из нереализованных сексуальных желаний, а из нереализованных творческих, духовных, интеллектуальных потребностей, связан с кризисом бессмысленности жизни, ощущением подавленности, пустоты. Отчуждение вызывает кризис идентичности, так как человек плохо понимает свою роль и место в обществе. Последствиями отчуждения в психологическом контексте могут быть различного рода девиации, в том числе суицид.

Исходя из вышесказанного мы можем начать критиковать современное общество, как делают это многие философы, однако не следует забывать о том, что термин «отчуждение» очень многозначен. Возникает иллюзия, что когда-то отчуждения не было, а потом оно внезапно появилось. М. Хайдеггер стремился в своей работе «Бытие и время» определить момент в истории, когда бытие человека было подлинным, а человек жил внутри наличного бытия и не противопоставлял его себе. Сначала М. Хайдеггер связывал это время с деятельностью философов досократиков, романтизируя прошлое, но в дальнейшем мыслитель пришел к выводу, что это время нужно искать намного глубже в истории, возможно, в первобытности [7]. Человеку свойственно поэтизировать прошлое, прославлять его, однако, возможно, это ошибочное представление, так как и в древности существовало отчуждение, только в других формах. Трудно найти период в истории человечества, когда бы человек мог чувствовать себя свободным. Создавая технику, человек стремился быть независимым от природы. Однако постепенно он попадает в зависимость от созданной им искус-

ственной реальности, так называемой «второй природы» – мира культуры. Современный человек находится во власти техники, если она перестает работать, то это вызывает серьезные проблемы. Другой иллюзией выступает желание преодолеть отчуждение. Можно предположить, что отчуждение легко побороть, однако в действительности получается только одни формы отчуждения заменить другими. Представляется возможным сгладить определенные формы отчуждения, например, гуманизировать труд, сделать рабочих совладельцами предприятия, на котором они трудятся, увеличить отпуск, зарплату, страховки и так далее. Однако создать общество, где все население будет трудиться свободно, без необходимости и принуждения, пока невозможно.

Итак, вряд ли возможно избежать процессов отчуждения, и поэтому не стоит их сильно бояться. Все, что создает человек, живет своей собственной независимой жизнью, отрываясь от человека. Даже слова, записанные за человеком или самим человеком, могут быть иначе поняты другими людьми. Все, что создает человек, может быть использовано против него, так как живет самостоятельной жизнью. Идеи немецких философов Ф. Ницше и К. Маркса трактовались нацистами и большевиками далеко не так, как могли бы этого хотеть сами философы.

Создание человеком культуры является, по сути, способом его адаптации к изменчивой окружающей среде. Однако к вновь созданной среде необходимо также приспособиться, вливаться в нее. Человек находится внутри двух сред – естественной и искусственной. Искусственная среда влияет на человека, он принимает искусственную пищу, ведет малоподвижный образ жизни, создает искусственные помещения для своего пребывания. Искусственно созданная среда трансформируется стремительно, так как техника совершенствуется быстро и каждое новое техническое нововведение меняет привычную жизнь человека, создает определенные трудности в его адаптации. Американский философ О. Тоффлер в своей работе «Шок будущего» писал об испытываемом человеком шоке перед теми социальными изменениями, которые вызваны техническим прогрессом. Стремясь быстрее адаптироваться, человек постепенно устает психологически и уже не может приспособиться, на-

ступает предел адаптации, так как его психологические ресурсы не беспредельны [4]. Постепенно человек становится все более консервативным, не способным воспринимать новое. Эта мера существует не только для индивидуума, но и в пределах целых обществ. История России показывает, что адаптация к демократии и капитализму отняла у россиян много сил, сформировалось поколение людей, выросших в новых социальных условиях и принявших либеральные ценности, отчуждая при этом поколение людей, так и не адаптировавшихся к новой жизни, ушедших в молчаливую оппозицию, ставших маргиналами. Вместе с тем пока проходила эта адаптация, западное общество сделало большой шаг вперед в развитии социальных отношений, например, оно узаконило однополые браки, что не может быть принято даже либеральным сознанием адаптировавшихся россиян. Возможно, здесь наступает некий предел принятия россиянами быстрых изменений, происходящих на Западе. Наиболее трудно происходит включение в новые условия у людей пожилого возраста, которым сложнее приспособиться ввиду истощенности ресурсов психики.

Все, что создает человек, несет в себе деструктивный потенциал, так как может быть использовано как во благо, так и во вред, начиная от примитивных орудий труда и заканчивая атомной энергией. Если мы будем совершенствовать человека на генетическом уровне, то, с одной стороны, это может привести к положительным результатам: люди будут меньше болеть, станут умнее, увеличится продолжительность их жизни, но с другой – появится разделение на совершенных и несовершенных, что грозит новым фашизмом и другими негативными последствиями.

Еще одной разновидностью отчуждения является усложнение социума, все более растущее разделение труда, усложнение деятельности человека. Каждой профессии приходится все дольше учиться. Человек становится винтиком в социальном механизме, выполняющим одну функцию. Каждый винтик должен быть заменяемым, поэтому человек чувствует конкуренцию. Для лучшего управления сложным обществом необходимо создать аппарат управления – бюрократию, формализовать отношения, то есть сформировать социальные

институты, а значит, в итоге образовать формы отчуждения, о которых говорилось выше. Социальные институты, включая и государство, делают действия людей вынужденными, ритуальными, убивают в них все чувственное, стихийное. У людей формируется ненависть к социальным институтам, появляются анархисты, антиклерикалы, питающие отвращение к браку или школьному обучению.

Еще одна тенденция отчуждения – это индивидуализация общественной жизни. Если древние люди были интегрированы в какие-либо общности (племена, сословия, цехи, религиозные общины), то современное человечество освобождается от этих связей, разрушая их и объединяясь в небольшие группы, противопоставляя свои частные интересы интересам общественным и отстаивая их на правовом уровне. Философы левого толка считают, что человек должен жить не частной жизнью, а коллективной. Современное общество стремится защитить индивидуальность в ее уникальности, неповторимости, так как чем разнообразнее будет общество, тем выше его творческий потенциал.

Итак, можно сделать вывод, что феномен отчуждения всегда присутствовал в истории человечества. Все, что человек создавал в своей жизни, обретает самостоятельность. Необходимо добавить, что создание любой вещи или идеи не проходит бесследно. Любое творчество необходимо оценивать позитивно и негативно не только с точки зрения его влияния на природные или общественные процессы, необходимо также понимать, что создаваемый человеком искусственный мир возникает не на пустом месте. В отличие от Бога, который, как написано в Библии, творит мир из ничего, человек использует нечто, взятое у природы или созданное синтетически, но на основе природных элементов. Забирая что-либо у природы, человек совершает зло, нанося ей ущерб в той или иной форме. Не восполняя природные ресурсы, он в определенном смысле настраивает природу против себя, и она отвечает ему экологическим кризисом. По отношению к природе человек является, безусловно, захватчиком, хищником, который считает ее чуждой себе. Сейчас мы много говорим о необходимости сбережения природы, но ведь, по сути, раньше мы об этом не задумывались и обратили внимание на эту пробле-

му лишь тогда, когда природа ответила человеку экологическим кризисом и стала угрожать его здоровью. Если бы не это обстоятельство, то хищническое отношение к природе могло бы продолжаться еще долго. Необходимо признаться, что вещи и явления, которые лишены развитого сознания, человеческого разума, безжалостно эксплуатируются. В этом смысле человек создает иерархическое бытие, где есть управляющие и управляемые, эксплуатируемые и эксплуататоры, богатые и бедные, высшие и низшие. Лишь уничтожая нечто, мы способны нечто создавать. Даже появившаяся у нас в голове хорошая, как нам кажется, идея вытесняет другие и отчуждает их от себя, если они ей противоречат. Изменяя мир, человек ломает его, нарушает установившиеся в нем связи и отношения. Этот принцип, который можно назвать созиданием через уничтожение, важен, на наш взгляд, и для понимания отчуждения. Любая вещь, явление и процесс – это выбор, который можно сделать, и значит, отсесть на определенный момент все другие вещи, процессы и выборы. Каждый человек может прожить только одну жизнь и совершить только те действия, которые он выберет и, значит, отодвинет в сторону массу других возможностей. Важным аспектом отчуждения может служить и конкуренция между людьми. Будучи эгоистами, они стремятся к доминированию и господству. Желая управлять природой, человек хочет также преобладать над другими, только нужно определить сильных и слабых. Созидая государство, человек подавляет недовольных и противящихся его созданию, а победив, начинает управлять слабыми. Таким образом, еще одним важным принципом в понимании феномена отчуждения является стремление человека к доминированию, то, что Ф. Ницше называл «воля к власти». Доминирование над природой и человеком порождает феномен отчуждения. Даже творчество, по сути, имеет целью доминирование. Стремление создать такое творение, которое покорит других или заставит

трепетать в восторге, позволит выделиться с целью признания, есть скрытое желание быть лидером, законодателем моды, властителем умов и чувств. Власть человека над другим человеком приводит к эксплуатации и отчуждению человека от человека. Становясь победителем или побежденным, господином или рабом, мы создаем отчуждение. Господину будет чужд раб, а рабу ненавистен поработивший его господин. Отчуждение человека от человека порождает такие феномены, как война и терроризм. Чем более отчужденными по своей культуре будут народы и государства, тем выше может оказаться уровень их потенциальной конфликтности, возможности войны.

Таким образом, феномен отчуждения можно рассмотреть на трех уровнях: в отношении природа и человек; в отношении Я и Другой; в отношении самоотчуждения, когда человек отчуждается от самого себя. Последнее можно рассмотреть как отчуждение бессознательного от сверхсознательного, отчуждение конструктивного и деструктивного, тезиса и антитезиса внутри человека. Так мы приходим к пониманию того, что феномен отчуждения тесно связан с понятием борьбы, присущим жизни как таковой, и человек не является в этом смысле исключением. Борьба как вселенский закон начинается благодаря наличию противоположных начал, которые состязаются друг с другом за доминирование, а победа одного из них приводит к торжеству и одновременному поражению и трагедии другого. Противоположности отчуждают друг у друга право на существование. Для того чтобы преодолеть вечное отчуждение, человек должен перестать смотреть на себя, мир, на другого человека как на предмет манипуляций, он должен осознать себя неразрывной частью вселенной, без которой он сам не существует. Он должен понять, что его подлинное назначение – выход из состояния борьбы за доминирование, в которой ему не одержать победы, и стремление к познанию тайн бытия, благоговения перед ним.

Литература

1. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. URL: <http://www.svitk.ru>.

Bibliography

1. Illich I. Release from schools. Proportionality and the modern world. URL: <http://www.svitk.ru>.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42: Экономическо-философские рукописи 1844 года. М., 1974.
 3. Маркузе Г. Одномерный человек. URL: <http://www.modernlib.ru>.
 4. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002.
 5. Фейербах Л. Сущность христианства. М., 1965.
 6. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2006.
 7. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
 8. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.–СПб., 1997.
2. Marx K., Engels F. Compositions. Vol. 42: Economic and philosophical manuscripts of 1844. Moscow, 1974.
 3. Marcuse H. One-dimensional person. URL: <http://www.modernlib.ru>.
 4. Toffler A. Future shock. Moscow, 2002.
 5. Feuerbach L. Essence of Christianity. Moscow, 1965.
 6. Fromm E. Healthy society. Moscow, 2006.
 7. Heidegger M. Life and time. Moscow, 1997.
 8. Horkheimer M., Adorno T. Dpowered by dialectics of education. Philosophical fragments. Moscow–St. Petersburg, 1997.

Карнаушенко Леонид Владимирович
Karnaushenko Leonid Vladimirovich

начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
доктор исторических наук, профессор.

Head of the Department of Theory and History of Law and State, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of History, Professor.
Тел.: 8 (918) 691-95-06.

**НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН
В СОВРЕМЕННОМ «ТЕХНОЛОГИЗИРОВАННОМ» ГОСУДАРСТВЕ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ**

**The immunity of citizens' private life in the modern «technological» state:
theoretical and applied analysis**

В статье отмечается, что трансформационные процессы, охватившие все сферы общества начала XXI века, затронули и социальный институт государства, который, стремясь успешно адаптироваться к происходящим изменениям, значительно усилил свою технологическую оснащенность информационно-компьютерными, микропроцессорными, телекоммуникационными технологиями. В новых условиях становится очевидной, по мнению автора, угроза доминирования государства над отдельной личностью, непропорционального вмешательства в частную жизнь людей.

Ключевые слова: государство, право, частная жизнь граждан, угрозы и риски, «технологизированное» государство, исследования общественно-го мнения.

The article notes that the transformation processes covering all spheres of society in the early XXI century, also affected the social institution of the state, who, seeking to successfully adapt to current changes significantly strengthened its technological equipment of information computer, microprocessor, telecommunication technologies. In the new conditions becomes an obvious threat to the dominance of the state over the individual, disproportionate intervention in people's private lives.

Keywords: state, law, private lives of citizens, threats and risks, «technologyservice» the state, research of public opinion.

В обществе начала XXI века происходят масштабные социокоммуникативные и социокультурные изменения, связанные с генезисом и развитием глобального постиндустриального миропорядка. Коренным образом меняются факторы социального развития, на первый план выходят информация и информационные технологии, создающие новую социотехническую среду общественной жизни. Именно поэтому исследователи часто используют термин «информационное общество», подразумевая ключевую роль в нем информации, наукоемких технологий, индустрии знаний, глобальной сети Интернет.

Э. Тоффлер полагал, что постиндустриальное общество является третьей стадией (или волной) развития человечества после аграрной и индустриальной. Каждая волна в представлениях исследователя представляет собой не-

кий рывок в науке и технике, который детерминирует глубинные сдвиги в жизни общества. В этом смысле уникальность постиндустриального общества становится совершенно очевидной [5].

Д. Белл, обосновывая социальную базу информационного общества, отмечает, что речь идет о различных услугах, по преимуществу связанных с накоплением и распространением знаний как в локальном, так и социальном масштабе. Ученый полагал, что в результате научно-технической революции произошло превращение науки в непосредственную производительную силу, которая стала главным фактором и развития общества, и его самосохранения [2].

З. Бжезинский обосновал концепцию технотронного общества, уникальными чертами которого выступает симбиоз культурных, пси-

хологических, социальных и экономических отношений. Данная ситуация возникает под воздействием техники и электроники, особенно в сфере компьютеров и массовых коммуникаций. Непосредственная реальность фрагментируется, глобальная реальность все сильнее и сильнее поглощает индивидуума, вовлекает его и даже порой подавляет [8]. Методологическая ценность концепции З. Бжезинского заключается в акцентировании внимания на скрытых возможностях институциональных структур постиндустриального общества, которые, оперируя информацией, информационными потоками и технологиями, обладают потенциалом воздействия на отдельного человека, который не способен в большинстве случаев выйти из-под давления и вынужден подчиняться. Одной из таких институциональных структур, играющих ключевую роль в современной социальной системе, является государство, которое существенно изменяет свой облик именно в начале XXI века.

Вместе с тем технико-технологические изменения в существенной мере влияют на социальный институт государства, с одной стороны, предоставляя ему беспрецедентные возможности по усилению систем контроля и управления за счет информационно-компьютерных технологий, а с другой – одновременно актуализируя угрозы и вызовы, связанные с «компьютерной революцией». Перспективы социального института государства во многом зависят от того, в какой мере ему удастся адаптироваться к новым условиям глобального информационного общества. Одним из инструментов повышения эффективности государства на современном этапе выступает его информационно-компьютерное оснащение.

Исследователи справедливо обращают внимание на мощное влияние информационно-коммуникационных технологий, которое проявляется, прежде всего, в сфере личных прав граждан, среди которых особое место занимает право на неприкосновенность частной жизни. С развитием интернет-технологий институциональные механизмы зачастую оказываются недостаточными для соблюдения права человека на неприкосновенность частной жизни [6, с. 50–60]. В данном случае государственная целесообразность (обосновываемая необходимостью обеспечения безопасности и

суверенитета) ставится на первое место по сравнению с правами и свободами людей.

Как указывает А. В. Туликов, в публично-правовых отношениях все чаще используются специализированные государственные информационные системы, для полноценного функционирования которых необходимо расширение полномочий органов власти в сфере обработки в автоматизированном режиме различного рода личной информации. Данные процессы наряду с мерами, которые предпринимаются для обеспечения национальной безопасности, приводят к формированию в законодательстве ограничений права на неприкосновенность частной жизни [6, с. 50–60].

В обществе начала XXI века все чаще наблюдается «количественное» доминирование электронных, информационных, коммуникационных систем, которые предоставляют беспрецедентные, ранее не известные формы и возможности для вмешательства государства в частную жизнь людей. Как отмечает К. Н. Обухов, повсеместное появление камер, развитие специального программного обеспечения, способного идентифицировать нежелательные персоны, а также базирующийся на современных компьютерных и сетевых технологиях процесс повсеместной «оцифровки» частной жизни приводит к принципиальной обзримости социального пространства. При этом личность как «субъект виртуального общества» прописывается и начинает существовать во множестве электронных баз данных, фактически утрачивая право на личную жизнь [4].

Вместе с тем право на неприкосновенность частной жизни людей является ключевой конструкцией современного института государства и в первую очередь гражданского общества как некоего инструмента «профилактики» неототалитаризма. По мнению Е. А. Филимоновой, право на неприкосновенность частной жизни представляет собой охраняемое законом естественное право человека на самоопределение и независимость в решении вопросов частной жизни, выбор не противоречащей закону линии поведения в обществе, включающей право на невмешательство со стороны государства, общества или другого человека в его частную жизнь без законных на то оснований или в неустановленном законом порядке, а также право на защиту от

посягательств на частную жизнь человека с возможностью применения принудительной силы государства [7, с. 14].

Ключевой проблемой применительно к постиндустриальному обществу начала XXI века выступает потенциал современного программного обеспечения, управляющего процессом сбора, обработки и анализа информации, в том числе и личного, конфиденциального характера. В этой связи возможности машин весьма широки, и в ряде случаев не составляет большой сложности под видом явных процессов сбора и обработки информации осуществить и параллельное вторжение в личную жизнь граждан. Такого рода правонарушения крайне редко становятся достоянием обществу в следующих случаях: во-первых, в силу недоступности широким слоям населения возможностей контроля подобной деятельности; во-вторых, конфиденциальности проводимых мероприятий, существующих ограничений к доступу к подобной информации даже сотрудникам правоохранительных органов; в-третьих, граждане, ставшие жертвой подобных правонарушений, зачастую могут ничего не подозревать об этом.

Именно поэтому, как справедливо отмечают исследователи, право на неприкосновенность частной жизни представляет собой право человека, гарантированное запретом несогласованного проведения информационных процессов в сфере его частной жизни и обеспечивающее его независимость во взаимоотношениях с иными лицами, обществом и государством [1, с. 91]. Однако подобное право граждан, например, входит в противоречие с развитием инновационных средств фиксации и анализа информации, в том числе о частной жизни граждан. Одним из подобных инструментов является система «Безопасный город», представляющая собой единый автоматизированный комплекс, сочетающий программное и аппаратное обеспечение, который позволяет контролировать события, происходящие в общественных местах [3]. Подобные компьютерно-аппаратные комплексы, решая множество важных задач, в то же время «ведут наступление» на личные права и свободы граждан, перемещения которых теперь совершенно несложно установить. Учитывая имеющиеся в российском обществе страхи и фобии, данный факт не может расцениваться одно-

значно в аспекте имплицитных и эксплицитных личностных последствий.

Стоит обратить внимание на то, что исследование проблемы неприкосновенности частной жизни граждан не будет полным без анализа мнений самих граждан. Для реализации данной целевой установки было проведено эмпирическое исследование общественного мнения жителей Краснодарского края посредством индивидуального анкетирования (общий объем выборки – 1 140 человек), состоявшегося в феврале-марте 2017 года. Конструирование выборки осуществлялось посредством квотного метода и контроля основных социально-демографических и социально-статусных показателей респондентов. В результате исследования были получены следующие данные.

Отвечая на вопрос: «Насколько лично для Вас важна неприкосновенность частной жизни граждан?» – большинство респондентов ответили утвердительно, признав таким образом важность данного обстоятельства (важно – 53,2 %, скорее важно – 28,8 %). В абсолютном меньшинстве оказались те, кто считает неприкосновенность частной жизни не слишком важной лично для себя (скорее неважно – 11,7 %, неважно – 4,4 %). Незначительная доля респондентов затруднилась дать ответ на поставленный вопрос.

При ответе на вопрос: «Насколько проблема неприкосновенности частной жизни граждан актуальна для современной России?» – многие участники опроса указали на ее значимость. Так ответили 58,2 % респондентов. Противоположного мнения придерживаются 29,2 % участников исследования. Уклончивый, неоднозначный ответ предпочли дать 12,6 % респондентов.

На вопрос: «Случалось ли Вам сталкиваться с попытками несанкционированного вмешательства в Вашу частную жизнь?» – подавляющее большинство опрошенных – 72,1 % – дали отрицательный ответ. Лишь 18,6 % респондентов подтвердили, что сталкивались лично с подобными попытками. 9,3 % опрошенных затруднились дать содержательный ответ на этот вопрос либо не пожелали сделать это.

Вместе с тем при ответе на вопрос: «С чьей стороны имели место подобные попытки?» – респонденты не смогли прийти к какому-либо консолидированному мнению. Здесь в равной

мере упоминались преступные элементы, интернет-мошенники и пр. (35,2 %), структуры, прямо или косвенно связанные с государством (46,9 %), иные акторы современного информационного пространства (в совокупности 14,3 %). Кроме того, 3,6 % опрошенных затруднились ответить на вопрос.

Мнения участников исследования разделились практически поровну при ответе на вопрос: «В какой мере современное государство вмешивается в личную жизнь граждан?». 51,6 % респондентов убеждены, что государство вмешивается в частную жизнь граждан. Вместе с тем противоположной точки зрения придерживается 41,3 %. Еще 7,1 % респондентов не смогли прийти к однозначному мнению по данному вопросу.

Проведенное исследование показало, что в представлениях жителей России сложилась противоречивая картина, в целом соответствующая сложности и многоуровневому характеру проблемы неприкосновенности частной жизни людей. Респонденты в большинстве своем признают важность обеспечения неприкосновенности личности, хотя явных угроз не замечают (это подтверждает наличие более двух третей от общего числа опрошенных, кто никогда не ощущал на себя угроз и вызовов частной жизни). Так, около трети опрошенных убеждены, что данная проблема не актуальна для российского общества. Лишь каждый пятый респондент сталкивался с попытками вмешательства в частную жизнь, но и здесь мнения их серьезно разнятся по поводу принадлежности злоумышленников. При этом общая доля тех, кого беспокоит вмешательство в частную жизнь со стороны государства, невелика. Многие страхи и фобии людей продиктованы, скорее, сообщениями СМИ, произведениями массовой культуры, неподтвержденной информацией и т. п. Таким образом, исследование показало, что проблема вмешательства государства в частную жизнь граждан в данное время не является критичной для большинства опрошенных.

Таким образом, происходящие в начале XXI века масштабные трансформационные процессы способствуют глубоким изменениям в функционировании различных социальных институтов и подсистем. Не является исключением и социальная сфера, которая адаптируется к происходящим изменениям, ос-

ваивает технологическое информационное пространство. Современное государство в эпоху технотронного социума (в терминологии З. Бжезинского) само становится технологизированным. Для адекватной реакции на угрозы и вызовы современного постиндустриального мира государство вынуждено интегрироваться в виртуальную информационно-компьютерную реальность.

Стоит отметить, что использование государством «высоких» информационных технологий создает условия для формирования совершенно иной, ранее не фиксированной исследователями формы повседневной реальности. Именно поэтому у «среднего» человека остается все меньше «личного пространства», поглощаемого инструментами электронного государства. Различные системы слежения за безопасностью, камеры фиксации нарушений правил дорожного движения, сеть мобильных операторов и интернет-провайдеров, системы осуществления банковских транзакций и многое другое обладают способностью расширения своего функционала в сторону слежения за частной жизнью человека, в XXI веке тесным образом интегрированного в единое электронно-коммуникационное пространство. Государство в целом ряде случаев обладает возможностями использования подобного рода стратегий обеспечения личной и общественной безопасности, если речь идет о серьезных проблемах, угрожающих стабильности, целостности государства. В остальном неизбежное применение потенциала электронно-компьютерных систем в ущерб обычным гражданам актуализирует угрозы построения «нового тоталитарного» государства, более современного по своей технико-технологической составляющей, но отнюдь не более эффективного в аспекте удовлетворения основных потребностей людей, обеспечения стабильности, безопасности, преемственности и прогрессивного развития.

Опрос общественного мнения, проведенный в Краснодарском крае, показал, что гражданам на уровне обыденного сознания в настоящий момент не ощущают явных угроз вмешательства в частную жизнь. Соответственно, они не могут даже идентифицировать характер угроз и выработать стратегии реагирования. В результате складывается достаточно тревожная картина, заключающаяся в том, что

люди не осознают, что являются объектом не-санкционированного скрытого наблюдения, а приватная информация об их частной жизни не является лишь их достоянием. Вместе с тем объективные данные показывают наличие по-

тенциальных угроз вмешательства в частную жизнь граждан, однако сами люди пока находятся в неведении, а значит, оказываются априори уязвимыми перед такого рода опасным воздействием.

Литература

1. Аберхаев Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблема реализации // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
3. Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (утв. распоряжением Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р). URL: <https://rg.ru/2014/12/11/gorod-site-dok.html>.
4. Обухов К. Н. «Субъект виртуального общества» А. Бюля: техноцентризм в определении индивида в структурах коммуникативной реальности. Ижевск, 2010.
5. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.
6. Туликов А. В. Обеспечение информационной безопасности как гарантия прав человека // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2.
7. Филимонова Е. А. Конституционное право российских граждан на неприкосновенность частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
8. Brzezinski Zb. Between two ages. America's Role in the Technetronic era. N.-Y., 1970.

Bibliography

1. Aberhaev E. R. Right to privacy: legal characterization and the problem of implementation // Actual problems of economics and law. 2008. № 1.
2. Bell D. Coming of post-industrial society. Moscow, 1999.
3. Conception & development of hardware-software complex «Safe city» (decree of the RF Government dated 03.12.2014 № 2446-R). URL: <https://rg.ru/2014/12/11/gorod-site-dok.html>.
4. Obukhov K. N. «The subject virtual companies» A. Buhl: technocentrism in the definition of the individual in the communicative structures of reality. Izhevsk, 2010.
5. Toffler E. The third wave. Moscow, 2010.
6. Tulikov A. V. Information security as a guarantee of human rights // Law. Journal of Higher school of economics. 2015. № 2.
7. Filimonova E. A. Constitutional right of Russian citizens to inviolability of private life: dis. ... PhD in law. Volgograd, 2005.
8. Brzezinski Zb. Between the two centuries. America's role in the Technotronic era. New York, 1970.

**Тишкин Дмитрий Николаевич
Tishkin Dmitry Nikolayevich**

старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Senior Lecturer, Department of Special Disciplines, Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Тел.: 8 (928) 192-33-22.

**Самыгин Петр Сергеевич
Samygin Petr Sergeevich**

профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета доктор социологических наук, доцент.

Professor, Department of Theory and History of State and Law, Rostov State University of Economics, Doctor of Sociology, Associate Professor.

E-mail: samygin78@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**International organized crime as a threat to national security
of the Russian Federation**

В статье анализируются характер и основные тенденции развития международной организованной преступности, выступающей в качестве угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Отмечается, что усиление профессионализма и организованности является одной из характерных и опасных тенденций развития современной транснациональной организованной преступности, представляющей серьезную угрозу для российского общества и государства. В связи с этим авторы указывают на необходимость определения перспективных направлений государственной политики по борьбе с транснациональными организованными преступными формированиями, обеспечению национальной безопасности нашей страны.

Ключевые слова: преступность, организованная преступность, международная организованная преступность, национальная безопасность.

The article considers the character and basic tendencies of the development of international organized criminality as the threat of national security of Russian federation. Intensification of the professionalism and organization, which become the most dangerous tendencies of the development of transnational organized criminality as the serious threat for Russian state and society. Authors specify on here results the necessity of definition of the perspective directions of state politics for struggle with transnational organized formations and achievement of national security of our country.

Keywords: criminality, organized criminality, international organized criminality, national security.

Современный период развития мирового сообщества характеризуется широким распространением транснациональной организованной преступности, создающей реальную угрозу для национальной безопасности отдельных государств, в том числе и Российской Федерации. Международная, или транснациональная, организованная преступность была выделена в качестве одной из наиболее значительных угроз и вызовов нового тысячелетия на 59-й сессии Генеральной Ассамб-

леи ООН в 2004 году: на этой сессии, в частности, было отмечено, что рассматриваемый тип организованной преступности в настоящее время посягает на коллективную безопасность, что обуславливает необходимость координации усилий различных государств, направленных на обеспечение мирового правопорядка. Данное обстоятельство нашло отражение в утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В пунк-

те 43 данной Стратегии отмечается, что «деятельность преступных организаций и группировок», в том числе, транснациональных, связанная с «незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми», относится к числу «основных угроз государственной и общественной безопасности» [1].

Деятельность организованных преступных формирований создает множество угроз для национальной безопасности Российской Федерации, однако политику современного Российского государства отличают непоследовательность и противоречивость. В то же время деятельность многочисленных правоохранительных органов, задачами которых является борьба с организованными криминальными группировками, многие эксперты признают как малоэффективную. Необходимо отметить, что повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, совершенствование единой государственной системы профилактики преступности, а также разработка и использование специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений были отнесены упомянутой выше Стратегией национальной безопасности Российской Федерации к числу одних из наиболее приоритетных задач Российского государства [1]. Данные обстоятельства указывают как на теоретическую, так и на практическую значимость исследования функционирования международной организованной преступности в контексте национальной безопасности современной России, предусматривающего определение перспективных направлений государственной политики по борьбе с транснациональными организованными преступными формированиями, обеспечению национальной безопасности нашей страны.

Невзирая на то, что организованная преступность как изменчивое явление зависит от характеристик конкретной социальной среды, она одновременно имеет общие черты, характерные для различных пространственно-временных условий [2, с. 119]. Эти черты включают в себя существование организованных формирований, четкую систе-

му управления и сплоченности их участников, а также строгую криминальную иерархию структур и их членов, совершенствования уже существующих норм поведения, дисциплинарных правил для участников преступных сообществ и ужесточения наказаний для нарушителей законов. Отдельно можно выделить постоянную основу при совершении преступных деяний, а также наличие у организованных преступных структур конфиденциально функционирующего механизма собственных разведывательных подразделений и значительных финансовых ресурсов. Посредством инициирования коррупционных связей, в том числе в государственных структурах, организованная преступность способна оказывать деструктивное воздействие на легитимные общественные отношения. Организованная преступность опасна для успешного и эффективного функционирования государства и общества тем, что оказывает сильное негативное влияние на политическую, национальную сферы общественной жизни, а также экономику страны, стремится осуществлять контроль «за властными, управленческими, хозяйственными структурами, которые используются организованными преступными группировками в целях незаконного извлечения выгоды» [2, с. 119].

Можно констатировать, что, по мнению отечественных исследователей, организованную преступность необходимо рассматривать в постоянной и неразрывной взаимосвязи с преступным бизнесом и криминальной экономикой. Так, с нелегальными финансовыми потоками и криминальной экономикой организованную преступность связывает В. В. Лунеев (организованная преступность, с точки зрения данного ученого, непосредственно проявляется в совершении массовых ограблений, насилия, заказных убийств, похищений людей, захвате заложников, рэкете, терроризме и т. п.) [3, с. 288]. А. И. Долгова, разбирая сущностные характеристики организованной преступности, приходит к выводу, что последнюю отличает тесное «вплетение» в экономику, вторжение в национальную и политическую сферы общественной жизни, а также постоянное стремление осуществлять контроль за хозяйственными, управленческими и властными

структурами, используемыми «преступными группировками в целях незаконного извлечения прибыли» [4, с. 6]. Автор рассматривает организованную преступность в качестве системы преступных группировок, осуществляющих криминальную деятельность как при помощи собственных структур, так и государственных организаций, институтов гражданского общества. Здесь необходимо отметить, что использование понятия «организованная преступность» на практике вызывает определенные трудности. Дело в том, что при его трактовке неизбежно возникают проблемы нормативного, теоретического и практического характера, в частности, существуют сложности с соотношением термина «организованная преступность» с такими понятиями, как «организованная группа» и «преступное сообщество». Отличительной чертой организованной преступности является то, что она представляет собой сложную систему преступных формирований, занимающихся широкомасштабной криминальной деятельностью, создающей для этого благоприятные условия, используя собственные конфиденциальные преступные структуры, выполняющие различные функции [5, с. 25].

Понятие «система», употребляемое по отношению к организованной преступности, не просто обозначает факт того, что большое количество организованных преступных формирований входит в ее структуру, но и подчеркивает их органическую целостность, наличие постоянных устойчивых взаимосвязей между этими формированиями, стремление к созданию благоприятных для преступной деятельности условий, ее развития, роста и легализации криминальных доходов. Организованная преступность в современной трактовке позволяет рассматривать ее как преступность корпоративного типа. Установление скрытой диктатуры организованных криминальных группировок над законопослушным обществом и его членами, а также различными государственными органами, включая и правоохранительные, является одним из основных направлений деятельности организованной преступности.

Организованная преступность в настоящее время характеризуется устойчивой общерегиональной и межрегиональной связью образу-

ющих преступное сообщество криминальных групп, стремящихся контролировать определенную территорию. Сплочение преступной среды достигается посредством подавления легитимных государственных структур, что, в свою очередь, необходимо для извлечения и приумножения преступного капитала.

Будучи изменчивым явлением, организованная преступность, вне всякого сомнения, зависит от характеристик конкретной социальной среды, однако, несмотря на данную особенность, она, как указывает С. В. Ванюшкин, имеет определенный набор общих для различных «пространственно-временных условий» черт, к числу которых относятся: наличие организованных формирований преступного характера и сплоченность их членов, определенную специфическую для этих формирований управленческую систему, своеобразную иерархию криминальных структур и входящих в них преступных элементов, осуществление преступлений на постоянной основе, выработку, совершенствование собственных дисциплинарных правил и норм поведения и соответствующей системы наказаний для нарушителей данного «криминального кодекса поведения», планирование осуществляемых преступлений, для совершения которых используются различные средства, начиная от разведки и ресурсов материально-финансового характера и заканчивая деструктивным влиянием на общественные структуры, государственные органы, которые могут использоваться в криминальных целях на основе широких коррупционных связей [6, с. 10]. Устойчивое функционирование рассматриваемых криминальных формирований достигается на основе сохранения и развития соответствующих организационно-структурных форм, обеспечивающих совершение различных преступлений, среди которых типичными для организованных преступных структур являются бандитизм, кражи, грабежи, разбой, мошенничество, контрабанда, похищение людей и т. п.

Достижения в технической и научной сферах, к сожалению, способствуют развитию различных направлений организованной криминальной деятельности, появлению ее новых видов, повышению уровня организованности и сплоченности преступных формирований. Обстоятельством, свидетельствующим об уг-

розах организованной преступности для национальной безопасности России, является тот факт, что современная организованная преступность, имея транснациональный характер, развивает международные связи с преступными сообществами и организованными группами множества зарубежных государств. В настоящее время выход организованных преступных формирований на международный уровень создает реальную угрозу стабильности развития как конкретных государств, так и в целом мирового сообщества. В специальных криминологических исследованиях отмечается, что такая форма преступной деятельности, как организованная группа, получает широкое распространение в современном мире и характеризуется тем, что криминальные элементы, входящие в ее состав, осуществляют преступную деятельность на основе профессионализма, находя опору при ее реализации в межрегиональных и межгосударственных связях, хорошо отлаженных схемах сбыта имущества и легализации доходов, приобретенных незаконным способом. Преступная деятельность рассматриваемых криминальных групп заранее определяется и планируется, что имеет неизбежным следствием возрастание вреда, причиняемого представителями криминальных структур интересам общества и государства.

По мнению И. В. Щерблякиной и В. В. Звягинцева, международная, или транснациональная, организованная преступность имеет общие с внутригосударственной организованной преступностью черты [7, с. 250]. В то же время ее отличают признаки, к числу которых можно в первую очередь отнести: игнорирование национальных границ при достижении членами международных преступных сообществ своих криминальных целей, связанных с незаконным извлечением прибыли; глобальный масштаб осуществляемых ими операций; распространение криминальной деятельности за пределы государства. Современные международные преступные группировки характеризуются высокой мобильностью, развитой инфраструктурой, позволяющей осуществлять эффективную коммуникацию, развивать широкие международные связи. Что же касается так называемых транснациональных преступлений, то они могут совершаться на территории нескольких государств; возможна та-

кая ситуация, когда подобное преступление совершается в одной стране, однако подготовка к его совершению, необходимое планирование и руководство осуществляется в другой стране и т. д.

Некоторые исследователи отмечают, что международная организованная преступность в настоящее время становится важным фактором, влияющим на мировую политику. Д. В. Балует полагает, что подобное усиление роли транснациональных преступных группировок обусловлено, с одной стороны, тем, что они нередко не встречают должного противодействия со стороны правительств тех стран, в которых они функционируют, а, с другой стороны, расширение экономического взаимодействия, торговли между различными странами облегчает сокрытие нелегальных сделок и перемещений товаров, что обусловлено объективной невозможностью для правоохранительных и таможенных структур отдельных стран осуществлять проверки всех грузов и людей, проникающих на их территорию [8, с. 198]. Применительно к международной организованной преступности можно говорить о негативных эффектах глобализации, также способствующей росту данных преступных объединений. Так, рост мобильности и прозрачности границ, международной торговли и глобальной финансовой системы, возникновение так называемых глобальных городов благоприятствует установлению широких криминальных контактов, созданию «криминального космополитизма», включающего преступников из различных стран, которые совместно планируют и осуществляют различные преступные деяния. Наряду с этим, процесс глобализации сопровождается появлением национальных и глобальных информационных инфраструктур, что, в свою очередь, предоставляет транснациональным группировкам возможность для совершения компьютерных преступлений.

В соответствии с итоговым выводом, сделанным Д. В. Балуетым, объективные реалии развития современного мирового сообщества характеризуются утратой государствами контроля над глобальными рынками, что имеет неизбежным следствием развитие неформальной или теневой экономики, увеличение по-

токов незаконных товаров, нелегальной иммиграции, что становится серьезной проблемой для правящей элиты данных государств [8, с. 200]. В качестве других негативных эффектов глобализации, связанных с преступностью, можно выделить рост преступлений в сфере интеллектуальной собственности, развитие интеллектуального транснационального пиратства, увеличение числа изготавливаемых фальшивых денег и продуктов. Россия как страна с огромным экономическим потенциалом, имеющая обширные территории и богатые природные ресурсы, не может не вызывать интерес у лидеров международных преступных сообществ. В специальных исследованиях отмечается, что в настоящее время особую угрозу как для Российской Федерации, так и для других стран мира, представляют новые формы активизации жизнедеятельности организованных групп и преступных сообществ (ОГиПС), опирающиеся на усовершенствованные методы функционирования криминальных механизмов, усложненные схемы и способы извлечения криминальных доходов [9, с. 652].

Следовательно, современной международной организованной преступности присущи такие характерные черты, как вовлечение в преступные деяния высококвалифицированных специалистов, использование последних достижений науки и техники, наличие и распределение большого объема материальных благ и их нелегальный оборот. Эти факторы неизбежно влекут за собой концентрацию в руках лидеров организованной преступности власти экономической, тесно взаимосвязанной с политической, а также транснациональный характер совершаемых преступлений, соответствующий планируемый размах криминальных операций, что, в свою очередь, предусматривает тесное взаимодействие и сотрудничество преступников, являющихся гражданами различных государств мира. Необходимо отметить, что основные направления деятельности, характерные для общей организованной преступности, совпадают и практически идентичны тем, которыми занимаются транснациональные организованные преступные формирования. Легализацию (отмывание) денежных средств, приобретенных в результате совершения преступлений, различные виды экономической преступности, незаконное обращение

наркотиков, оружия, контрабанду, терроризм, преступления в сфере компьютерных технологий, торговлю людьми, незаконную миграцию, рейдерские захваты, коррупцию и так далее, можно отнести к числу наиболее распространенных преступлений, совершаемых организованными криминальными сообществами транснационального масштаба.

Рассматривая международную, или транснациональную, преступность с точки зрения ее влияния на национальную безопасность, к числу соответствующих преступлений, создающих реальную угрозу для любой страны мира, можно отнести первоначально преступные деяния террористической и экстремистской направленности, а также торговлю людьми, насмничество, незаконный оборот оружия, ядовитых, радиоактивных веществ и наркотических средств, все международные экономические преступления. В настоящее время в мире, по данным специальных исследований, насчитывается около 500 террористических организаций, а совокупный бюджет террористической деятельности ежегодно составляет, от 5 до 20 млрд долларов США.

Между тем опасность организованной преступности, помимо многих причин, обусловлена тем обстоятельством, что практически все направления ее деятельности связаны с проявлением насилия в разных формах. Насилие может осуществляться как с целью защиты подконтрольной преступным группировкам части доходов и территорий, так и в отношении различных групп населения для получения незаконных средств криминального происхождения. Рассматриваемое насилие может исходить как от непосредственных представителей преступных группировок, так и от тех индивидов, которые каким-то образом связаны с их криминальной деятельностью, например, являются получателями незаконных услуг и товаров. Так, многие преступления совершаются гражданами, имеющими наркотическую зависимость, приобретающими наркотические вещества у представителей преступного мира: среднестатистический героиновый наркоман, совершает около 200 преступлений ежегодно с целью получения материальных средств для приобретения незаконных веществ. Различные проявления нарушения прав человека неразрывно связаны с множеством

направлений деятельности организованных преступных группировок: речь здесь может идти о нарушениях прав человека на жизнь и личную безопасность, неприкосновенность и свободу личности, а также имущественных прав. Рассматривая различные виды угроз национальной безопасности, создаваемых организованной преступностью, нельзя не отметить угрозы общественной стабильности и эффективному государственному функционированию, монополии государства в обществе. Крупные криминальные группировки стремятся к установлению на подконтрольных им территориях так называемой силовой монополии, которая может существовать как при содействии коррумпированных служащих муниципальных и государственных структур и ведомств, так и посредством насильственных действий, различных террористических акций, имеющих целью подчинение представителей чиновников и криминалитета установленным преступным миром правилам поведения.

Исходя из вышеизложенного организованная преступность, в том числе международная (транснациональная) преступность, негативно воздействует на политику государства, препятствует развитию различных сфер жизни общества, создает угрозу безопасности граждан. Деятельность организованных преступных формирований может приобрести широкий масштаб в условиях общест-

венной нестабильности того или иного государства, во время кризисных или переходных периодов, характеризующихся некоторым ослаблением функций государства, оказывающегося неспособным противостоять криминальным структурам. Ситуационная обстановка может также усугубляться еще и вследствие того, что в условиях кризисности и общественной нестабильности криминалитет может проявлять заинтересованность в расшатывании устоев государства и общества, влиять на регулирование общественных отношений, подрывать авторитет государства и т. п. Криминальные группировки в случае, если государство оказывается не в состоянии справиться с увеличением преступности и активизацией организованных преступных сообществ, могут, наряду с частичной нейтрализацией правоохранительных государственных структур, осуществить и вхождение своих представителей в органы власти, как законодательной, так и исполнительной, что будет означать окончательное сращивание преступности с государством.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что организованная преступность, относящаяся к социально-негативным явлениям и представляющая серьезную реальную опасность для общества, является одной из существенных угроз национальной безопасности государств.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск. 2015. 31 декабря.

2. Тишкин Д. Н. Методологические проблемы исследования организованной преступности как угрозы национальной безопасности // Экономические и гуманитарные исследования регионов: научно-теоретический журнал. 2016. Вып. 2.

3. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997.

4. Организованная преступность. Проблемы, дискуссии, предложения /под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М., 1993.

Bibliography

1. Edict of President of the Russian Federation of 31-th of December 2015 «About Strategy of the national security of the Russian Federation // Russian gazette. Federal issue. 2015. 12 December.

2. Tishkin D. N. Methodological problems of research organized crime as threats national security // Economical and humanitarical researches of the regions: scientific theory journal. 2016. № 2.

3. Luneev V. V. Criminality of the 20-th century. World criminological analysis. Moscow, 1997.

4. Organized criminality. Problems, discussions, suggestions /under ed. of A. I. Dolgova, S. V. Diakov. Moscow, 1993.

5. Dolgova A. I., Evlanova O. A. Methods of analysis of organized criminality. Moscow, 2005.

5. Долгова А. И., Евланова О. А. Методика анализа организованной преступности. М., 2005.

6. Ванюшкин С. В. Организованная преступность в реформируемой России и направления борьбы с ней: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.

7. Щерблякина И. В., Звягинцев В. В. Транснациональная организованная преступность как угроза безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств: некоторые проблемы теории и практики // Пространство и время. 2014. № 4 (18).

8. Балувев Д. В. Транснациональные преступные объединения как новый актор в мировой политике // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2004. № 1.

9. Байков Д. М. Экспансия организованной преступности как угроза национальной безопасности России // Молодой ученый. 2014. № 8.

6. Vanushkin S. V. Organized criminality in the reforming Russia and directions of struggle with it: abstract dis. ... PhD in law. Moscow, 1999.

7. Scheblikina I. V., Zviagintsev V. V. Transnational organized criminality as the threat of security of Commonwealth of Independent States: some problems of theory and practices // Space and time. 2014. № 4 (18).

8. Baluev D. V. Transnational crime unions as the new actor in world politics // Bulletin of Nizniy Novgorod University. 2004. № 1.

9. Baikov D. M. Expansion of organized criminality as the threat of security of the Russian Federation // Young researcher. 2014. № 8.

Скороходова Валентина Павловна
Skorokhodova Valentina Pavlovna

научный сотрудник лаборатории проблем Северного Кавказа Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук
кандидат политических наук.

Researcher of the Laboratory of Problems of the North Caucasus, Institute of Social and Economic and Humanitarian Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, PhD in Politics.
Тел.: 8 (919) 877-18-27.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2016 ГОДА В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА*

Some peculiarities of the parliamentary elections – 2016 in the North Caucasus republics

В статье рассмотрены основные итоги парламентских выборов 2016 года в республиках Северного Кавказа в условиях непростой общественно-экономической и политической ситуации. На основе данных Центральной избирательной комиссии систематизированы результаты голосования по выборам депутатов Государственной Думы 2011 и 2016 годов. Сделан вывод о том, что существующий порядок формирования властных структур в национальных республиках Северного Кавказа позволяет федеральному центру не только играть заметную роль в системе организации региональной власти, но и непосредственно влиять на электоральные процессы.

Ключевые слова: выборы, электоральный процесс, республики Северного Кавказа, избиратели, избирательное право, политическая стабильность, государственная власть.

The article describes the main results of the parliamentary elections in 2016 in the republics of the Northern Caucasus in the conditions of difficult socio-political and economic situation. Based on the data of the Central election Commission we systematized the results of voting on elections of deputies of the State Duma in 2011 in 2016. We concluded that the existing procedure of formation of power structures in the republics of the Northern Caucasus allows the Federal center not only to play an important role in the system of regional authorities formation, but also directly affect the electoral processes.

Keywords: elections, electoral process, republics of the North Caucasus, voters, electoral right, political stability, state authority.

Выборы являются важным институтом демократического правового государства и играют существенную роль в жизни российского общества. Именно посредством инструментов реализации принципа представительства (прежде всего, выборов и политических партий) происходит вовлечение граждан в избирательный процесс. Многие эксперты сходятся во мнении, что вопрос представительства в Государственной Думе важен как для власти и оппозиционных к ней сил, так и для всего российского общества. Власть депутатов региональных и федеральных парламентов происходит из различных источников: они одновременно имеют статус избранных народом пред-

ставителей, являются участниками законотворческого процесса, влиятельными членами политических партий, значимыми акторами формальной политики и обладают специальными полномочиями [1, с. 219–220].

По заявлению председателя Центризбиркома Э. А. Памфиловой, приоритетными задачами прошедшей в сентябре 2016 года думской кампании стала работа системы избирательных комиссий, направленная на обеспечение финансовой прозрачности, противодействие административному ресурсу и «грязным» технологиям в избирательном процессе.

Среди ряда специфичных черт прошедших парламентских выборов можно выделить не-

* Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России по проведению фундаментальных научных исследований по теме «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» (№ 0260-2014-0005).

сколько наиболее важных. Во-первых, после значительного временного перерыва выборы в нижнюю палату парламента проходили по смешанной системе: по пропорциональному принципу (партийные списки) и мажоритарному принципу (одномандатные округа). Во-вторых, возрос уровень партийно-политической конкуренции, представители 14 партий могли выдвигать своих кандидатов без сбора подписей, в том числе либеральные и оппозиционно настроенные объединения. В-третьих, постановка властью важной задачи по обеспечению легитимности избирательного процесса и его результатов посредством открытости, прозрачности, а также отказа от использования административного ресурса.

Важной составляющей избирательной кампании 2016 года явилось и то, что она протекала в условиях обострения социально-экономической ситуации, снижение уровня жизни и социального обеспечения населения. Кроме того, в данный период Россия остро ощущала давление западных санкций, подвергалась провокациям с украинской стороны на границе РФ в связи с присоединением Крыма и, несмотря на все имеющиеся политические разногласия, продолжала активно участвовать в военной операции в Сирии. Перечисленные проблемы, вместе с тем, не помешали власти добиться достаточно высокого уровня общественной поддержки, особенно в национальных республиках Северного Кавказа. Так, самая высокая явка на выборах депутатов Государственной Думы, по данным Центризбиркома, была зафиксирована в Чечне и составила более 94 %. Отметим, что определенный интерес к процессу формирования парламентских структур в многонациональных субъектах РФ со стороны общественности связан с высоким показателем явки граждан на избирательные участки среди прочих регионов.

С середины 80-х годов XX столетия процесс демократизации, начавшийся в России, стал толчком для активной модернизации политических институтов и дальнейшего формирования гражданского общества. Изменение политического режима в государстве повлекло за собой кризис в системе политической власти, а также вызвало потребность в ее реорганизации, с непременным использованием возможностей новых гражданских институтов. За последние годы внимание ученых к изучению электоральных процессов на региональ-

ном уровне существенно возросло. Множество научных публикаций по данной проблематике является ярким подтверждением значимости этого научного направления и его несомненной актуальности. На Юге России, в частности в субъектах Северного Кавказа, отличающихся как многонациональным составом населения, так и большим количеством нерешенных проблем, изучение этих процессов требует особого внимания.

Цель данной работы заключается в систематизации и анализе сведений об итогах парламентских выборов в республиках Северного Кавказа в контексте нового электорального цикла, а также в определении ряда характерных особенностей, присущих их проведению и способных в некоторой степени оказывать влияние на результаты голосования.

На парламентских выборах 2016 года был использован целый комплекс мер, направленных на повышение прозрачности процедуры голосования и усложнение фальсификации их результатов. Рассмотрим некоторые из них. Так, в феврале 2016 года на базе Пятигорского государственного лингвистического университета состоялось открытие Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса. Сфера деятельности центра включала повышение правовой культуры избирателей, профессиональную подготовку членов избирательных комиссий, работающих на территории Северо-Кавказского федерального округа. На его базе осуществлялась также подготовка наблюдателей как для участия в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ в сентябре 2016 года, так и любых других.

С целью противодействия фальсификациям избирательные участки были оснащены электронными урнами – комплексами обработки избирательных бюллетеней (далее – КОИБ). Использование данного оборудования позволило минимизировать влияние человеческого фактора при подсчете голосов и было призвано сделать систему выборов максимально открытой для избирателя и повысить их легитимность. В 2011 году КОИБ были установлены на 196 избирательных участках субъектов Северо-Кавказского федерального округа [7, с. 83], а в 2016 году – 102 [8, с. 246–247]. Считаем, что такое, почти двукратное, сокращение не во всех случаях способствует чистоте проводимых выборов. Так, во время голосования на избирательном участке № 1669 в с. Гоцатль

Хунзахского района Республики Дагестан группа молодых людей ворвалась туда и разгромила его, объяснив впоследствии свои действия тем, что был совершен массовый вброс бюллетеней в пользу одного из кандидатов. Данный резонансный случай подтвердил тот факт, что технические средства, используемые на избирательных участках, помогают повысить уровень доверия граждан, выявить всевозможные нарушения, но вместе с тем не исключают возможности фальсификации на выборах при недостаточной оснащенности ими. Это происшествие было зафиксировано камерой наблюдения. Более 2 тыс. избирательных бюллетеней были уничтожены. Впоследствии результаты выборов на этом избирательном участке были аннулированы. Приведенный случай показательен еще и тем, что был использован так называемый административный ресурс. Зачинщиками конфликта стали представители одного из кандидатов в депутаты. Стремление использовать служебное положение представителями власти во время проведения выборов – нередкое явление российской действительности. Являясь важным элементом политической жизни общества, выборы становятся способом для элитных группировок получить или отстоять властные ресурсы [9, с. 92].

Широкий общественный отклик вызвало также событие, связанное с порчей большого количества избирательной документации по причине длительных гидрометеорологических явлений в администрации Кировского района Махачкалы. В ходе проверки выяснилось, что охрана документации не была обеспечена должным образом. Впоследствии глава Центризбиркома России Э. А. Памфилова после рабочего визита в Республику Дагестан в середине февраля 2017 года подтвердила наличие нарушений, допущенных во время выборов в Госдуму и Народное собрание Дагестана. Всего поступило 111 обращений в Центризбирком из Дагестана, большинство из которых содержали жалобы на «карусели», вбросы бюллетеней, воспрепятствование работе наблюдателей, многократные голосования, фальсификацию итогов голосования, невыдачу копий протоколов.

Ответной реакцией оппозиционных сил Дагестана на нарушения на выборах стала акция протеста 15 представителей партии КПРФ в г. Буйнакске, объявивших голодовку и требовавших пересмотреть результаты голосования. В Махачкале представителем партии

ЛДПР была проведена одиночная акция протеста возле здания республиканского правительства с целью выразить свое недовольство органам федеральной власти на массовые нарушениями во время проведения выборов.

В целом, несмотря на некоторые локальные случаи нарушений и незначительное количество акций протестов, прошедшую избирательную кампанию часть экспертов оценивают как открытую и легитимную. В отличие от предыдущих выборов (2011 года) социально-политическая напряженность в обществе не спровоцировала повторения сценария «болотных» событий в Москве. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года, помимо столицы, проходили в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Сочи, Пятигорске, Ставрополе, Волгограде и Астрахани. При этом на Северном Кавказе единственной политической акцией, которая состоялась, явился митинг протеста в Дагестане, организованный представителями дагестанских отделений партий «Яблоко» и КПРФ и направленный на борьбу с нарушениями избирательного процесса. Остальные планируемые митинги и подаваемые жалобы были отклонены по тем или иным причинам. Данные события стали своего рода негативным опытом для власти и побудили ее сделать ряд шагов навстречу требованиям демонстрантов.

Однако сомнения в прозрачности и достоверности подсчета голосов на выборах побудили массы людей на активные действия, что переросло в политический кризис конца 2011 – начала 2012 года. После митинга на Болотной площади в Москве участниками акции в феврале 2012 года была принята резолюция, состоящая из перечня требований, а именно: свобода политзаключенным, отмена итогов выборов в Государственную Думу, отставка председателя Центризбиркома В. А. Чурова и «расследование его деятельности», регистрация оппозиционных партий и демократизация законодательства в этой области, а также проведение честных и свободных выборов парламента и президента. Для правящей власти стало очевидным, что такого рода события способны повлечь за собой делегитимацию ключевых государственных и общественных институтов и, по сути, пошатнуть существующий государственный строй. Консолидация оппозиционных сил и ясное электоральное послание, основанное на запросах общества, стали тревожным звонком для ключевых

фигур из числа правящей элиты. Так, уже на президентских выборах 2012 года по инициативе В. В. Путина Центризбирком принял решение об установке камер видеонаблюдения на избирательных участках, которыми почти все участки были оборудованы. Согласно требованиям протестующих сторон было осуществлено заметное усиление работы наблюдателей, в том числе зарубежных, а также граждан, мобилизованных оппозиционными кругами. Федеральная власть взяла курс на существенную модернизацию избирательной системы. Спустя годы, несмотря на масштабные проблемы, возникшие перед страной, комментируя ситуацию уже с учетом результатов прошедших выборов сентября 2016 года, на совещании с членами Правительства в Кремле Президент В. В. Путин отметил, что «в условиях этих сложностей, большого количества неопределенностей, рисков люди, безусловно, выбирают так называемую стабильность и доверяют ведущей политической силе, правительству. Результаты голосования – это еще и реакция наших граждан на попытку внешнего давления на Россию, на угрозы, санкции, попытки раскачать ситуацию изнутри» [2]. В связи с этим политическую стабильность в этом ключе следует рассматривать как способность политической системы функционировать и сохранять равновесие достаточно продолжительный период времени без резких изменений. Весьма серьезным вопросом, который требует более детального рассмотрения, является исследование процесса укрепления и повышения роли федерального центра в системе взаимоотношений с регионами посредством реформирования процедуры избрания глав национальных субъектов в постсоветский период.

После распада СССР в 1991 году на фоне многочисленных проблем регионов наметилась общая тенденция к ослаблению центральной власти, в том числе в республиках Северного Кавказа [10]. Острые социально-политические, этнотерриториальные и этностатусные противоречия стали основанием для проведения работы, направленной на усиление степени влияния федерального центра на процесс формирования властных структур в регионах, что впоследствии нашло отражение в принятии ряда законов, регламентирующих общие принципы организации законодательной и исполнительной деятельности органов государственной власти субъектов РФ.

С начала 1990-х в республиках Северного Кавказа главы исполнительной власти избирались путем всеобщего прямого тайного голосования, за исключением Карачаево-Черкесской республики и Дагестана [11, с. 298]. Установление института президентства в регионе и заключение двухсторонних договоров между республиканскими и федеральными органами власти, углубление правовой асимметрии сопровождалось возрастанием претензий национальных элит на государственный суверенитет и способствовали укреплению договорной федерации. Высокая степень конфликтности сферы федеративных отношений стала причиной дальнейших усилий федерального центра на рубеже 1990–2000-х годов, направленных на восстановление единства исполнительной власти в России, в том числе на трансформацию статусов глав исполнительной власти в национальных субъектах Северного Кавказа. Нормы принятого Федерального закона от 29 июля 2000 года № 106 позволили Президенту РФ отстранять от должности президентов республик в составе РФ, распускать региональные парламенты по причине нарушения Конституции РФ, федеральных конституционных законов и федеральных законов [12].

В Федеральном законе от 4 июля 2003 года № 95 были прописаны основания, позволяющие осуществлять отзыв высшего должностного лица субъекта РФ. Отзыв стал возможен вследствие нарушения им законодательства РФ либо законодательства субъекта РФ по решению соответствующего суда, а также за неоднократное неисполнение им своих должностных обязанностей без уважительных причин [13]. Посредством законодательных инициатив осуществлялось постепенное снижение статуса президентов республик, которые могли быть отрешены от должности либо Президентом России, либо с помощью процедуры отзыва гражданами, обладающими активным избирательным правом. Далее по законодательной инициативе Президента России В. В. Путина прямые выборы глав субъектов Федерации были заменены косвенными выборами законодательным (представительным) органом субъекта РФ по представлению главы государства [14]. Закрепил же нормы этого закона Указ от 27 декабря 2004 года № 1603 «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной

власти) субъекта Российской Федерации» [15]. Так, на должность высшего должностного лица вносятся одновременно не менее двух кандидатов. Обозначен перечень требований к предложениям о кандидатах.

Отмена прямых выборов глав северокавказских республик и реформирование избирательной системы в 2000-х годах стали частью политики по постепенному встраиванию институтов власти национальных субъектов в общегосударственную систему управления. В большинстве национальных республик утвержденный институт президентства перестал играть свою первоначальную роль. Статус глав республик был значительно снижен, и из самостоятельных лидеров они превратились в проводников политической воли федерального центра.

В апреле 2012 года был принят федеральный закон, предусматривающий возвращение прямых выборов глав субъектов РФ. Уже через год, в апреле 2013 года, в федеральный закон были внесены поправки, дающие возможность субъектам Федерации заменить прямые выборы своих глав голосованием в региональном парламенте [16]. Партии, входящие в состав регионального парламента и Государственной Думы, обладают правом представлять Президенту кандидатуры на пост главы субъекта РФ, который, в свою очередь, производит отбор претендентов и вносит их на рассмотрение депутатов регионального законодательного органа. Возросшая роль политических партий в вопросе подбора кандидатов на должность глав регионов, перешедшая от полномочных представителей президента, стала для глав регионов весомой причиной обеспечения высоких результатов голосования за партию «Единая Россия».

По мнению экспертов, принятие указанных поправок было вызвано решением федерального центра избежать прямых выборов в северокавказских республиках, в которых наличествует сложный этнический состав населения, имеют место угрозы межэтнических конфликтов и складываются непростые межэлитные отношения. Отметим, что в настоящее время единственным субъектом Северо-Кавказского федерального округа, где на сегодня проводятся прямые выборы главы республики, является Чечня.

Отличительной чертой современной общественно-политической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе является острый контраст между внешней стабилизаци-

ей обстановки, с одной стороны, и существованием значительных социально-экономических, межэтнических и иных противоречий, постоянным стремлением этнических клановых групп закрепить за собой властные prerogatives, влияние и экономические ресурсы в национальных республиках, с другой стороны. В некоторых случаях клановая борьба принимает насильственные формы и ведется в основном вне сферы публичной политики. Достаточно важным для вновь избранных лидеров политических элит становится выстраивание системы отношений с федеральным центром в целях дальнейшего успешного продвижения интересов своих республик. Это является немаловажным обстоятельством, так как бюджеты республик продолжают оставаться дотационными по причине неразвитой экономики. Так, в 2016 году Министерство финансов РФ опубликовало следующую информацию: в консолидированные бюджеты субъектов Северо-Кавказского федерального округа поступило 112,7 млрд рублей дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов, что составляет 21,91 % от общего объема поступлений дотаций по другим субъектам РФ [3]. Субъекты Северо-Кавказского федерального округа обладают отсутствием нормальной социальной инфраструктуры и слабым производственным потенциалом. В целях нормализации жизни в регионе принята государственная программа «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года. По словам Председателя Правительства России Д. А. Медведева, в ходе выполнения первого этапа программы существенные успехи были достигнуты в самых проблемных сферах – образовании и здравоохранении. На втором этапе планируется развивать производство посредством привлечения частных инвестиций [4].

В связи с этим степень влияния клановых структур со всей очевидностью проявляется в период выборной кампании, когда от ставленников федеральных властей ждут высокой явки избирателей и весомую поддержку партии «Единая Россия». Достижение неизменно высоких показателей на выборах, вероятнее всего, происходит при условии поддержки со стороны этнических и семейных кланов в северокавказских республиках. Ниже приведены данные результатов голосования на парламентских выборах в национальных республиках Северного Кавказа 2011 и 2016 годов.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

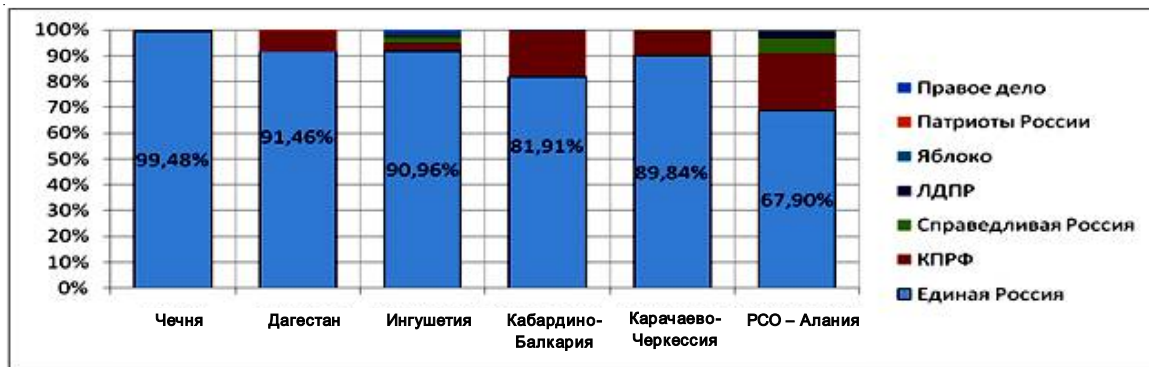

Рис. 1. Итоги выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 года (по пропорциональной системе, 7-процентный барьер)

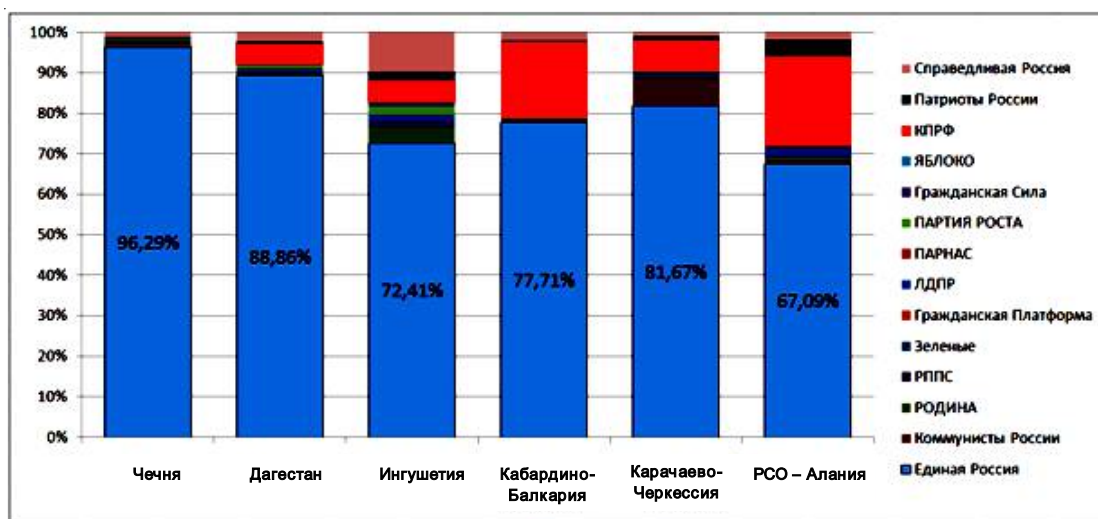

Рис. 2. Итоги выборов в Государственную Думу 18 сентября 2016 года (по федеральному избирательному округу, 5-процентный барьер)

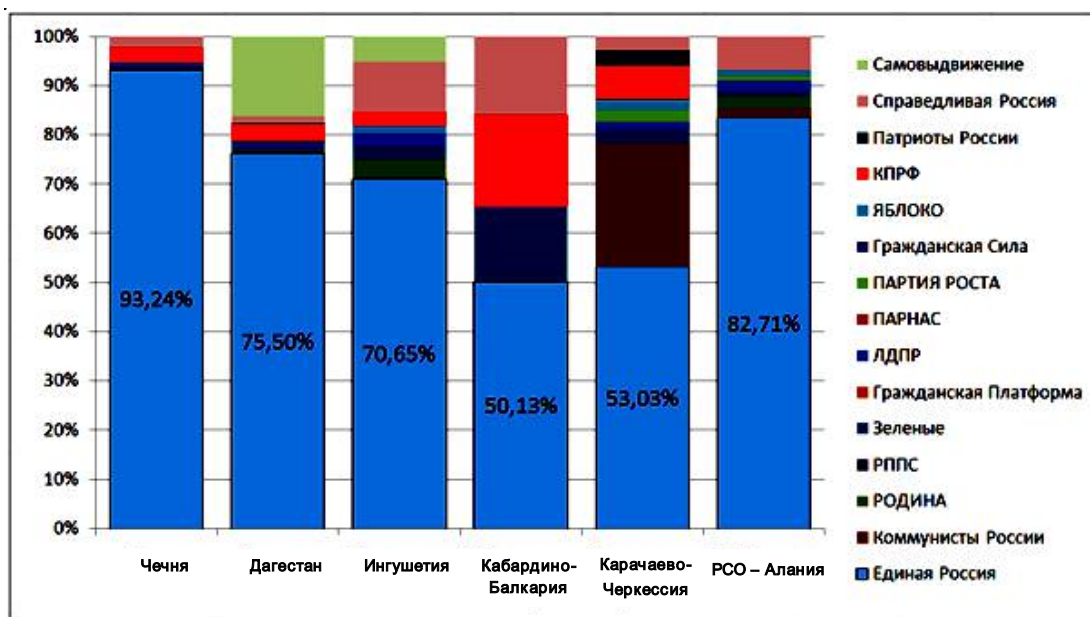

Рис. 3. Итоги выборов в Государственную Думу 18 сентября 2016 года (по одномандатным округам, 5-процентный барьер)

Как показывают приведенные выше данные, итоги выборов 2011 и 2016 годов незначительно отличаются. Появление одномандатных округов на недавних выборах еще раз стало подтверждением многолетнего успеха партии «Единая Россия», получившей преимущественное количество голосов. Высокие цифры в северокавказских республиках могут отражать, по мнению С. М. Маркедонова, «индекс бюрократического рвення республиканских властей». Мы же склоняемся к тому, что полученные результаты могут говорить как о пессимистических настроениях различных социальных групп по тем или иным причинам, так и о высокой степени лояльности избирателей по отношению к тому или иному кандидату от партии или округа. Образовательный уровень населения тоже способен оказывать определенное влияние на итоги голосования. Избиратель, имеющий высшее образование, зачастую голосует за либеральную оппозицию в силу его информированности и способности делать осознанный выбор, тогда как не имеющий высшего образования, как правило, голосует за действующую власть [12, с. 88].

Интересно мнение А. Н. Олейника, который полагает, что «выборы представляют собой механизм обратной связи между членами властвующей элиты и обычными гражданами» [5, с. 77]. Между тем в российских реалиях граждане зачастую попросту не могут получить необходимую помощь даже для решения небольшой проблемы. Влияние населения на действия представителей власти оказывается весьма ограниченным. По этой причине выборы нередко становятся поводом для манипулирования, а сам процесс подсчета голосов остается непрозрачным и подверженным фальсификациям. Взаимоотношения власти и общества в современной России не носят характер общественного договора, подразумевающего, что сами граждане договариваются между собой по установлению такой системы государственной власти, которая наиболее полно удовлетворяла бы их интересы. Политические элиты зачастую позиционируют себя единственными выразителями политической воли и активно используют имеющиеся у них ресурсы в своих индивидуальных или узкогрупповых интересах.

Неслучайно Послание Президента России Федеральному Собранию в декабре 2016 года пронизывает идея опоры на консолидацию и сплоченность общества вокруг государства. По

его словам, инициатива возврата к смешанной системе выборов стала принципиальным шагом навстречу обществу.

Избирательная кампания в очередной раз подчеркнула умение В. В. Путина сохранять контроль над политической системой, несмотря на сокращающиеся властные, экономические и социальные ресурсы, а также на существующий ряд нерешенных проблем в стране. Опрос «Левада-Центра» уже спустя неделю после парламентских выборов 2016 года показал резкое снижение доверия граждан к государственным и общественным институтам. Так, рейтинг правительства составил всего 26 %, доверие к Государственной Думе существенно упало с 40 до 22 %, а рейтинг президента снизился с 80 до 74 % [6]. Такие результаты найдутся во взаимосвязи с возрастанием социально-политической и экономической неопределенности, ростом пессимистических настроений в обществе. Низкий уровень доверия населения к органам государственной власти обусловлен неверием населения в то, что их деятельность способна изменить сложившуюся ситуацию. Монополизация политического ландшафта способствует пассивному отношению населения к политике, что на недавно прошедших выборах выразилось в низкой общероссийской явке избирателей, которая составила всего 47,88 %. Достаточно низкий процент явки, по данным Центризбиркома, был в некоторой степени компенсирован периферией. Так, республики Северного Кавказа уже традиционно показывают высокую явку и почти абсолютную поддержку партии власти, что является объективной реальностью и определяется внутренней спецификой данной территории.

Таким образом, анализ итогов парламентских выборов в субъектах Северного Кавказа позволил выделить ряд характерных особенностей их проведения, а именно:

1. Незначительное количество акций протеста массового характера в северокавказских республиках во время проведения парламентских выборов 2016 года, способных представлять угрозу политической стабильности Российской Федерации.

2. Возвращение к смешанной избирательной системе лишь подчеркнуло отсутствие конкуренции на выборах, что в определенной степени служит препятствием на пути обеспечения смены региональной политической

элиты на представителей власти, способных проводить не антикризисную, а модернизационную деятельность.

3. Инициирование государством институциональных изменений в субъектах Северо-Кавказского федерального округа с начала 1990-х годов привело к возрастанию роли и степени влияния федерального центра на организацию региональной власти, в том числе и на электоральные процессы. Нарастание отрыва исполнительной власти от собственного избирателя стало следствием отмены прямых выборов глав в большинстве северокавказских республик.

Между тем есть все основания предположить, что ситуация вокруг парламентских выборов в северокавказских республиках на протяжении продолжительного времени будет

оставаться объектом повышенного внимания. Обусловлено это не столько высокими официальными цифрами итогов голосования на парламентских выборах, сколько силой и возможностями так называемого «административного ресурса», способного прямо или косвенно воздействовать на избирательный процесс. Несомненно, выборы являются политическим отражением жизни социума. Именно в это время происходит тесное соприкосновение органов государственной власти и населения. В этой связи становится понятно, что основные усилия должны быть направлены на то, чтобы процедура выборов в полной мере служила инструментом легитимации государственной власти и находила должную поддержку у различных слоев населения.

Литература

1. Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М., 2016.
2. Путин: результаты выборов – это реакция граждан на попытки раскачать ситуацию изнутри. URL: <http://finam.info/blog/43028759667/Putin:-rezultatyi-vyiborov-%E2%80%93-eto-reaktsiya-grazhdan-na-popyitki>.
3. Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2016 год. URL: <http://minfin.ru/ru/>
4. Медведев: главная задача субъектов СКФО – развитие производства в округе. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2195832.html>.
5. Олейник А. Н. Массовые протесты в контексте русской власти // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4.
6. Доверие к властным институтам после выборов снизилось. Пресс-выпуск Левада-Центра. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/14/doverie-k-vlastnym-institutam-posle-vyiborov-snizilos/>.
7. КОИБ: история создания и применения: сборник материалов / под общ. ред. В. Е. Чурова, В. А. Крюкова. М., 2014.
8. Количество избирательных участков, оснащаемых КОИБ на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва 18 сентября 2016 года: постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 14 июля 2016 года № 21/163-7 // *Вестник ЦИК РФ*. 2016. № 13.

Bibliography

1. Mass policy: the institutional bases / under the editorship of S. V. Patrushev. Moscow, 2016.
2. Putin: results of elections is a reaction of citizens to attempts to shake a situation from within. URL: <http://finam.info/blog/43028759667/Putin:-rezultatyi-vyiborov-%E2%80%93-eto-reaktsiya-grazhdan-na-popyitki>.
3. Distribution of grants for alignment of fiscal capacity of subjects of the Russian Federation for 2016. URL: <http://minfin.ru/ru/>
4. Medvedev: the main task of subjects of North Caucasus federal district – development of production in the district. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2195832.html>.
5. Oleynik A. N. Mass protests in the context of the Russian power// *Social sciences and the present*. 2012. № 4.
6. The trust to power institutes after elections has decreased. Press release of Levada-Center. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/14/doverie-k-vlastnym-institutam-posle-vyiborov-snizilos/>
7. Ballot paper processing system: history of creation and application: the collection of materials / under a general edition of V. E. Churov, V. A. Kryukov. Moscow, 2014.
8. The number of the polling precincts equipped a ballot paper processing system on elections of deputies of the State Duma of Federal Assembly of Russia of the seventh convocation on September 18, 2016: the resolution of Russian Central Election Commission of July 14, 2016 № 21/163-7// *Bulletin of the Central Elec-*

9. Тюков Н., Запеклый А. Элиты российских регионов: формирование и развитие // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы Международного семинара / под ред. А. Ю. Мельвиля. М., 1999.

10. Скороходова В. П. Перспективы модернизации российской государственности на Северном Кавказе в условиях социально-политической напряженности // *Философия права*. 2012. № 4 (53).

11. Подлазов А. В. Опыт изучения московской электоральной статистики (по итогам выборов) // *Социологические исследования*. 2014. № 6.

12. Федеральный закон от 29.07.2000 № 106-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2000. № 31. Ст. 3205.

13. Федеральный закон от 04.07.2003 № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2003. № 27. Ст. 2709.

14. Федеральный закон от 11.12.2004 № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2004. № 50. Ст. 4950.

15. Указ Президента РФ от 27.12.2004 № 1603 «О порядке рассмотрения кандидатур на должность высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2004. № 52. Ст. 5427.

16. Федеральный закон от 02.04.2013 № 30-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2013. № 14. Ст. 1638.

tion Commission of the Russian Federation. 2016. № 13.

9. Bales N., Zapely A. Elite of the Russian regions: formation and development // *Transformation of the Russian regional elite in comparative prospect: materials of the International seminar / under the editorship of A. Yu. Melvil*. Moscow, 1999.

10. Skorokhodova V. P. The prospects of modernization of the Russian statehood in the North Caucasus in the conditions of socio-political tension // *Philosophy of law*. 2012. № 4 (53).

11. Podlazov A. V. Experience of studying of the Moscow electoral statistics (following the results of elections) // *Sociological researches*. 2014. № 6.

12. The federal law from 7.29.2000 № 106 «About modification and additions in the Federal law “About the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of the Government of Subjects of the Russian Federation”» // *Collection of the legislation Russian Federations*. 2000. № 31. Art. 3205.

13. The federal law from 7.04.2003 № 95-FZ «About modification and additions in the Federal law “About the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of the Government of Subjects of the Russian Federation”» // *Collection of the legislation Russian Federations*. 2003. № 27. Art. 2709.

14. The federal law from 12.11.2004 № 159 «About introduction of amendments to the Federal law “About the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of the Government of Subjects of the Russian Federation” and to the Federal law “About the Main Guarantees of Electoral Rights and Rights for Participation in a Referendum of Citizens of the Russian Federation”» // *Russian Federation Code*. 2004. № 50. Art. 4950.

15. The decree of the Russian President from 12.27.2004 № 1603 «About an order of consideration of candidates for a position of the highest official (the head of the supreme executive body of the government) of the subject of the Russian Federation» // *Russian Federation Code*. 2004. № 52. Art. 5427.

16. The federal law from 4.20.2013 № 30 «About introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation» // *Russian Federation Code*. 2013. № 14. Art. 1638.

Вакула Иван Михайлович
Vakula Ivan Mikhailovich

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, профессор.

Head of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.

E-mail: imvakula@mail.ru

Борисова Екатерина Сергеевна
Borisova Ekaterina Sergeevna

аспирант Южного федерального университета.

Postgraduate Student of the Southern Federal University.

Тел.: 8 (918) 562-02-06.

СПОНТАННЫЙ АСПЕКТ ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ИРРЕГУЛЯРНОМ ЭТАПЕ ГЕНЕЗИСА ГОСУДАРСТВА

Spontaneous aspect of the management paradigm for the irregular stage of the genesis of the state

В статье анализируются существенные признаки иррегулярной фазы государственного управления и обеспечения функций охраны правопорядка, исследуются возможности иррегулярного управления как фактора компенсации эмбриональности регулярного управления.

Ключевые слова: иррегулярное и регулярное управление, полис (город-государство) как эволюционный этап государства, федерационная и иерархическая организация полисов, десятичная система иррегулярного кастинга.

The article analyzes the essential features of the irregular phase of public administration and the provision of law enforcement functions, explores opportunities for irregular management as a factor in compensating for the embryonicity of regular management.

Keywords: irregular and regular management, policy (city-state) as an evolutionary stage of the state, federal and hierarchical organization of policies, decimal system of irregular casting.

Сложный исторический контекст реформирования полиции РФ объективно требует особого внимания к отечественному опыту организации функционирования полиции в различные эпохи становления Российского государства.

За всю историю развития России накоплен интересный и богатый опыт реализации правоохранительной функции государства: иррегулярное обеспечение в условиях слабой инфраструктуры государственного управления, минимальных демографических показателей до конца XVII века и регулярное, профессионализированное обеспечение с 1718 года, генезис которого совпадает с формированием постоянных (регулярных) государственных институтов и профессиональной государственной службы.

Прежде чем стать регулярным, воснизированным, исполнительным структурным элементом государственного управления, профессионально выполняющим охрану общественного порядка, гарантирующим внутреннюю стабильность и безопасность, имеющим систему специализированного кадрового кастинга, полиция России, а вернее, часть государственного аппарата, отвечающая за защиту права и преследование преступников, несколько веков являлась иррегулярным институтом.

Следует отметить, что адекватные представления о генезисе полиции тесно связаны с контекстом концепции формирования государства, в частности, с очередностью возникновения базовых государственных институтов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Западной Европе полиция в со-

временном понимании значения данного термина, формируется после армии и профессиональной бюрократии, являясь завершением процесса институционального и территориального конфигурирования государства.

Причем это наблюдается в условиях наиболее продуктивной и благоприятной для профессионализации полиции разновидности полисной эволюции государства.

Романо-германская цивилизация – это муниципальный (полисный) феномен, первичным атомом которого являлся полис, суверенный город, состоящий из профессиональных корпораций граждан-собственников. Полицейские функции осуществляли сами граждане на иррегулярно-волонтерской основе, профессиональную полицию даже очень богатые греческие или латинские полисы не могли содержать, отдавая предпочтение флоту, ополчению, торговле и ремеслу. Не знали полисы и профессиональной армии, бюрократии, а магистратуры были выборными.

Возможность профессионализации возникла тогда, когда часть полисной цивилизации эволюционировала посредством горизонтальной организации полисов в союзы с субординационной схемой устройства полисов и полисных территорий.

В данный период – хронологически это XVII век – возникает (у романских народов – французов и испанцев в первую очередь) государство с централизованной территориальной структурой (субординационно организованные полисы и полисные территории), функционирующей по внутренней схеме полиса, где место корпораций занимают сами полисы, а внутриполисное управление, превратившееся в управление над полисами – провинциальными центрами, осуществляет столица. Только такое государство поддается квалификации в качестве регулярного, контролирующего все основополагающие сферы жизнедеятельности, допускающее спонтанность в ограниченном и вспомогательном виде.

Оно стало матрицей, моделью территориальной организации абсолютного большинства современных государств как оригинальных центров-метрополий, так и бывших некогда колониями имитационных политических образований. На этой только фазе происходит профессионализация сначала армии, затем или

параллельно и бюрократического аппарата управления, образования и науки и, наконец, полиции.

Это стало возможным, потому что самоуправляющиеся полисы (муниципии – коммуны) оказались иерархически подчинены столице, разделив с ней доходы от эксплуатации полисных территорий, и возник фискальный фундамент для существования крупного государства с большой территорией. Такое государство концентрировало объем ресурсов, несопоставимый ни с полисными, ни с федеративно-полисными объемами.

Итак, для возникновения профессионализированной охраны правопорядка необходимы следующие условия:

- наличие городской (полисной, муниципальной, коммунальной, кантональной) цивилизации как в самобытном, так и в имитационно-миметическом вариантах;

- вхождение этой цивилизации в фазу муниципальной иерархии, появление централизованных (субординационно-полисных) крупных государств.

Вместе с тем значение полисной эволюционной ветви генезиса государства настолько велико, что термин «полиция» (от греч. *πολιτεία* – управление городом-государством (полисом) совпадает по смыслу с понятием «полис».

Смазывают картину генезиса государства и полиции некоторые до сих пор распространенные в научной и учебной литературе, публицистике и нарративе гипотетические устойчивые в силу не совсем понятной инертности концепты, сконструированные и популяризированные французскими историками-романтиками XIX века и их эпигонами, в том числе и российскими.

Это, прежде всего, «феодальная», или «деревенская», гипотеза, суть которой заключается в том, что европейские города и государство спонтанно вырастают из общины, сначала родовой, потом соседской, из которой выделяется феодальная знать и начинает эксплуатировать крестьян изъятием ренты (оброк, отработки). Феодалы, организованные в «феодальные лестницы», живут в замках, воюют с городами. Эта невероятно распространенная версия гипотетического объяснения генезиса государства из протогосударства, города из деревни инерционно тиражируется.

Между тем рассмотренная гипотеза нам представляется «слабой». Прежде всего, полагаем необоснованной попытку выведения сложных феноменов из слишком простого и примитивного субстрата. «Деревня» как тип организованного сообщества находится вне истории, вне времени, так как воспроизводит один и тот же цикл приспособления к ландшафту с целью самосохранения демографической популяции. Основа деревни – община родственников («безусловный род») и обусловленные задачами биологического выживания традиции, проявляющиеся в обычном «праве» (привычном строе жизни, не требующем фиксации и кодификации). «Город» как союз деловых профессиональных корпораций возник не из деревни, а как противоположность ей – полностью оседлый (то есть «исторический», принципиально поддающийся фиксации) образ жизни, основанный на активности деловых кланов, «частной» жизни, собственности, требовавших письменной фиксации актов приобретения, владения, результатов переговоров, приговоров суда, то есть согласованного (кодифицированного) права.

Как следствие, закономерно возникает вопрос о том, а была ли в истории России полисная эволюция. Может быть, с определенными натяжками, к полисной фазе можно отнести города Киевской Руси, особенно Новгород и Псков, и согласиться с И. Фрояновым, квалифицировавшим тип развития Древнерусского государства как «полисную цивилизацию»?

Примечательно, что Московское государство, гораздо более известное и близкое нам по времени, к полисной цивилизации не относит никто, отмечая административно-религиозное, а не торгово-ремесленное значение его «городов».

В то же время Российское государство с большой территорией и аппаратом управления все же возникло. Мыслящие «полисно» немецкие профессора XVIII века в рамках пресловутой «норманнской теории» убеждали читателей, что полисную жизнь привнесли славянам немцы (шведы) извне и «городом» для «деревни»-Руси являлась метрополия – весь германский мир как часть романо-германской муниципальной цивилизации.

Гипотетически можно выстроить объяснительную схему так: Россия не прошла полисной эволюции, например, как Европа, но и не являлась «восточным обществом» (аквадеспотией). Это была страна с земледельческим (деревенским), долгое время переложным, редким полукочевым населением, симботически сросшимся с кочевым населением степей. Такое сращивание позволило выделиться военной аристократии частично из земледельцев, кочевников и существовать на пред-городской фазе. Никто не возьмет на себя смелость указать границы и устанавливающие их демаркационные акты территориальных единиц земледельческого государства и самого государства в IX – первой половине XVII века, в то время как границы полисов являлись сакральными, четко территориально очерченными «контадо» – Тоскана для Флоренции или Венето для Венеции.

Элементы полисной цивилизации действительно появились в России при Алексее Михайловиче, Федоре, Иване, Петре Алексеевичах. Под Москвой находился Кукуй – Немецкая слобода, импортированная «микро-Европа», концентрированный образец городской цивилизации, учрежденный и расцветающий по инициативе царей.

Романовы сами конструировали сверху полисную основу. Петр I, учреждая столицу Санкт-Петербург, превращал в ее «клонов» форты и микрокрепости засечных черт, создавая городские сословия, принимая «на вырост» гражданские законы, регулирующие еще только формирующуюся городскую жизнь.

Причем изначально при такой схеме генезиса сразу формировалась (внедрялась сверху) именно иерархически-полисная поздняя структура организации государственной территории, без прохождения полисной и федеративно-полисной фаз. Провинциальные центры с городским статусом учреждались на принципиально отличных от сельской местности политико-правовых и административных основаниях, при этом отличались от контролируемой территории губернии, как столица от любого из провинциальных центров.

Представляется, что необходимо тщательное исследование проблемы децентрализованного варианта осуществления полисных функ-

ций, когда спонтанно выросших полисов нет, когда они учреждаются сверху, из столицы и в ее интересах, как это с особой ясностью просматривается в Московском государстве и Петербургской империи. Функции полисов тогда осуществляли крупные монастыри, вотчины и поместья.

Таким образом, только с XVII века начнется постепенная профессионализация государства в алгоритмической последовательности: сначала профессионализировалась регулярная армия, затем и параллельно с ней осуществлялось формирование профессионального гражданского чиновничества, а затем и полиции, примечательно, что этот процесс в Российской империи завершился лишь к 1903 году.

Следует отметить, что в России найден уникальный способ компенсации отсутствия достаточной кадровой полицейской иррегулярной, интегрированной службы в поместную систему службой на волонтерско-повинностной основе. Модель отработывалась с учетом европейского опыта сначала в столицах (Петербурге и Москве), затем переносилась в губернские центры, а некоторые черты проецировались на сельские уезды.

Уже первые Романовы создают слой различных дворян, полноценных граждан единственного полиса страны – столицы. Провинциальные дворяне находились на ступень ниже, но на них, как и горожан, возлагался контроль над сельской территорией, а деревни, попавшие в поместный фонд, включались в городскую жизнь. Барский дом-резиденция, по сути, – аналогия европейской летней виллы горожанина, контролировавшего зависимых поселенцев, превращался для крестьян в часть полиса со всеми его функциями. Полицейские, как и фискальные, функции вменялись в обязанность помещика, а поместье становилось самой мелкой единицей государственного территориального районирования.

Непонимание этого обстоятельства разрушает саму возможность объяснения ситуации отсутствия специальных низовых органов или уполномоченных лиц, выполняющих фискальные, полицейские функции. До XVIII века территориальное понятие «уезд» означало мозаику вотчинных, поместных и монастырских территорий с приблизительными границами.

Это и было низшее звено государственного районирования того времени.

Охрана обывателей от посягательств на их жизнь и имущество являлась их собственной проблемой, и только в исключительных обстоятельствах (беспрецедентные массовые волнения, стихийные бедствия и другое) государство в лице своих делегированных из столицы представителей принимало на себя какую-то часть функций по восстановлению правопорядка.

Попытки усмотреть полицейские функции у княжеских дружин в первых государственных образованиях восточных славян (VI–VIII века), а затем и в Древнерусском (Киевском) государстве (IX–XI века), то есть до-городской земельческо-кочевой симбиотики, представляются натянутой чрезмерно гипотетической модернизационной проекцией [4, с. 5–6].

В то время само государство было иррегулярным, то есть непрофессиональным во всех своих звеньях, а при отсутствовавшем внятном государственном районировании (1707–1710 и 1712–1715 до 1775 года), естественно, что функции охраны правопорядка в таких условиях также не были профессионализированы (этот процесс происходил с 1718 до 1782 год). Дефицит специалистов компенсировался наличием институтов спонтанной регуляции, активной ролью местного дворянского и крестьянского самоуправления, разверсточной повинностью и волонтерством, а также рудиментами «кровной мести», практики кормлений, кулачного права и судебных поединков. Обеспечение правопорядка до XVIII века еще не стало одной из монополий государства, а оставлялось в значительной степени на усмотрении частных сообществ.

Только в 1555–1556 годы после отмены кормлений создан постоянный выборный орган местного самоуправления (губная изба), выполнявший одновременно полицейские, фискальные и судебные функции, один для нескольких городов и волостей.

Роль губных изб либеральная мифология исследователей XIX века сильно преувеличила, обозначив как проявление деспотизма государства, явно недооценив иррегулярный характер всех частей государственности того времени. Функции аппарата местного управления выполняли помещики и вотчинники, а поме-

стья и вотчины являлись первичными «государственными» территориями в условиях архаичной инфраструктуры управления [5, с. 118–154, 375].

Бояре и дворяне – это как бы делегированный на расстояние царь, для сельского населения в одном лице конспект всех государственных функций: фискальной, социальной, судебной, правоохранительной, военной. Крестьяне, находившиеся вне поместий и вотчин, «в списках не значились», были полностью предоставлены самим себе (если не попадали в разряд государственных и монастырских). Еще в конце XIX века в Тульской губернии находили незарегистрированные села старообрядцев.

Если требовались координаторы и организаторы исполнения государственных функций, они избирались из числа дворян. Ничего не известно о жаловании этих лиц. Скорее всего, поместье и было формой оплаты их службы. В особо важных случаях из столицы присылали уполномоченного воеводу из бояр, опять же не получавшего за службу прямого жалования, так как владел вотчинами. Видимо, местничество было достаточной моральной компенсацией за тяготы службы для вотчинной аристократии. Города получили особую систему управления, аналогичную магдебургскому праву, только в 1721 году при Петре.

Провинциальное самоуправление вовсе не было самодостаточным, а свидетельствовало о незрелости государства, которое смогло профессионализировать только столичный аппарат управления.

В условиях иррегулярного государства при отсутствии органов государственного управления на постоянной основе, а также как широкой аппаратной, так и узкой функциональной специализации, охрана правопорядка в городах и селах реализовывалась на основе «десятичной системы» – деления населенных территорий на десятки дворов, выдвигавших для несения полицейских функций необходимое количество лиц. Управлял десятком дворов так называемый «десятский», сотней – «сотский». Последние подчинялись специальному полицейскому чиновнику из дворян, который контролировал и администрировал процесс «десятичного» кадрового обеспечения полицейской службы при

патрулировании и сыске («рогаточников» и «решеточников»).

Профессионализация провинциального управления была непосильной для государства задачей даже во второй половине XVII века.

Попытки ввести постоянные назначаемые (следовательно, и обеспечиваемые столицей на постоянной основе) должности воевод с 1669 года не увенчались успехом, уже в 1684 году указ 1669, упразднявший должности губных старост и заменявший их воеводами, был отменен из-за отсутствия на это средств в казне. Фактически до 1782 года государству пришлось обходиться десятичной системой обеспечения охраны правопорядка, которая, несмотря на свой демократический, низовой и спонтанный исток, воспринималась населением как тяжелейшая форма государственной повинности.

На иррегулярной фазе генезиса государства как государственное управление в целом, так и обеспечение его правоохранительной функции, осуществлялись на основе «губной» схемы, то есть выборного управления, являвшегося актом отчаяния еще только формирующегося аппарата власти и управления, предполагавшего спонтанную самоорганизацию активной и социально значимой части населения.

В процессе данной самоорганизации активная роль принадлежала дворянству (распорядительно управляющие казенными территориями – поместьями), в меньшей степени – боярству (полным частным собственникам вотчин). Из дворян формировался профессиональный государственный аппарат сначала для столицы, а затем для провинциальных центров. Дворянство стало открытым сословием и институционально оформлено в армии. После армии проведена трансформация приказов в коллегии, иррегулярный «порученческий» аппарат сменился регулярным специализированным чиновничеством.

Полиция возникала уже на третьем этапе профессионализации как специальная часть бюрократического аппарата, комплектовавшегося на основе армейской практики. Именно поэтому в истории преодоления иррегулярного характера полиции России мы видим и военный, и чиновничий элементы.

Литература

1. Специальные законодательные акты, комплексно регулирующие статус полиции (милиции) в российской истории: хрестоматия / сост.: И. В. Упоров, В. В. Гришай, Л. В. Карнаушенко. Краснодар, 2016.
2. Лобанов А. В., Широков Г. Г. История полиции России: учебное пособие. СПб., 2015.
3. Борисов А. Три века российской полиции / под ред. А. Борисова, А. Мальгина, Р. Мулукаева. М., 2016.
4. Дорохов В. Ж. История органов внутренних дел: учебное пособие. Хабаровск, 2015.
5. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2012.

Bibliography

1. Special legislative acts that comprehensively regulate the status of police (militia) in Russian history: an anthology / composition: I. V. Uporov, V. V. Gritsay, L. V. Karnaushenko. Krasnodar, 2016.
2. Lobanov A. V., Shirokov G. G. The history of the Russian police: a training manual. St. Petersburg, 2015.
3. Borisov A. Three centuries of Russian police / under edition A. Borisov, A. Malygin, R. Mulucaev. Moscow, 2016.
4. Dorokhov V. Zh. History of internal affairs: manual. Khabarovsk, 2015.
5. Pipes R. Russia under the old regime. Moscow, 2012.

Соколов Валерий Анатольевич
Sokolov Valeriy Anatolevich

старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат политических наук.

Senior Lecturer, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in Politics.
Тел.: 8 (988) 533-49-55.

Цыганаш Вадим Николаевич
Tsiganash Vadim Nikolaevich

профессор кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, профессор.

Professor, Department of Administrative Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor.
E-mail: Tsiganash@mail.ru

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Judicial power in political discourse

В статье рассматривается вопрос о том, может ли судебная власть быть признана политической и в каких институциональных условиях она переходит в режим самостоятельного политического бытия. Проанализировав содержательные характеристики судебной власти, авторы пришли к выводу, что она трансформируется в процессе политического изменения.

Ключевые слова: суд, судебная система, судебная власть, правосудие, политика, политические институты, политические процессы, трансформация политики.

The article discusses the question of whether the judiciary can be regarded as a political power and in what institutional conditions judiciary becomes an independent political existence mode. Having analysed substantial characteristics of judicial authority, authors have come to a conclusion that it is transformed in the course of political change.

Keywords: court, the judicial system, judiciary, justice, politics, political institutions, political processes, transformation of policy.

Могут ли быть судебные решения политическими? Является ли судебная власть политической? Можно ли обойтись без решения этого вопроса?

Д. Марч указывал: «Понятие власти должно быть вписано в определенную теоретическую модель, и обоснованность модели является непременным условием обоснованности понятия» [7, с. 12]. В силу общетеоретической потребности этот вопрос неоднократно поднимался в отечественной науке [2, с. 87; 8, с. 17].

Однако с точки зрения исследователей судебная власть не является политической, равно как и отдельные решения судов.

Объяснение сводится к тому, что судебная власть: во-первых, не вырабатывает в области государственного управления самостоятельную политику; во-вторых, выполняет только

функцию разрешения правовых конфликтов, возникших вследствие государственного управления; в-третьих, не располагает достаточными ресурсами в сфере государственного управления [7, с. 60]. Иными словами, суд – это лишь технический инструмент разрешения правового спора.

Вспоминая высказывание Р. Давида о том, что «повсюду судья, стремясь к тому, чтобы избежать упреков в произволе, отдает предпочтение толкованию, которое наряду с буквой закона учитывает и намерение законодателя» [3, с. 85], мы, однако, позволяем себе усомниться в этом.

Предположим, что судебная власть становится политической в той мере, в которой решения государственных органов приобретают политический характер. Так, председатель

Конституционного суда Франции отмечает: «Если императивная норма ясна и точна, не вызывает сомнений, судья обязан склониться перед ней и подчиниться ей... Но если в тексте закона обнаруживаются неясности, то появляются сомнения в смысле и пределах действия нормы, а при сопоставлении ее с другой нормой она будет в какой-то мере противоречить ей, предстанет в более узком или широком значении ... в этих случаях судья уполномочен на самое широкое толкование. Он не должен с упорством выяснять, чем руководствовались авторы кодекса сто лет назад при составлении той или иной статьи. Лучше спросить себя, какой была бы эта статья с учетом изменений... приспособить наиболее свободным и гуманным образом к ... требованиям справедливости, разума и современной жизни» [3, с. 87].

В этом случае решения судебных органов опираются на выработанные в ходе политической деятельности и реализованные в законодательстве практики оценки явлений. Влияние центров политической силы и политических агентов на судебные институты минимально, поскольку они являются основанием и гарантией существования этих судебных практик.

Решения, принимаемые судебными органами, находятся в рамках заданной политики, не опровергают и не формируют ее. Вследствие этого правовые споры, а соответственно, и решения судов находятся внутри сложившейся судебной практики, заданных рамок политического. Даже самое необычное судебное решение не влияет на общественные институты как таковые.

Являются ли в такой ситуации решения судов политическими? Полагаем, что нет, поскольку они не влияют непосредственно на ценности, не формируют новое их *содержание*. Правовые споры осуществляются *внутри единого содержания* политики.

Традиционный взгляд на отношение суда и политики базируется именно на данном сценарии. Но это не означает, что подобное положение следует оценивать как единственно возможное.

Рассмотрим ситуацию, в которой возникает конкуренция политических проектов. Ее можно условно охарактеризовать как «поли-

тики в поиске политики». Именно в этот момент декларируемый подход к базовым ценностям меняется, ибо зависит от внешней по отношению к суду оценки. При этом возникает хорошо известное явление «реактивности законодательства», когда законодательная база противоречива и отражает различные политики в разные периоды времени. Следствие этого – необходимость прямого использования судебных органов, поскольку никаких других институтов, способных к немедленной оценке законодательства, не существует. Без судебной власти общественные институты оказываются работоспособными только в тех областях, где имеется хотя бы какая-нибудь традиционность или протяженность во времени. Именно в силу этого судебные институты оказываются включенными в политическое, они сами генерируют оценки в своих решениях. Для остальных государственных органов и властей правовая среда оказывается слишком непредсказуемой.

Таким образом, суд участвует в реализации политического проекта в пределах своих полномочий. Это означает, что каждое решение судебного органа *определяет содержание новой оценки фактов и событий для общества*.

Решение судебного органа становится политическим, если связано с реализацией конкретного управленческого проекта, ценностей и практик. Чем больше судебные органы выносят подобных решений, тем сильнее они вовлечены в политику.

Вследствие этого, однако, возникает несколько глобальных противоречий. Ж.-Л. Бертельс отмечает: «Нельзя, проявляя излишнюю строгость, переусердствовать при определении степени “ясности” текста. Есть тексты, внешне не вызывающие никаких вопросов, но применение этих текстов ведет к возникновению совершенно абсурдных ситуаций. Есть так же правила, понятные, если их рассматривать отдельно, но противоречащие другим элементам юридической системы» [1, с. 422]. К. И. Комиссаров судебное усмотрение видит в том, чтобы «в случаях отсутствия прямого, абсолютно определенного указания найти такое из ряда предполагаемых законом решений, которое наиболее точно соответствует идее законодателя» [4, с. 24].

Речь идет о противоречии между скоростью политических изменений и их необходимостью.

Следует отметить, что каждое такое противоречие – не только судебный риск. С судебно-правовой точки зрения это источник конфликтов в сфере факта, поскольку спор о факте всегда рождается из оценки какого-либо противоречия. Когда противоречий нет – нет спора о факте. Но именно потому, что данный конфликт находится в области оценки какого-либо события, это прерогатива судов.

Рассмотрим ситуацию, когда судебный орган вынужден своим решением *создавать* политику. Следствием этого является создаваемое судом новое *политическое решение*, которое, даже помимо воли, возникает из необходимости решить проблему создания нового, а значит, само является политическим.

Каково политическое качество судебной власти в таком случае? Она пассивна в том смысле, что только разрешает поставленную проблему средствами судебного действия (оценка и усмотрение). Но в то же время ее решение становится определяющим для государственных органов.

Важным критерием, характеризующим судебную власть в область политики, является метод, при помощи которого вырабатывается решение суда.

Суд в своей деятельности всегда опирается на правовые нормы, справедливо считая, что чем точнее разрешена социальная ситуация при помощи права, тем справедливее будет решение. Это судебная аксиома, подтвержденная исторической практикой судопроизводства.

Особенностью метода является невозможность отказа либо формального, бессодержательного решения. Суд ограничен процессуальной процедурой и принципом публичности, обязан рассмотреть дело, которое отнесено к его подведомственности в сроки, установленные законом. Эти требования императивны и основаны на актах высшей юридической силы – законах.

Суд не может рассмотреть дело таким образом, чтобы, вынося формальное решение, ничего, по существу, не решить. Он связан законодательно прописанными процедурами

пересмотра решений другими судебными инстанциями и правом стороны подать жалобу в случае, если решение, на ее взгляд, является неправомерным. Такая взаимосвязь прослеживается на всех уровнях судебной системы.

Таким образом, предполагаемая пассивность судебной власти в части создания политики оборачивается своей противоположностью – необходимостью вынесения решения и невозможностью исключить эту обязанность.

Итак, если государственный орган генерирует решения, которые являются частью политики, и они оказываются спорными, то творческая роль судебной практики почти всегда скрывается за видимостью толкования закона. И лишь в исключительных случаях, когда «законодательство открыто признает, что закон не может предусмотреть все» [3, с. 97], судьи соглашаются с наличием права на создание правовых норм.

Каков же механизм подобного судебного решения?

Этот вопрос не может рассматриваться в том же контексте, что и решения государственных органов, по нескольким причинам.

Во-первых, государственные органы напрямую связаны с политической системой. Они ею порождаются, ею наделяются полномочиями, ею реформируются ликвидируются. Суды, в отличие от иных органов, упразднить нельзя, так как только они имеют право разрешать конфликты и тем самым запускать механизм правового регулирования, а также определять государственную волю в случае, если возникает спор о праве или факте.

Нельзя также реформировать суды полностью или в части, убрав, например, из их компетенции урегулирование споров, так или иначе связанных с политикой через решения государственных органов, поскольку неизвестно, какое именно решение несет в себе признаки политики и относительно чего может возникнуть спор.

Именно суды являются специализированными органами, предназначенными для устранения споров, и равноудаленными от спорящих сторон.

Во-вторых, суды не связаны с политическим проектом непосредственно. Они вклю-

чаются в него только в момент рассмотрения конфликтных ситуаций и выключаются после разрешения их; не ведут непосредственный политический процесс, поскольку не являются исполнителями его, кроме случаев разрешения споров между исполнителями этого процесса.

В-третьих, суды отличаются от иных органов государственной власти тем, что функционируют в рамках строгих нормативных процедур. Их ликвидация, свидетельствующая об их неэффективности, повлекла бы за собой правовой хаос и коллапс, поскольку это не что иное, как вновь открывшиеся обстоятельства, влияющие на пересмотр всех дел.

Поэтому вопрос о механизме судебного решения автономен, задачи и метод принятия судебного решения отличны от задач и метода принятия решения любым другим органом государственной власти.

При этом суд принимает решение, с одной стороны, в рамках действующей нормативной базы, а с другой – в контексте понятия справедливого, нравственного, рационального, традиционного, то есть с учетом всех оснований, которые связывают судебное решение с общественным одобрением, являются условиями легитимности власти и одновременно ее граничными внеюрисдикционными критериями.

В то же время суд наделен правом переосмысления нормы применительно к конкретному спору, самостоятельной субъективной оценки всех доказательств. Это так называемое судебное усмотрение.

Также обязанностью суда является рассмотрение споров о праве, то есть анализ ситуации, когда оспаривается главный инструмент государственного воздействия – право. По существу, суду придется либо сослаться на другую часть права, либо применять право по аналогии, либо (применительно к данному спору) восполнять правовой пробел.

Из четырех три функции так или иначе субъективны, а значит, делают суд полноценным участником политического процесса именно по признаку субъективности принимаемого решения.

Но одновременно указанный факт является основной причиной, по которой судьи стараются этого избежать: если политический

проект конкурирует с другими, институты не оформлены и в любой момент политика может измениться, то именно на судью и, следовательно, судебную власть ляжет политическая ответственность в той части, в которой судебные решения были основаны на субъективном усмотрении. Ответственность – это причина, из-за которой суды стремятся не допускать подобных способов вынесения решения, ссылаясь при этом на законодательство. Однако рано или поздно возникает ситуация, когда это невозможно. Два инструмента суда – применение права по аналогии и субъективное усмотрение – требуют от судебной власти учета последствий собственного решения. Именно здесь разыгрывается судебная драма. Суд обязан учитывать последствия собственного решения, и в ситуации отсутствия прямого указания закона о том, как именно требуется рассмотреть дело (которое является гарантом его беспристрастности перед лицом всех участников спора), в условиях судебного усмотрения начинает проводить оценку сторон.

Очевидно, что невозможность избежать ответственности диктует необходимость отсрочить ее, следовательно, будет принята точка зрения того лица, которое сейчас или в обозримой перспективе сохранит политическое влияние. Суд это видит, однако немного иначе, и, с его точки зрения, последняя фраза будет звучать так: решение в пользу того лица, которое как можно дольше будет брать на себя политическую ответственность за принятые судом решения.

Действительно, нет никаких причин поступать иначе. Во-первых, субъективность при рассмотрении подобных споров неизбежна, а, во-вторых, суд, не будучи непосредственно включен в систему реализации политического процесса и связанного с ним государственного управления (то есть он не отвечает за последствия сам), вполне индифферентен к выбору точки зрения. Если это так, то что именно мешает суду принять одну позицию, склониться к тем или иным аргументам?

Парадоксально, но суд, не желая того, оказывается связан с политикой, возможно, в гораздо большей степени, чем любой другой орган.

Литература

1. Бержель Ж.-Л. Общая теория права: пер. с фр. М., 2000.
2. Боботов С. В., Вицин С. Е., Коган В. М. и другие. Пути совершенствования системы уголовной юстиции // Советское государство и право. 1989. № 4.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999.
4. Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971.
5. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
6. Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М. и другие. Проблемы судебного права. М., 1983.
7. Шейфер С. А. Взаимоотношения судебной и обвинительной властей // Вестник Верховного суда СССР. 1991. № 8.

Bibliography

1. Berzhel Zh.-L. The general theory is right: translation from French. Moscow, 2000.
2. Bobotov S. V., Vitsin S. E., Kogan V. M., etc. Ways of improvement of system of criminal justice // Soviet state and right. 1989. № 4.
3. David R., Zhoffre-Spinozi K. Main legal systems of the present. Moscow, 1999.
4. Komissarov K. I. Problems of judicial supervision in the sphere of civil legal proceedings. Sverdlovsk, 1971.
5. Ledyayev V. G. Power: conceptual analysis. Moscow, 2001.
6. Polyansky N. N., Strogovich M. S., Savitsky V. M., etc. Problems of the judicial right. Moscow, 1983.
7. Sheyfer S. A. Relationship of the judicial and accusatory authorities // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1991. № 8.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
 - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
 - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор. На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал не содержит неправомерного заимствования, вычитан, цифры, факты сверены с первоисточниками», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, Ф.И.О., должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на сайте журнала).
9. К статье прилагается внешняя рецензия. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. По запросу автора статьи ему может быть предоставлена рецензия.
13. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очереди.
14. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
15. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
16. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
17. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
18. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**